

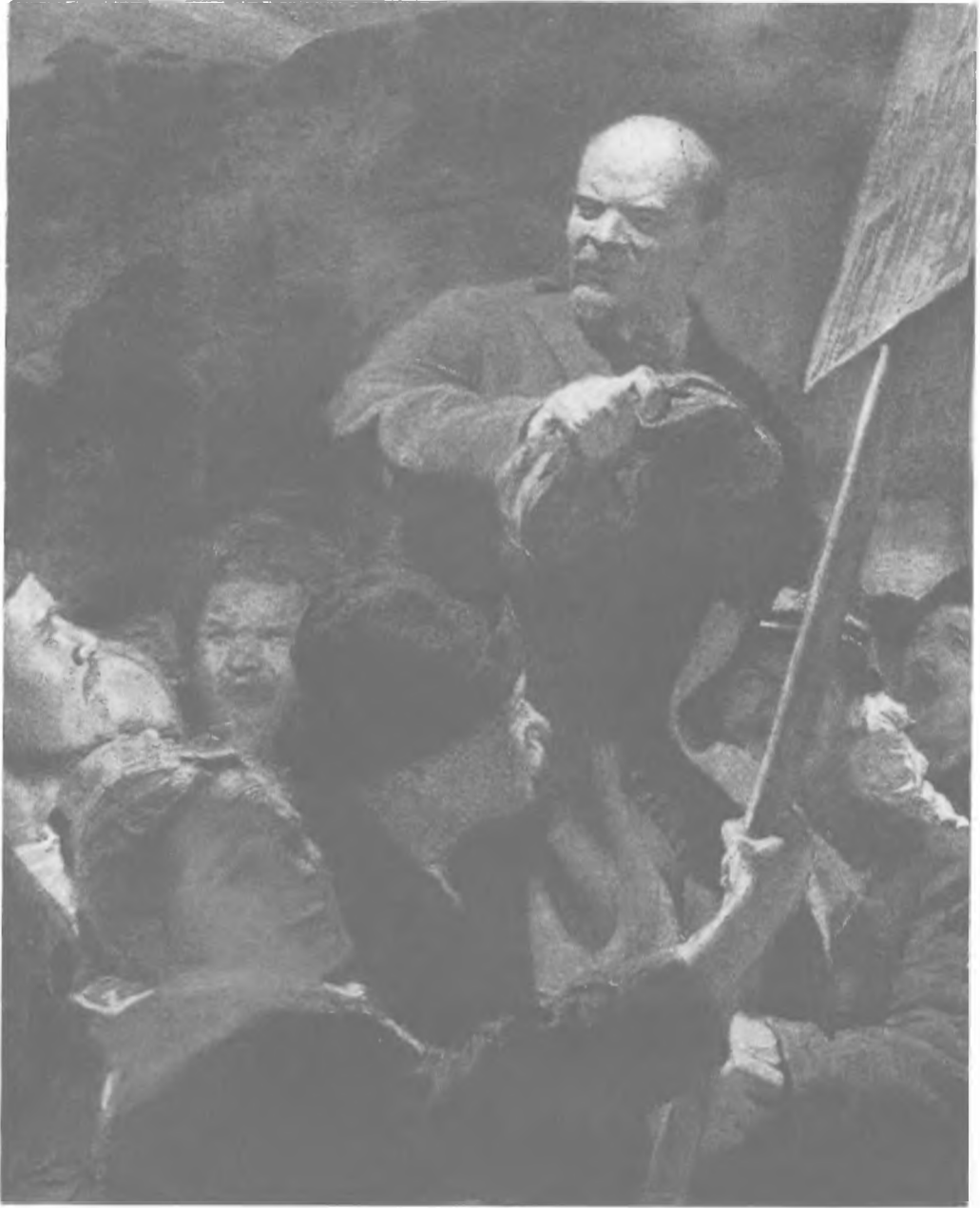
63.2(2)6-2
ЗК 71

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ЖИЗНЬ
ЛЕНИНА

ТОМ 4

*Избранные
страницы
Прозы
и поэзии*

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 4

ЗК 26 ББК 13.5
Ж71

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков
(председатель)
А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев,
Н. В. Свиридов

Оформление
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Иллюстрации
Е. КИБРИКА

Составитель тома
В. Ф. ОГНЕВ

Ж 4803010102—560 Подп. изд.
М101(03)82

© Оформление. Состав. Предисловие.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.

Этот том посвящен поэтической Лениниане. Его открывает одно из самых замечательных произведений — поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Образ Ленина всеохватен. Значение личности Ленина в XX веке не имеет никаких параллелей для сравнения. Учение его воплощено в создание первого в мире государства рабочих и крестьян, а затем и социалистического содружества. Его идеи стали ведущими идеями мирового социального опыта. Он — самый переводимый автор нашего времени. И наверное, ни о ком в истории человечества не написано столько, сколько посвящено ему — Ленину.

В том числе — и в искусстве.

Образ Ленина в поэзии — мы говорим сейчас о советской поэзии — безгранично богат и многогранен. Как

богата и многогранна сама личность Владимира Ильича. Магнетическая в своей мировой символике свободы и справедливости, обаятельная в проникновенной силе простоты и понятности миллионам людей земли. Ленина любили и любят все, кому дорого человеческое в человеке, — этим не многие вожди могут похвалиться, даже те, кто защищал близкие идеалы справедливого общества. Поэзия — сама производное любви к человеку — ощутила это особенно остро. Можно понимать великого человека, можно сочувствовать ему, разделять его взгляды, но ощущать родство личности, кровную свою связь с ней — дано по отношению к исключительным великим личностям, выражающим народные идеалы.

Об Ильиче писали при его жизни, пишут и будут писать в будущем. В этом томе, в разделе «Живее всех живых», сделана попытка проследить за развитием образа Ленина на протяжении более полувека в стихах поэтов нашей многонациональной Родины.

Стихотворения располагаются по условным этапам, приблизительно в рамках десятилетий: от свершения Великой Октябрьской революции до смерти Ильича, с 1925 года — до начала Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии, затем — сороковые, пятидесятые годы и с начала шестидесятых — до наших дней.

Всем памятни крылатые строки одного из первых авторов ленинской темы:

Портретов Ленина не видно;
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Портретов Ленина много. И в них много достоверного, убедительного. Но так, подчеркнем еще раз, многогранен и неповторим был этот человек, Владимир Ильич Ульянов, и так, добавим, неохватно стремление человечества к правде, справедливости, счастью на земле, что

каждый, найдя в образе Ильича свое представление о нем и разделяя общее представление об идеале справедливого общества, которое олицетворяет Ленин, долго еще будет видеть Ленина впереди, как маяк, как знамя...

Эпохальный размах его прозорливой мысли, волю, как бы спрессовавшую жажду многих поколений российских революционеров, целеустремленное действие во имя человека труда, тактическую гибкость гениального политика, запечатлели одни поэты. Ленинскую потребность в правде, как бы горька она ни казалась, честность в выводах, самокритику и трезвость в анализе ошибок, которые неизбежны в таком первопроходческом деле, как народная революция, отмечают другие. Гордость величием вдруг распахнувшихся горизонтов, ощущение многомиллионных масс себя хозяевами жизни, впервые после Октября пробудившееся и выросшее сознание единства национальных и интернациональных интересов — дороги художникам. О Ленине ведут рассказ поэты на 77 языках народов и народностей Советского Союза! Неповторимы краски, особенности национальной музыки. Все новое, революционное, ведущее к свету, свободе, достоинству, пробуждающее лучшие, некогда дремавшие качества человека и народа, — все это связывается с именем вождя революции.

И ничего удивительного нет в том, что именно лучшие поэты различных наций и народностей нашей Родины оставили свое светящееся талантом слово признательности Владимиру Ильичу Ленину — Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Егише Чаренц и Галактион Табидзе, Борис Пастернак и Якуб Колас, Максим Рыльский и Расул Гамзатов, Николай Тихонов и Михаил Исаковский, Симон Чиковани и Ярослав Смеляков...

Читатель найдет здесь трепетные строки Александра Твардовского о первом, детском еще восприятии смерти Ильича и вдруг холодом обдавшем ощущении сиротства.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыши,

*Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.*

*И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.*

*Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.*

*А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.*

*Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней...*

Много раз еще возникнет тема утраты — боли и одновременно силы, рожденной осознанием единства соратников и продолжателей дела Ленина. Реквием на смерть вождя революции раскрывает сущность дела Ленина, осмысливает его вклад в историю. И тот факт, что живая боль продолжает сочиться меж строк и в последующие годы, еще и еще раз закрепляет в нашем сознании образ Ильича как «самого человеческого» «изо всех прошедших по земле людей»...

Обратит внимание читатель и на такую закономерность. К образу вождя поэзия наша обращается постоянно, и слова ее обретают особенную силу тогда, когда народу как бы нужен его совет. В годину особых бед, переломов исторических судеб мира, крутых поворотов на нашем непростом пути в будущее. Особенно показательным

периодом в этом отношении была Великая Отечественная война. Один из центральных образов поэзии тех грозных лет — Ленинское знамя — символ нашего единения перед лицом смертельной угрозы фашистского нашествия, или — образ памятника вождю. По-разному написаны эти стихотворения. Но в основном они сходятся: памятник — святой символ. Живой политрук, в стихотворении Ильи Сельвинского, вскидывает под пулями карателей руку ленинским жестом — становится Лениным! С первых стихов о Ленине жила эта тема: мы все — Ленин, то есть Ленин бессмертен, он — в нас, мы — его вечное продолжение. Мы, дети наши, дети наших детей...

Тема эта получит закономерное продолжение и развитие в поэзии последних десятилетий. В «Ходоках» Николая Заболоцкого, «У кабинета Ильича» Александра Яшина, в его же стихотворении «Ленинский проспект», в стихах Александра Твардовского, Сергея Михалкова и многих других современных поэтов ленинская тема проявлена в ее этическом аспекте как морально-нравственное условие воспитания человека в духе основных заветов революционной эпохи. Чистота идеала, демократизм, достоинство человека труда, соблюдение ленинских норм, гуманизм ленинских идей — такова основная шкала ценностей социального воспитания личности в наши дни. «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...»

Читая стихи о В. И. Ленине, мы читаем свою биографию, биографию страны. И мира вокруг нас.

Мир социальных противоречий, реальный мир борьбы классов, напряженный мир атомного шантажа и нависшей над человечеством тени нейтронной бомбы... Но и мир пробуждения целых континентов к исторической жизни, мир, протестующий против рабства, угнетения человека, против страха и насилия...

Во всем этом поэтическое развитие ленинской темы борьбы за Человека... Темы, которая продолжается, которой нет конца.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
ЛЕНИН

Поэма

*Российской
Коммунистической
партии
посвящаю*

Время —
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною,
 осознанною болью.
Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
 растекаться
 слезной лужею, —
Ленин
 и теперь
 живее всех живых.
Наше знанье,
 сила
 и оружие.

Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий,
ленинский
огромный лоб.

Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолéн,
поклонений
установленный статúт
не залили б
приторным елéем
ленинскую
простоту.
За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой обóлган.

Голосует сердце —

я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.

Промерзшая земля

дрожит от гуда.

Над кострами

обмороженные с ночи.

Что он сделал?

Кто он

и откуда?

Почему

ему

такая почесть?

Слово за́ словом

из памяти таская,

не скажу

ни одному —

на место сядь.

Как бедна

у мира

сло́ва мастерская!

Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,
мы говорим —
«пророк»,
мы говорим —
«гений».
У нас
претензий нет,—

не зовут —
 мы и не лезем;
нравимся
 своей жене,
и то
 довольны донельзя.
Если ж,
 телом и духом слит,
прет
 на нас непохожий,
шпилим —
 «царственный вид»,
удивляемся —
 «дар божий».
Скажут так, —
 и вышло
 ни умно, ни глупо.
Повисят слова
 и уплывут, как дымь.
Ничего
 не выколупишь
 из таких скорлупок.
Ни рукам,
 ни голове не ощутимы.
Как же
 Ленина
 таким аршином мерить!
Ведь глазами
 видел
 каждый всяк —
«эра» эта
 проходила в двери,
даже
 головой
 не задевая о косяк.
Неужели
 про Ленина тоже:

«вождь
 милостью божьей»?

Если б
 был он
 царствен и божествен,
 я б
 от ярости
 себя не поберег,
 я бы
 стал бы
 в перекоре шествий,
 поклонениям
 и толпам поперек.

Я б
 нашел
 слова
 проклятья громоустого,
 и, пока
 растоптан
 я
 и выкрик мой,
 я бросал бы
 в небо
 богохульства,
 по Кремлю бы
 бомбами
 метал:
 долой!

Но тверды
 шаги Дзержинского
 у гроба.

Нынче бы
 могла
 с постов сойти Чека.

Сквозь мильоны глаз,
 и у меня
 сквозь оба,

да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскую лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождам
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыхание
отдал?
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!

Со знаменами идут,
и так. Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажбых
покрасневших век.
Что он сделал?
Кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?
Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
про Ленина
восходят вести.

Слышите —
 железный
 и луженый,
 прорезая
 древние века, —
 голос
 прадеда
 Бромлея и Гужона —
 первого паровика?
 Капитал
 его величество,
 некоронованный,
 невенчанный,
 объявляет
 покоренной
 силу деревенщины.
 Город грабил,
 грёб,
 грабастал,
 глыбил
 пуза касс,
 а у станков
 худой и горбастый
 встал
 рабочий класс.
 И уже
 грозил,
 взвивая трубы за́ небо:
 — Нами
 к золоту
 пути мостите.
 Мы родим,
 пошлем,
 придет когда-нибудь
 человек,
 борец,
 каратель,
 мститель! —

И уже
 смешались
 облака и дымы,
будто
 рядовые
 одного полка.
Небеса
 становятся двойными,
дымы
 забивают облака.
Товары
 растут,
 меж нищими высясь.
Директор,
 лысый черт,
пощелкал счетами,
 буркнул:
 «кризис!»
и вывесил слово
 «расчет».
Кра́пило
 сласти
 мушиное се́во,
хлеба́
 зерном
 в элеваторах портятся,
а под витринами
 всех Елисеевых,
живот подведя,
 плелась безработица.
И бурчало
 у трущоб в утробе,
покрывая
 детворинный плачик:
— Под работу,
 под винтовку ль,
 на́—
 ладони обе!

Приходи,
заступник
и расплатчик! —
Эй,
верблюду,
открыватель колоний!
Эй,
колонны стальных кораблей!
Марш
в пустыни,
огня раскаленной!
Пеньте пену
бумаги белей!
Начинают
черным лататься
оазисы
пальмовых нег.
Вон
среди
золотистых плантаций
засеченный
вымычал негр:
— У-у-у-у-у,
у-у-у!
Нил мой, Нил!
Приплеши
и выплеши
черные дни!
Чтоб чернее были,
чем я во сне,
и пожар чтоб
крови вот этой красней.
Чтоб во всем этом кофе,
враз вскипелом,
вариться пузатым —
черным и белым.

Каждый
 добытый
 слоновий клык —
тык его в мясо,
 в сердце тык.
Хоть для правнуков,
 не зря чтоб
 кровью литься,
выплыви,
 заступник солнцелицый.

Я кончаюсь,—
 бог смертей
 пришел и поманил.

Помни
 это заклинанье,
 Нил,
 мой Нил! —

В снегах России,
 в бреду Патагонии
расставило
 время
 станки потогонные.

У Ива́нова уже
 у Вознесенска
 каменные туши

будоражат
 выкрики частушек:

«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина».

Внуки
 спросят:
 — Что такое капиталист? —

Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?.. —

Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно!

Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».

Машину
он
задумал и выдумал.

Люди,
и те — ей!

Он
по вселенной
видимо-невидимо

рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык — парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвел —
не увидишь такого!
Художник
— не один! —
по стенам поёрзал.
Пол ампиристый,
потолок рококо́вый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторга.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягоди́цей,
задолицая
полиция.

И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя —
распродает
старухам
дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.

Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!

Да это ж —
риторика!

Поэзия где ж?
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,

но я
возвращусь к нему
снова и снова.

Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,

но нынче
не время
любовных ляс.

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдам,
атакующий класс.

Пролетариат —
неуклюже и узко

тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.
Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам:
— Мы прорвемся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет.
С этих нар
рабочий сын —
пролетариатоводец. —
Им
уже
земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить
чужой горле́ц.
Идут,
железом
клацая и лацкая.

— Убивайте!
Двум буржуям тесно! —
Каждое село —
могила братская,
города́ —
завод протезный.
Кончилось —
столы
накрыли чайные.
Пирогом
победа на столе.
— Слушайте
могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
нас
увидите
в военной яви.
Эту
время
не простит вину.
Он расплатится,
придет он
и объявит
вам
и вашинской войне
войну! —
Вырастают
на земле
слезы́ озёра,
слишком
непролазны
крови топи.
И клонились
одиночки фантазеры
над решением
немыслимых утопий.

Голову
 об жизнь
 разбили филантропы.
Разве
 путь миллионам —
 филантропов тропы.
И уже
 бессилен
 сам капиталист,
так
 его
 машина размахалась, —
строй его
 несет,
 как пожелтый лист,
кризисов
 и забастовок хаос.
— В чей карман
 стекаем
 золотою лавой?
С кем идти
 и на кого пенять? —
Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
 себя понять.
Время
 часы
 капитала
 крало,
побивая
 прожекторов яркость.
Время
 родило
 брата Карла —
старший
 ленинский брат,
 Маркс.

Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя стоймя,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая гла́з свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,

Маркс
повел
разить
войною клáссовой
золотого
до быка
доросшего тельца́.
Нам казалось —
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля́.
Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса —
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы —
Маркс
рабочего
поставил на́ ноги
и повел
колоннами
стройнее цифр.
Вел
и говорил:
сражаясь лягте,
дело —
корректурa
выкладкам ума.
Он придет,
придет
великий практик,

поведет
 полями битв,
 а не бумага!
Жерновами дум
 последнее меля́
и рукой
 дописывая
 восковой,
знаю,
 Марксу
 виделось
 видение Кремля
и коммуны
 флаг
 над красною Москвой.
Назревали,
 зрели дни,
 как дыни,
пролетариат
 взрослел
 и вырос из ребят.
Капиталовы
 отвесные твердыни
валом размывают
 и дробят.
У каких-нибудь
 годов
 на расстоянии
сколько гроз
 гудит
 от нарастаний.
Завершается
 восстанием
 гнева нарастание,
нарастают
 революции
 за вспышками восстаний.

Крут
буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стена́я,
тени прадедов,
парижских коммунаров,
и сейчас
вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрал
рабочий класс.—
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий

на рублях колес

землища двигалась.

Капитал

ежом противоречий

рос вовсю

и креп,

штыками и́глясь.

Коммунизма

призрак

по Европе рыскал,

уходил

и вновь

маячил в отдаленье...

По всему поэтому

в глуши Симбирска

родился

обыкновенный мальчик

Ленин.

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.

И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.
Скажут —
это
о булавках а́хи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственной головой
прошел он
этот путь.
Сверху
взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,

словно

плетью исполосована.

Но синей,

чем вода весной,

синяки

Руси крепостной.

Ты

с боков

на Россию глянь —

и куда

глаза ни кинь,

упираются

небу в склянь

горы,

каторги

и рудники.

Но и каторг

больнее была

у фабричных станков

кабала.

Были страны

богатые более,

красивее видал

и умней.

Но земли

с еще большей болью

не довиделось

видеть

мне.

Да, не каждый

удар

сотрешь со щеки.

Крик крепчал:

— Подымайтесь

за землю и волю вы! —

И берутся

бунтовщики-

одиночки
за бомбу
и за револьвер.
Хорошо
в царя
вогнуть обойму!
Ну, а если
только пыль
взметнешь у колеса?!
Подготовщиком
цареубийства
пойман
брат Ульянова,
народоволец
Александр.
Одного убьешь —
другой
во весь свой пыл
пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
И Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
сказал
Ильич семнадцатигодовый,—
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдем путем другим! —

Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на́ плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе,
учит в ку́зничной па́сти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце;
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит

то,
 в чем юношей
 Ленин кля́лся:
 — Мы
 не одиночки,
 мы —
 союз борьбы
 за освобождение
 рабочего класса.—
 Ленинизм идет
 все далее
 и более
 вширь
 учениками
 Ильичевой выверки.
 Кровью
 вписан
 героизм подполья
 в пыль
 и в слякоть
 бесконечной Володимирки.
 Нынче
 нами
 шар земной заверчен.
 Даже
 мы
 в кремлевских креслах если,—
 скольким
 вдруг
 из-за декретов Нерчинск
 кандалами
 раззвенится в кресле!
 Вам
 опять
 напомню птичий путь я.
 За волчком —
 трамваев
 электрическая рысь.

Кто

из вас

решетчатые прутья

не царапал

и не грыз?!

Лоб

разбей

о камень стенки тесной —

за тобою

смыли камеру

и замели.

«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».

Полюбилась Ленину

в какой из ссылок

этой песни

траурная сила?

Говорили —

мужичок

своей пойдет дорогой,

заведет

социализм,

бесхитростен и прост.

Нет,

и Русь

от труб

становится сторогой.

Город

дымной бородой оброс.

Не попросят в рай —

пожалуйста,

войдите, —

через труп буржуазии

коммунизма шаг.

Ста крестьянским миллионам

пролетариат водитель,

Ленин —

пролетариев вожак.

Понаобещает либерал
или эсерик пряткий,
сам охочий до рабочих шей,—
Ленин
фразочки
с него пооборвет до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья,—
мы
в Марксовом всеоружии
одна
на мир
большеви́стская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе
в глаза
вонзается теперь
РКП
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква

в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.

Слова
у нас,
до важного самого,
в привычку входят,
ветшают, как платье.

Хочу
снять заставить заново
величественнейшее слово
«партия».

Единица!
Кому она нужна?!

Голос единицы
тоньше писка.

Кто ее услышит? —
Разве жена!

И то,
если не на базаре,
а близко.

Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,

от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.

Плохо человеку,
когда он один.

Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин

и даже слабые,

если двое.

А если

в партию

сгрудились малые,—

сдайся, враг,

замри

и ляг!

Партия —

рука миллионопалая,

сжатая

в один

громающий кулак.

Единица — вздор,

единица — ноль,

один —

даже если

очень важный —

не подымет

простое пятивершковое бревно,

тем более

дом пятиэтажный.

Партия —

это

миллионов плечи,

друг к другу

прижатые туго.

Партией

стройки

в небо взмечем,

держа

и вздымая друг друга.

Партия —

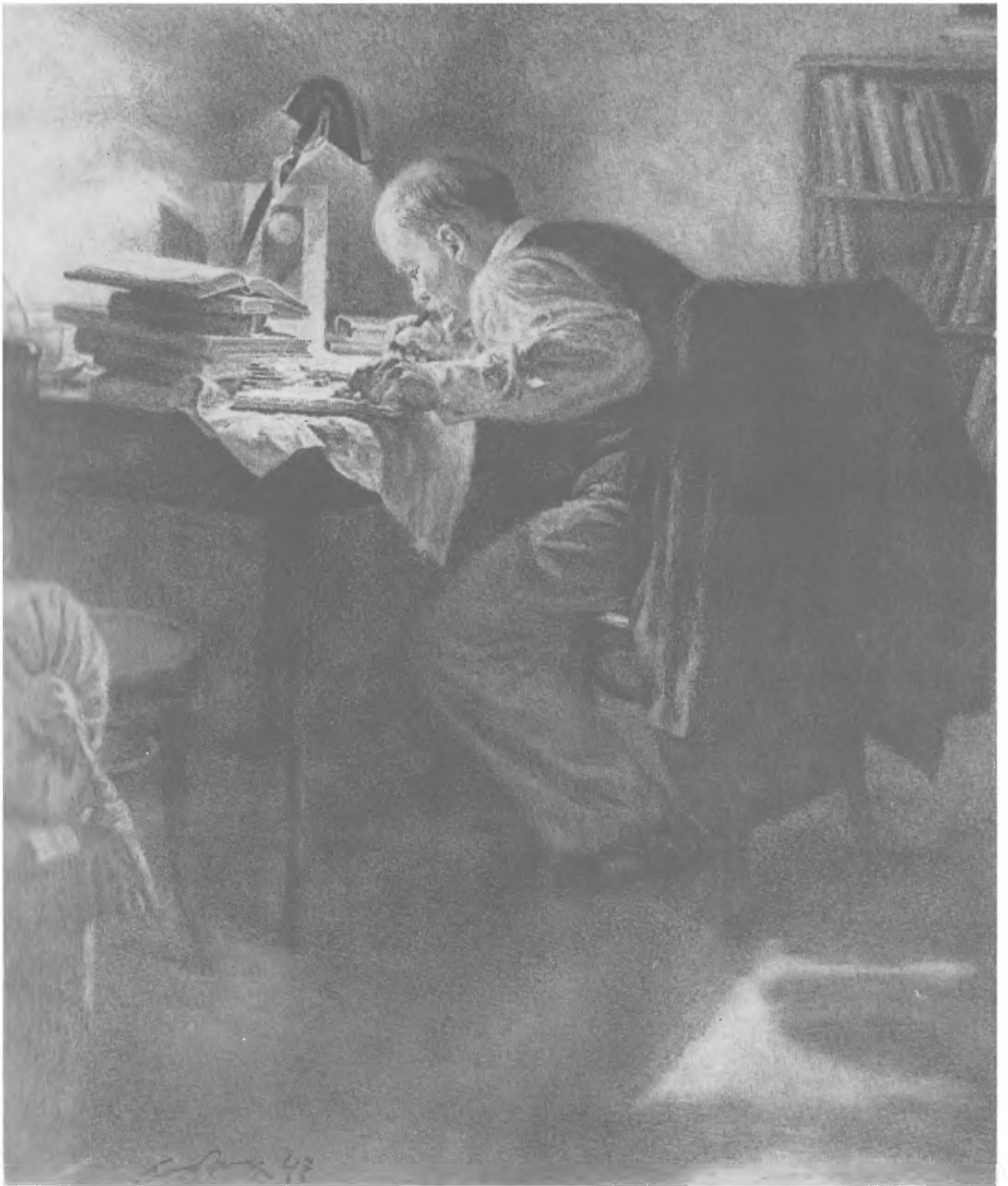
спинной хребет рабочего класса.

Партия —

бессмертие нашего дела.

Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с тронем,
за ним
и буржуево
кресло треснетя.
Ильич уже здесь.
Он изо дня на́ день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели

речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека!
Смотрите,
как здесь,
связавши за локти,
рабочих на смерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и все изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
напутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться. —
Ленин
в этот скулеж недужный

еще —

и к восстанью сумеешь сдвинуться ты.

Но вот

из лет

подымается

страшный четырнадцатый.

Так пишут —

солдат-де

раскурит трубку,

балакать пойдет

о походах древних,

но эту

всемирнейшую мясорубку

к какой приравнять

к Полтаве,

к Плевне?!

Империализм

во всем оголении —

живот наружу,

с вставными зубами,

и море крови

ему по колени —

сжирает страны,

вздымая штыками.

Вокруг него

его подхалимы —

патриоты —

приспособились Вовы —

пишут,

руки предавшие вымыв:

— Рабочий,

дерись

до последней крови! —

Земля —

горой

железного лома,

а в ней
 человечья
 рвань и рваль.

Среди
 всего сумасшедшего дома
 трезвый
 встал
 один Циммервальд.

Отсюда
 Ленин
 с горсточкой товарищей
 встал над миром
 и поднял над
 мысли
 ярче
 всякого пожараща,
 голос
 громче
 всех канонад.

Оттуда —
 миллионы
 канонадою в уши,
 стотысячесабельной
 конницы бег,
 отсюда,
 против
 и сабель и пушек,—
 скуластый
 и лысый
 один человек.

— Солдаты!
 Буржуи,
 предав и продав,
 к туркам шлют
 за Вердён,
 на Двину.

Довольно!
Превратим войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
разгромов,
смертей и ран,—
у наций
нет
никакой вины.
Против
буржуазии всех стран
подыдем
знамя
гражданской войны! —
Думалось:
сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдует гнилью,
потом поди,
ищи человечка,
поди,
вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и вывших,
друг другу
страны
орут —
на колени!
Додрались,
и вот
никаких победивших —
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!

Мы
 истожили
 терпенье ангельское.
 Ты
 восставшею
 Россией прорвана
 от Тавриза
 и до Архангельска.
 Империя —
 это тебе не кура!
 Клювастый орел
 с двуглавою властью.
 А мы,
 как докуренный окурок,
 просто
 сплюнули
 их династию.
 Огромный,
 покрытый кровавой ржою,
 народ,
 голодный и голоштаный,
 к Советам пойдет
 или будет
 буржую
 таскать,
 как и встарь,
 из огня каштаны?

— Народ
 разорвал
 оковы царя,
 Россия в буре,
 Россия в грозе,—
 читал
 Владимир Ильич
 в Швейцарии,
 дрожа,
 волнуясь
 над кипой газет.

Но что
по газетным узнаешь ключьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,
на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль.
Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!
Питерцы
всё еще,
всем на радость,
лобзались,
скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарадясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг —
и дойдут до точки,
дойдут
и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.

Сначала мелочь —
 вроде мальков.
Потом повзрослее —
 от шпротов до килечек.
Потом Дарданелльский,
 в девичестве Милюков,
за ним
 с коронацией
 прет Михайльчик.
Премьер
 не власть —
 вышивание гладью!
Это
 тебе
 не грубый нарком.
Прямо девушка —
 иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
 поет тенорком.
Еще
 не попало
 нам
 и росинки
от этих самых
 февральских свобод,
а у оборонцев
 уже хворостинки —
«Марш, марш на фронт,
 рабочий народ».
И в довершение
 пейзажа славненького,
нас предававшие
 и до
 и потóm,
вокруг
 сторожами
 эсеры да Савинковы,

меньшевики —

ученым котом.

И в город,

уже

заплывающий салом,

вдруг оттуда,

из-за Невы,

с Финляндского вокзала

по Выборгской

загрохотал броневик.

И снова

ветер

свежий, крепкий

валы

революции

поднял в пене.

Литейный

залили

блузы и кепки.

«Ленин с нами!

Да здравствует Ленин!»

— Товарищи! —

и над головами

первых сотен

вперед

ведущую

руку выставил. —

Сбросим

эсдечества

обветшавшие лохмотья!

Долой

власть

соглашателей и капиталистов!

Мы —

голос

воли нйза,

рабочего низа

всего света.

Дом
Кшесинской,
за дрыгоно́жество
подаренный,
нынче —
рабочая блу́зница.
Сюда течет
фабричное множество,
здесь
закаляется
в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй».
Уж лезет
к сидящим
в хозяйском стуле —
как живете
да что жуете?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.
Буржуевы зубья
ощерились разом.
— Раб взбунтовался!
Плетями,
да в кровь его! —
И ручку
Керенского
вводят приказом —
на мушку Ленина!
И партия
снова
ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
Ильич в Финляндии.

выступят
 слезы,
 выведенные из употребления,
и кровь
 волнением
 ударит в виски.
Когда я
 итожу
 то, что прожил,
и роюсь в днях —
 ярчайший где,
я вспоминаю
 одно и то же —
двадцать пятое,
 первый день.
Штыками
 тычется
 чирканье молний,
матросы
 в бомбы
 играют, как в мячики.
От гуда
 дрожит
 взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
 внизу пулеметчики.
— Вас
 вызывает
 товарищ Сталин.
Направо
 третья,
 он
 там.
— Товарищи,
 не останавливаться!
 Чего стали?
В броневики —
 и на почтайт!

— Есть! —

 повернулся
 и скрылся скоро,
и только
 на ленте
 у флотского
 под лампой
 блеснуло —
 «Аврора».

Кто мчит с приказом,
 кто в куче спорящих,
кто щелкал
 затвором
 на левом колене.

Сюда
 с того конца коридорища
бочком
 прошел
 незаметный Ленин.

Уже
 Ильичем
 поведенные в битвы,
еще
 не зная
 его по портретам,
толкались,
 орали,
 острее бритвы

солдаты друг друга
 крыли при этом.

И в этой желанной
 железной буре

Ильич,
 как будто
 даже заспанный,
шагал,
 становился
 и глаз, сощурия,

вонзал,
 заложивши
 руки за́ спину.
В какого-то парня
 в обмотках,
 лохматого,
оставил
 без промаха бьющий глаз,
как будто
 сердце
 с-под слов выматывал,
как будто
 душу
 тащил из-под фраз.
И знал я,
 что все
 раскрыто и понято
и этим
 глазом
 наверное выловится —
и крик крестьянский,
 и вопли фронта,
и воля нобельца,
 и воля путиловца.
Он
 в черепе
 сотней губерний ворочал,
людей
 носил
 до миллиардов полутора.
Он
 взвешивал
 мир
 в течение ночи,
а утром:
— Всем!
 Всем!
 Всем это —

«Мир хижинам,
война,
 война,
 война дворцам!»

Дрались
 в любом заводе и цехе,
горохом
 из городов вытряхали,
 а сзади
шаганье октябрьское
 метило вехи
пылающих
 дворянских усадеб.

Земля —
 подстилка под ихними порками,
и вдруг
 ее,
 как хлебище в узел,
со всеми ручьями ее
 и пригорками
крестьянин взял
 и зажал, закорузел.

В очках
 манжетщики,
 злостью похаркав,
ползли туда,
 где царство да графство.
Дорожка скатертью!
 Мы и кухарку
каждую
 выучим
 управлять государством!

Мы жили
 пока
 производством ротаций.

С окопов
 летело в немецкие уши:

— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползался
в улитки теплушек.
Такую ли
течь
загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка крени́тся —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористой,
согрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили,
по-рыцарски,
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:
— Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время. —
Чтоб не передо́хнуть
нам
в передышку,

чтоб знал —
запомнят удары мои,—
себя
не муштровкой,
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.
Историки
с гидрой плакаты выдерут
— чи эта гидра была,
чи нет? —
А мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и, как один, умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.

Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берег.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят плеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно —
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьвёрных
осада голода,
осада тифов.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, —
простаивали
из-за осьмушки

сутки

в улице

на холоду.

Хотите сажайте,

хотите травите,—

завод за картошку —

кому он не жалок!

И десятикорпусный

судостроитель

пыхтел

и визжал

из-за зажигалок.

А у кулаков

и масло и пышки.

Расчет кулаков

простой и верненький —

запрячь хлеба́

да зарой в кубышки

николаевки

да кёренки.

Мы знаем —

голод

сметает начисто,

тут нужен зажим,

а не ласковость воска,

и Ленин

встает

сражаться с кулачеством

и продотрядами

и продразверсткой.

Разве

в этакое время

слово «демократ»

набредет

какой головке дурьей?!

Если бить,

так чтоб под ним

панель была мокра:

Обычные вывески

— купля

— продажа

— нэп.

Прищурился Ленин:

— Чинитесь пока чего,

аршину учишь,

не научишься —

плох. —

Команду

усталую

берег покачивал.

Мы к буре привыкли,

что за подвох?

Залив

Ильичем

указан глубокий

и точка

смычки-причала

найдена,

и плавно

в мир,

строительству в доки,

вошла

Советских республик громадина.

И Ленин

сам

где железо,

где дерево

носил

чинить

пробитое место.

Стальными листами

вздымал

и примеривал

кооперативы,

лавки

и тресты.

уже —
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет —
над миром
зажжем небеса, —
но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать. —
Теперь,
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем —
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея —
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции —
тяжелые вещи,
один не подымешь —
согнется нога.

Но Ленин
 меж равными
 был первейший
по силе воли,
 ума рычагам.
Подымаются страны
 одна за одной —
рука Ильича
 указывала верно:
народы —
 черный,
 белый
 и цветной —
становятся
 под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
 непреклонные колонны —
буржуи
 пяти частей света,
вежливо
 приподымая
 цилиндры и короны,
кланяются
 Ильичевой республике Советов.
Нам
 не страшно усилие ничье,
мчим
 вперед
 паровозом труда...
и вдруг
 стопудовая весть —
 с Ильичем
удар.

Если бы
 выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
 в музее
 торчали ротозеи.

Еще бы —
 такое
 не увидишь и в века!

Пятиконечные звезды
 выжигали на наших спинах
 панские воеводы.

Живьем,
 по голову в землю,
 закапывали нас банды
 Мамонтова.

В паровозных топках
 сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом.

— Отрекитесь! — ревели,
 но из

горящих глоток
 лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм!

Кресло за креслом,
ряд в ряд
эта сталь,
железо это
вваливалось
двадцать второго января
в пятиэтажное здание
Съезда Советов.
Усаживались,
кидались усмешкою,
решали,
походя,
мелочь дел.
Пора открывать!
Чего они мешкают?
Чего
президиум,
как вырубленный, поредел?
Отчего
глаза
краснее ложи?
Что с Калининым?
Держится еле.
Несчастье?
Какое?
Быть не может!
А если с ним?
Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.

плыл
 Большой театр.
Радость
 ползет улиткой.
У горя
 бешеный бег.
Ни солнца,
 ни льдины слитка —
всё
 сквозь газетное ситко
черный
 засеял снег.
На рабочего
 у станка
весть набросилась.
 Пулей в уме.
И как будто
 слезы́ стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
 видавший виды,
смерти
 в глаза
 смотревший не раз,
отвернулся от баб,
 но выдала
кулаком
 растертая грязь.
Были люди — кремень,
 и эти
прикусились,
 губу уродуя.
Стариками
 рассерьезничались дети,
и, как дети,
 плакали седобородые.

Ветер
всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло —
и видите под...
Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ.
Улица,
будто рана сквозная —
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,

задумано им

и велено им.

Здесь

каждая башня

Ленина слышала,

за ним

пошла бы

в огонь и в дым.

Здесь

Ленина

знает

каждый рабочий,

сердца́ ему

ветками елок стели.

Он в битву вел,

победу пророчил,

и вот

пролетарий —

всего властелин.

Здесь

каждый крестьянин

Ленина имя

в сердце

вписал

любовней, чем в святцы.

Он зёмли

велел

назвать своими,

что дедам

в гробах,

засеченным, снятся.

И коммунары

с-под площади Красной,

казалось,

шепчут:

— Любимый и милый!

Живи,
и не надо
судьбы прекрасней —
сто раз сразимся
и ляжем в могилы! —
Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть
и его разбудят, —
плотина улиц
враспашку раствóрится,
и с песней
на́ смерть
ринутся люди.
Но нету чудес,
и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
гроб
и согнутые плечи.
Он был человек
до конца человеческого —
неси
и казись
тоской человеческой.
Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому Союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный

Вплывали
ночи
на спинах дней,
часы меняя,
путая даты.
Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,

как будто
идешь
по проволоке про́вода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звнящего марша вода
относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой —

«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и веками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у Мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и наверх
смотрят с опаской
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.

в мороз,
 в караул умолкнувший наш
 чей-то голос —
 как будто Муралова —
 «Шагом марш».
 Этого приказа
 и не нужно даже —
 реже,
 ровнее,
 тверже дыша,
 с трудом
 отрывая
 тело-тяжесть,
 с площади
 вниз
 вбиваем шаг.
 Каждое знамя
 твердыми руками
 вновь
 над головою
 взвито ввысь.
 Топота потоп,
 сила кругами,
 ширясь,
 расходится
 миру в мысль.
 Общая мысль
 воедино созвѣньена
 рабочих,
 крестьян
 и солдат-рубак:
 — Трудно
 будет
 республике без Ленина!
 Надо заменить его —
 кем?
 И как?

Довольно
 валяться
 на перине клопо́вой!
Товарищ секретарь!
 На́ тебе —
 вот —
просим приписать
 к ячейке еркапо́вой
сразу,
 коллективно,
 весь завод...—
Смотрят
 буржуи,
 глазки раскоряча,
дрожат
 от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
 от станка
 горячих —
Ленину
 первый
 партийный венок.
— Товарищ секретарь,
 бери ручку...
Говорят — заменим...
 Надо, мол...
Я уже стар —
 берите внучика,
не отстает —
 подай комсомол.—
Подшефный флот,
 подымай якоря,
в море
 пора
 подводным кротам.
«По морям,
 по морям,

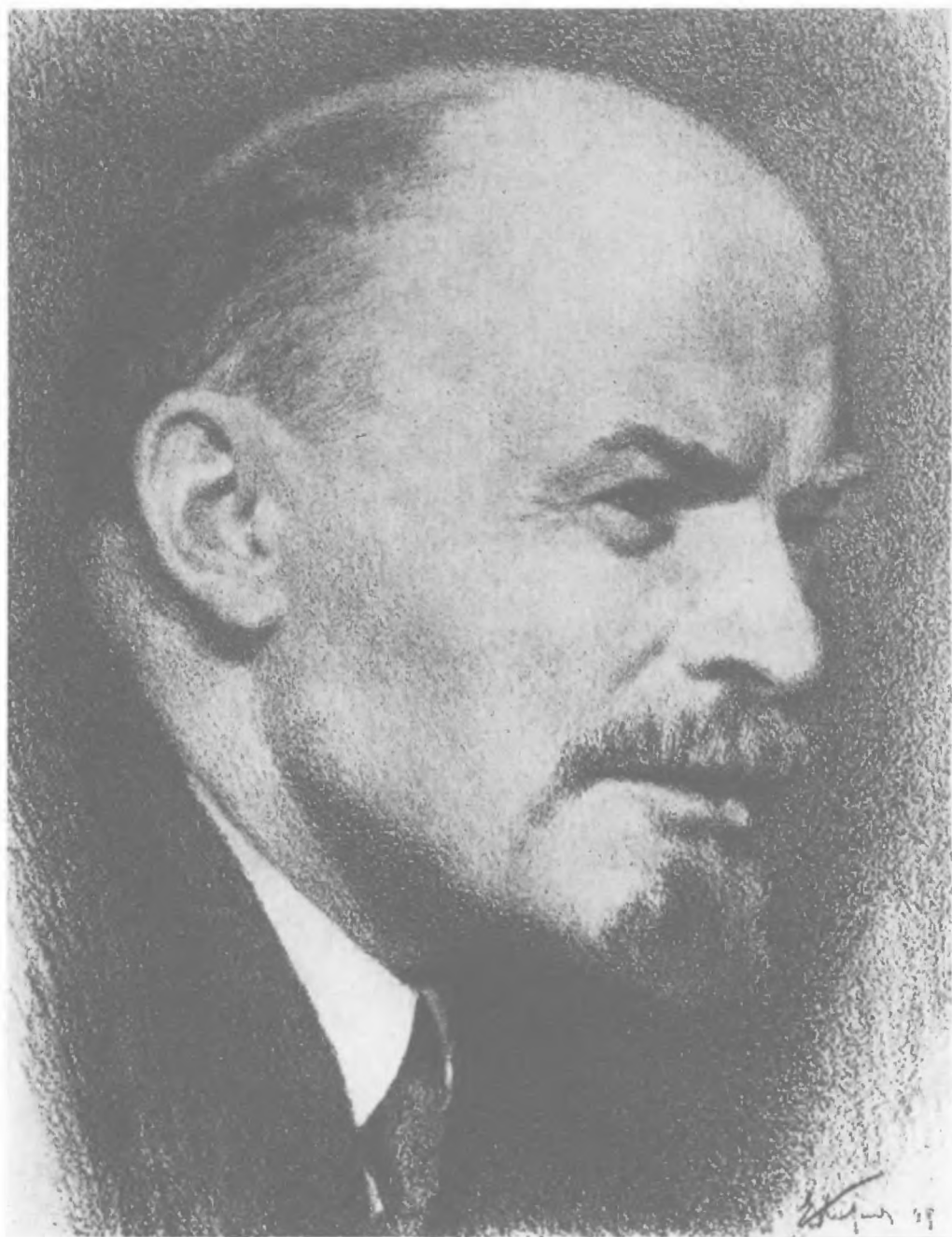
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
тра́-та-та-та́-та,
та́-та-та-та́.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь

вверх
вздымается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

1924

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

Стихи, Баллады, поэмы

Владимир Маяковский

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?

Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.

Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали навыврез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром вырос
Ленин
огромной головой.
И земли
сели на оси.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хаосе
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.
Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
горой мускулистой.

Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем, кого — мети!
Ноги знают,
чьими
трупам
им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!

Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.

Пожарами землю дýмя,
езде,
где народ исплѣнен,
взрывается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!

И это —
не стихов вееру
обмахивать юбиляра уют.
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

Апрель 1920

Галактион Табидзе

ИДЕЯ

Народу верен будь всегда!
Пусть будет твердым шаг твой в жизни!
Талантов всех сильней, властей —
Талант служения отчизне!

И прежде был, и будет впредь
Борьбою славен край родимый!
Высокой вере послужи:
Она всегда непобедима.

На все двойной ложится свет
Для мысли шаткой и нестрогой;
Тому, в ком твердой веры нет,
Прямой не отыскать дороги.

Явления, вещи для него
Меняют часто смысл и меру...
Лишь ты неложный знаешь путь,
Носитель непреклонной веры.

Однажды ночью мы, друзья,
Шагали — грудь дышала вольно, —
И перед взорами возник
Виденьем небывалым Смольный!

Бессмертный Смольный — той поры
Меч, наковальня, молот ярый!
Гремела в нем, сильна, юна,
Шестая часть земного шара.

Бессонный Смольный, великан,
В пылу уверенной работы,
Идеей светлой озарен,
Казался символом заботы!

И, видя пулеметный ствол
(Миг этот в памяти нетленен!),
На окрик: — Стой! Кто нужен вам? —
Мы дружно отозвались: — Ленин!

1923

Николай Полетаев

* * *

Портретов Ленина не видно;
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

Акоп Акопян

В. И. ЛЕНИН

Перед его портретом я стою.
Я всматриваюсь, глаз не отводя,
В черты лица его — и узнаю
Приметы гения, борца, вождя.

Лоб выпуклый — высокая скала,
Недосягаемое поле битв,
Взор пламенный — разящая стрела —
Врагам свободы гибелью грозит.

На старый мир с усмешкой смотрит он,
И говорит его спокойный взор:
«Не встать тебе с земли, ты обречен.
Уже прочтен твой смертный приговор».

1919

Тициан Табидзе

ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя *Ленин*
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси

Николай Тихонов

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритвы ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрый:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.

Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом.
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше, —
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше». —
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,

В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни¹.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеклом.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво.
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почему в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый». —
«Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,

¹ Так индусы произносят имя «Ленин».

И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрее зарницы,
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далёко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком,—
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеклом.

1920

Владимир Маяковский

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?

Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраничный
грохотать
набатный
ленинский язык.

Разве гром бывает немостою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!

Нет!
не ослабеет ленинская воля
в миллионосильной воле РКП.
Разве жар
такой
термометрами меряется?!

Разве пульс
 такой
 секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
 у революции в груди.

Нет!
Нет!
Не-е-т...
Не хотим,
 не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
 сгинь, навязчивая тень!

1923

Вера Инбер

ПЯТЬ НОЧЕЙ И ДНЕЙ

На смерть Ленина

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

Январь 1924

Николай Асеев

РЕКВИЕМ

Если день смерк,
если звук смолк,
все же бегут вверх
соки сосновых смол.

С горем наперевес,
горло бедой сжав,
фабрик и деревень
заговори, шаг:

«Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Если умолк один,
даже и самый живой,
тысячами родин,
жизнь, отмсти за него!»

С горем наперевес,
зубы бедой сжав,
фабрик и деревень
ширься, гуди, шаг:

«Стой, спекулянт-смерть,
хриплый твой вой лжив,
нашего дня не смей
трогать: он весь жив!

Ближе плечом к плечу —
нищей ли широте,
пасынкам ли лачуг
жаться, осиротев?!»

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, тугой шаг:

«Станем на караул,
чтоб не взошли враги
на самую
дорогую
из наших могил!

Если день смерк,
если смех смолк,
слушайте ход вверх
жизнью гонимых смол!»

С горем наперевес,
зубы тоской сжав,
фабрик и деревень
ширься, сплошной шаг!

1924

Рюрик Ивнев

У ГРОБА

Я вижу тысячи голов,
Склоненных в горечи и плаче.
Я знаю — будет много слов
И вдохновенных, и горячих.
Но никому не рассказать,
Что было в нем — в простом Гиганте,
Как мог он новый мир создать
Из вечно старых букв: «Восстаньте!»
И в тысячах статей и книг
Умы, как птицы, будут биться,
Чтоб этот гениальный лик
Мог людям снова повториться.
Его поймут два существа:
Дух коллективного Поэта
И овдовевшая планета,
Чей вечный траур — синева.

Январь 1924

Валерий Брюсов

ЛЕНИН

Кто был он? Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

Мир прежний смякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь Октябрьских: *Ленин*
На рубеже, как великан.

Земля! Зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем!

25 января 1924

Николай Ушаков

16 ЧАСОВ, 27 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

В тот скорбный час
единой волей,
что от ремня текла к ремню,
вдруг захлестнуло
на контроле
стесненных стрелок беготню.

И лязг,
 и грохоты,
 и свисты,
и стон колес,
 и звон зубил
какой-то вихрь
на целых триста
больших секунд
остановил.

Турбины,
доменные печи
и паровозы,
как в строю,
смахнули
лапой человеческой
слезу
гремучую свою.

По этим швам,
по этим скрепам,
как бы над вольтовой дугой,
дышали ветры,
но не крепом,
а черной
угольной
пургой.

И, громыхая,
как по жести,
по воздуху
и проводам,
отстукивали
пульс известий
и станции
и города.

И всё,
 что стало,
всё,
 что стыло
среди станков,
среди снегов,—
свой голос присоединило
к миллионам
скорбных голосов.

1924

Ежише Чаренц

ЛЕНИН

Всем, всем, всем...
Радио.
Москва.
Кремль.
...Скончался Ленин.

И за сообщением вслед —
Что?
Телеграммы?
Скорбь?
Траурное оцепенение?
— Нет, нет!

Траур уперся в горло —
Окаменелый ком.
Вместо него — наружу —
Только вот этот гром:

— Не подходите!..
— Не верьте!..
Тысячи, тьмы,
Нет, больше —
Нас, презирающих тление,
Славящих ленинское бессмертье:

-- Цыри!
— Lenin!
— Ленин!

Сколько великих, вышедших
Из человеческих глубин?
Сколько? Не счесть!
Кромвелей сколько и Ганди
Было, есть
И родится на свет?..

Между тем как
Ильич — один.
Другой Ильич — вряд ли...
Другого — нет!

Класс
Из века в век
Творил Ильича.
Класс из века в век
Создавал ткань
Из нитей, живших вразброс.
Внес крупицу свою
В мозг Ильича
Даже и тибетский водовоз.

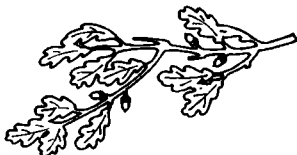
За нервом нерв,
За волокном волокно
Классу в дар приносили
И мы, и вы.
Класс брал:
У меня — нить,
У тебя — волоконце одно,
И отдавал Ильичу:
Творил ткань
Наисложнейшей канвы.

И — что?
Ильич
Скончался?
Или — нем?
Или — в памяти лишь?
Нет, пролетарий!
Ильич в тебе.
В нем. Во мне.
Есть Ильич!

Есть класс!
Класс простер Ильича как девиз.
Противопоставил старому
Ленинизм!

Эй, вы!
Рокфеллер, Морган и К°,
Слышите шаг поколений?
Мы придем еще, слышите!
Придет еще Ленин,
Чтоб войти во Всемирный
Совнарком!

1924

Паоло Яшвили

НА СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Поэзия в почетном карауле
Неделю в скорби не смыкает глаз.
Тифлис умолк, как кладбище в ауле.
Шестую ночь среди травы предгорий —
Ни ветра, ни молвы,
Но всё замрет в тот час,
Как партия с народом в сборе
На Красной площади Москвы
Предаст земле, даренья недостойной,
Прах Ленина.

В любой борьбе был Либкнехт — мой
избранник.

Он был пироксилином начинен,
Когда один на целый легион
С Германией бросался в состязанье,
Но Либкнехта избранником был Ленин,
И он —
Избранник всех племен.

Рыбак-оборвыш где-нибудь в Китае,
Забыв домашних, бросится к реке
Рыдать о мертвом, невод свой латая.
В Ирландии, горящем далеке,

Повстанцы в роще — в оживленном споре
О Ленине. В Испании и той —
Ни бурь, ни пеня, на море застой,
И, как на вахте, — парусники в море.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте в щель затишья песнью горя, —
Нет, никогда
Так глубоко
И жарко так земля не горевала.

Друзья, Леван, Арчил и Залико!
Вы помните ль години небывалой
Источенный цингой и тифом визг,
Который ночью зимнею в Тифлис
Вы привезли к нам из-за перевала?
Вы помните ль про страшный Петроград,
В потемках девятнадцатого года,
Рассказ ваш и про питерских ребят
У Ленина, и как в потемках этих
Светился он заботами о детях
И подбирал их, как худых цыплят?

Так пусть теперь толпою ребятишек
Обступит гроб ватага слов моих.
Товарищи, Октябрьский вихрь
Притих на миг.
Пройдемте песнью горя в дверь затишья.

1924

Сулейман Стальский

ЛЕНИН

Великий Ленин, наш отец,
Ушел, покинув мир сегодня.
Какой холодный для сердец
И многотрудный день сегодня.

Ушел Ильич наш дорогой,
И солнце меркнет над землей,
И горе черною рекой
На нас нахлынуло сегодня.

Мир тесен стал, а ночь длинна,
Легла над миром тишина,
И в тишине, тобой полна,
Заплачет музыка сегодня.

В садах миндальные кусты
Роняют красные цветы.
Вождя и друга бедноты —
Не стало Ленина сегодня.

О Сулейман, твой скорбен взгляд
И руки в горести дрожат,—
Костры на улицах горят,
Какой холодный день сегодня...

1924

Сергей Есенин

ЛЕНИН

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.

Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.

Немолчный топот, громкий стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенег?
Не сон, не сон, я вижу въявь
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,
Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная вода не внемлет слову.

Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор...

.....
Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветъ — подснежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, —
Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?

Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей...

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы...

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел...

Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить муки,
Берите все в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет —
Как ваша власть и ваш Совет».

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...

И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Для них не скажешь:
«Ленин умер».
Их смерть к тоске не привела...

Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...

1924

Михаил Исаковский

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЫЛЬ

У нас в районе и сейчас
Живет и будет жить вовеки
Простой, бесхитростный рассказ
О справедливом человеке.

Его припомнит вам любой,
Расскажет тихими словами,
И Ленин — близкий и родной —
Как будто сядет рядом с вами.

1

В тот боевой и славный год,
За тыщи долгих лет впервые,
И власть, и землю брал народ,
И счастье в руки трудовые.

А здесь, в глухом селе Ключи,
Лишь с кривдой были мы знакомы.
А здесь творили богачи
Свои особые законы.

У них во всем — своя рука,
Они везде найдут основу.

И сельсовет у мужика
Забрал последнюю корову.

Остался двор совсем пустой,—
Один петух стоит на страже...
Хозяин ходит сам не свой,—
Куда пойдешь, кому расскажешь?

Его и слушать не хотят:
Мол, хватит нам с тобой возиться...
Да тут в село один солдат
Пришел с передовых позиций.

«Я,— говорит он,— научу,
Где правду отыскать людскую.
Ты,— говорит он,— Ильичу
Пиши записку докладную.

Пиши подробно: так и так,
Мол, все пошло бы в лучшем виде,
Да власть у нас забрал кулак,
И мужики — в большой обиде.

Товарищ Ленин разберет
И в долгий ящик не положит.
Горой стоит он за народ
И мужику всегда поможет.

Он человек такой души,
Какой не сыщешь в целом свете.
Ты только сядь да напиши,
А он уж знает, что ответить.

А если сам ты не горазд,
Пера не брал, быть может, в руки,
Так я тебе составлю враз,
Как полагается в науке.

Недаром я на свете жил,
Понятна мне твоя кручина...»
Солдат писал, мужик светил
Сухой березовой лучиной.

Он так и так возился с ней
И повторял все ту же фразу:
«Ты не мельчи... Пиши крупней,
Чтоб Ленин все увидел сразу...»

2

Заглянет вечером сосед,
Поговорит про то, про это
И спросит вдруг: «Ну, как ответ?
Да и не зря ль ты ждешь ответа?»

Не выйдет, видно, ничего,—
Поторопился ты некстати:
Без нас с тобою у него
Про каждый день заботы хватит...»

А богачи, срывая злость,
Заводят речь при всем народе:
«Смотри, запеть бы не пришлось,
Как солнце всходит и заходит.

Товарищ Ленин — главный вождь,
За всю державу отвечает,
А ты с коровой пристаешь,
А что корова означает?»

И сердце падает опять,
Опять сомненье душу гложет:
Быть может, лучше б не писать,
Себя напрасно не тревожить?»

Но на своем стоит солдат,
Не уступает, не сдается:
«Готов я биться об заклад,
Что молоко к тебе вернется!

Товарищ Ленин — он такой,
Что силу слабому прибавит,
А кто упал — своей рукой
Поднимет, на ноги поставит...»

Но дни идут, проходят зря,
Летят вперед неудержимо.
Взойдет заря, зайдет заря,
А почта проезжает мимо...

3

Это явь или только во сне?
Все село говорит об этом:
Нарочный, в ночь, на коне
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин прислал приказ —
Строгий, короткий, точный:
«Корову вернуть тотчас,
И донести мне срочно.
Всех виноватых — под суд,
Раз не по-честному жили,
Пусть, — говорит, — понесут
Все, что они заслужили».

Ходят весь день мужики,
Словно на праздник, по хатам.
Стали и ноги легки,
Стали и думы крылаты.

Те, что молчали весь век,
Сделались вдруг говорливы:
«Вот он, родной человек,
Вот он какой справедливый!»

4

Так говорят у нас в селе
Про Ильича, про жизнь былую...

В какой стране, на чьей земле
Вы правду сыщете такую?!

1924

Дмитрий Семеновский

ЛЕНИН

Зерно, в сырой земле почив,
Ростком из мрака проколосось,
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый.
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв,
Пора обилия и света,
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

Начало 1924

Эдуард Багрицкий

1924

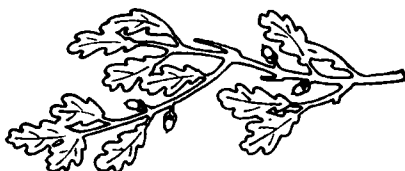
Кончается. Окончен. Отгудел
Тяжелый год. По взморьям, лукоморьям,
По городам, лесам и плоскогорьям
Последний день туманом пролетел.
Он грузен был, двадцать четвертый год...
Тяжка его повадка трудовая:
В последний день он весело поет,
Тяжелые маховики вращая.
Среди веков проложена межа
Руками и штыками дерзновенных.
Прекрасны годы буйств и мятежа,
Сражений и восстаний вдохновенных.
Но нам прекрасней кажется стократ
Упорный год строительной работы,
Гул тракторов, размерный стук лопат,
Маховиков крутые повороты.
Был страшный час! Трещал на реках лед,
Кружился снег, дороги заметая.
Скончался Ленин! Но у нас поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая...

И эта кровь ведет к работе нас,
Пробег ее крылат и неизменен.
И кажется: одним движеньем глаз
Руководит рабочей волей Ленин.

Мы с Лениным заканчиваем год.
Незыблема повадка трудовая:
Ведь в каждом пролетарии поет
Кровь Ильича, по жилам пролетая!

Мы слышим: сердце плещется в груди.
Мы чувствуем: наш голос чист и ясен.
Грядущий год, машинный год, иди!
Моря распахнуты — и труд прекрасен.

1924

Егише Чаренц

БАЛЛАДА О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ,
МУЖИКЕ И ПАРЕ САПОГ

1

За красной чертой — что шаг,
То враг.
И хрипло,
Когда от волнения в горле першит,
Доносится с фронта
Шифр.
Волнение катится в Кремль,
Клокоча.
Вестей, донесений поток
Врывается в Кремль
И потом
Проходит сквозь мозг Ильича.
Ильич в кабинете.
Движенья спокойны, легки.
Читает.
Дает указания.
Мысли
Сосредоточены, сжаты.
Нависли,
Как кулаки.
Сидит он,
Пишет, нахмурив брови,
Перебирает, листает, в ящике шарит.

Лучится со светом настольным вровень
Огромного лба полушарие.
Напрягся всесильный ленинский гений,
Стальной пружине под стать...
Такую армию нужно создать,
Чтобы не знать поражений.
Необходимо... Вопросов бездна.
Необходимо, чтоб не было меж,
Мотыги.
Необходимы газеты, книги,
Ликбез.
Из тех, что в рабстве были вчера,
Должны быть выкованы профессора.
Любой ценой.
И каждая труженица — кухарка —
Довольно ей кухонной копотью харкать! —
Должна научиться править страной...

Вопросов бездна,
Конца им нет.
Не отвлечешься, не дорешив.
Однако с фронта
Доносится шифр...
Депеши захлестывают кабинет.

2

Все выше горы забот и дум.
Ильич дробит их и знай размалывает.
А время проносится, как самум,
А времени мало!
Но что это?
Рядом какой-то спор.
Басят во весь голос...
Ну и народ!
Ильич поднимается,
В глазах — задор,

Подходит к двери
Плечом вперед.

Подходит,
Приоткрывает чуть-чуть.
За дверью —
Говорок старика:
Пришел — притащился, мол,
Издалека.
Хочу, говорит, к Ильичу.

Ильич настораживается...
Эх, мужик!
Мужик нуждается в паре сапог.
Выпрашивал не у чужих.
Сказали — нету. Никто не помог,
Похлопали разве что по плечу.
Вот он и пришел к Ильичу.

У секретаря иссякают слова.
Какие придумать,
Чтоб он ушел?
Мужик несговорчивый,
Врос в пол.
Отважишься вывести?
Кишка слаба!
Ильич не торопится,
Хоть недосуг.
Глаза улыбаются — два луча.
И вдруг открывается дверь,
И вдруг —
Порывистый шаг Ильича.

— Откуда?
— Из самой Сибири.
— Давно?
— Да месяцев этак четыре.

Сын — красноармеец,
Со мной заодно...
— Землей обеспечен?
— Теперь-то богат.
— В Москву — по делам?
— Делегат.
Косилки нужны мне, плуги.
Отправил уж бóльшую часть.
— Еще что? —
Пора уж сказать — сапоги...
Глядит испытующе на Ильича.

Э-эх, мужик!
Мужик нуждается в паре сапог.
Выпрашивал не у чужих.
Сказали — нету. Никто не помог,
Похлопали разве что по плечу.
Вот он и пришел к Ильичу.
Хохочет, берется Ильич за бока,
Трясет улыбающегося мужика.
В глазах — лукавство и нежность.
Потом садится,
Становится строг,
И пишет:
«По принадлежности.
Снабдить подателя парой сапог».

Эх, эх!
Надевает мужик шапку,
Взяв ордер, как сапоги,
В охапку.

За красной чертой — что шаг,
То враг.
И хрипло,
Когда от волнения в горле першит,

Доносится с фронта
Шифр.
И снова напрягся мозг Ильича.
Нещаден времени вихрь.
И снова мысли взлетают, мчат,
И все — ничто.
Перед силищей их.
...Эх, мужик!
Тебе нужна была пара сапог,
И не выслушать Ленин
Тебя не мог.
Все нужды твои понимал он!
А дел
Было много у Ильича,
А времени мало.

1924

Галактион Табидзе

ЛЕНИН

Город сегодня с утра взволнован.
Сборища в каждом саду и сквере.
Высятся Ленин над миром новым,
Смотрит в лицо непогоды.

Вихрь стучится в окна и двери.
Людям открыт кругозор просторный.
Страстно взывают к буре валторны,
Кричат фаготы.

В честь этих дней бокал подымаю.
В гулах заводов рождается слава,
Сдвинута с мест природа немая,
Время пирует с нами.

Ленин, явленье мощного сплава
Трех революций, досель небывалых,—
В грохоте войн, в лавинных обвалах
Он наше знамя.

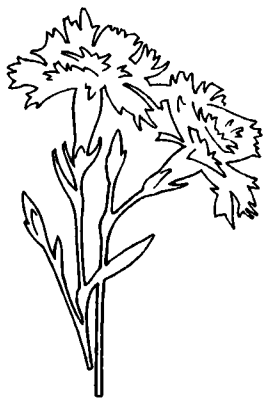
Тянет к нам руки свои, уповая,
Из далеких снегов избенка,
И отвечает ей вся боевая
Дружба рабочего класса.

Как по сердцам ударила звонко
Самоотверженность этого часа:
Всем угнетенным земли без изъятья —
 Наши объятья!

Выше знамена и флаги подыдем,
Кончилось время разрух и пожарищ.
Провозглашает вождь и товарищ
 Новые лозунги жизни.

В пороховом разьедающем дыме
Сгнули беды, блокады и голод.
Встаньте на ленинской вахте, кто молод
 В нашей отчизне!

1924

Владимир Маяковский

КОМСОМОЛЬСКАЯ

*Смерть —
не сместь!*

Строит,
 рушит,
 кройт
 и рвет,
тихнет,
 кипит
 и пенится,
гудит,
 говорит,
 молчит
 и ревет —
юная армия:
 ленинцы.
Мы
 новая кровь
 городских жил,
тело нив,
ткацкой идей
 нить.

Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Залили горем.
Свезли в Мавзолей
частицу Ленина —
тело.
Но тленью не взять —
ни земле,
ни золе —
первейшее в Ленине —
дело.
Смерть,
косу положи!
Приговор лжив.
С таким
небесам
не блажить.
Ленин —
жил.
Ленин —
жив.
Ленин —
будет жить.
Ленин — жив
шаганьем Кремля —
вождя
капиталовых пленников.
Будет жить,
и будет
земля
гордиться именем:
Ленинка.

Еще
по миру
 пройдут мятежи —
сквозь все межи
коммуне
 путь проложить.
Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.
К сведению смерти,
 старой карги,
гонящей в могилу
 и старящей:
«Ленин» и «Смерть» —
 слова-враги.
«Ленин» и «Жизнь» —
 товарищи.
Тверже
 печаль держи.
Грудью
 в горе прилив.
Нам —
 не ныть.
Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.
Ленин рядом. Вот
 он.
Идет
 и умрет с нами.

И снова
в каждом рожденном рожден —
как сила,
как знание,
как знамя.

Земля,
под ногами дрожи.

За все рубежи
слова —
взвивайтесь кружить.

Ленин —
жил.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.

Ленин ведь
тоже
начал с азов, —
жизнь —
мастерская геньина.

С низа лет,
с класса низов —
рвись
разгромадиться в Ленина.

Дрожите, дворцов этажи!
Биржа нажив,
будешь
битая
выть.

Ленин —
жил.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.

Ленин
 больше
 самых больших,
но даже
 и это
 диво
создали всех времен
 малыши —
мы,
 малыши коллектива.
Мускул
 узлом вяжи.
Зубы-ножи —
 в знанье —
 вонзай крошить.

Ленин —
 жил.
Ленин —
 жив.
Ленин —
 будет жить.
Строит,
 рушит,
 кроит
 и рвет,
тихнет,
 кипит
 и пенится,
гудит,
 молчит,
 говорит
 и ревет —
юная армия:
 ленинцы.

Мы
 новая кровь
 городских жил,

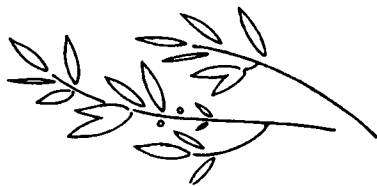
тело нив,
ткацкой идей
нить.

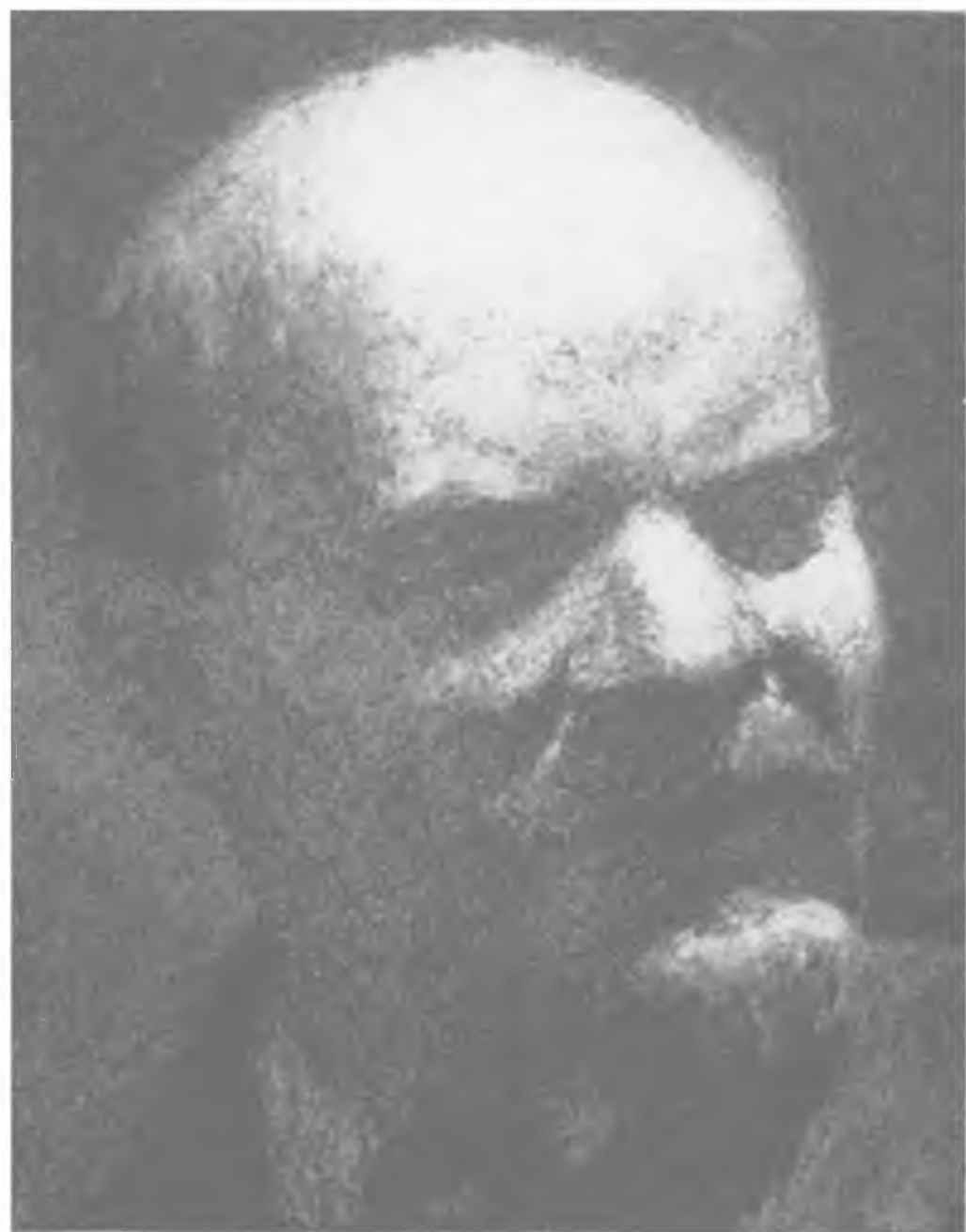
Ленин —
жил.

Ленин —
жив.

Ленин —
будет жить.

31 марта 1924

Сергей Есенин

КАПИТАН ЗЕМЛИ

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так
Близко,—
Впадают в диво
И слоны,
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн,
В своей расчистке
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке,
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан.
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споет вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.
Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925. Батум

Демьян Бедный

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

1925

Николай Асеев

Из цикла

«ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ВОЖДЯ»

2

...Нету слов об этом...

Песня,

честной будь!

По его заветам
направляй свой путь.

Будь, как можешь, проще
и других скромней.

Вот — опять та площадь
и ряды камней.

И простая кепка,
что весь мир вела,
и тугая,

крепко

сжатая скула.

И в порыве локоть,
как кирка — на слом,
и тревожный клекот
всюду слышных слов.

И — еще бы малость —
этих губ раствор
закрепил, казалось,
всех людей родство.

Но, его не слыша,
этим зимним днем,
песня,
 тише, тише
говори о нем.

Будь простою, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле.

Проще, песня, проще,
и скромней, скромней.
Вот — опять та площадь
и ряды камней.

Город тот же самый,
тот же самый вид,
только — черной ямой
он насквозь пробит.

Он пробит навывлет
черным ломом лет,
и от снежной пыли
леденеет свет.

Леденеют губы,
леденят язык.
Этой песни убыль —
только — лед слезы.

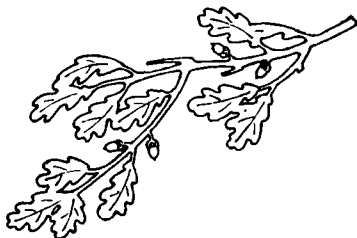
Но у дальних наций
в непробудном сне
неотступно снятся
наши лед и снег.

И быть может, нашей
немотой над ним
всяких песен краше
мы весь мир сродним.

Будь же проще, песня,
или — с ним замлей:
вы ведь жили вместе
на одной земле.

Не могилу вырой,
замирая, стих,—
смолкнул голос мира,
ветер мира стих.

1925

Елише Чаренц

ЛЕНИН И АЛИ

1

Москва — это сердце века.
Москва — древнее, чем Мекка.
Живет в ней великий Ленин —
и город этот бесценен
для каждого человека.

От Москвы до Трапезунда далеко,
далеко от Трапезунда до Москвы,
до нее пешком добраться нелегко.
Если ж в золоте ты
с ног до головы,
то нанять себе сумеешь пароход:
до Батуми доберешься ты сперва,
далее поезд до Тифлиса довезет,
а потом Баку, Ростов,
и вот — Москва.

Там, в Москве, судьбу с народом разделив,
и живет Ильич...
Россия широка.
Этот Ленин — замечательный халиф,
но такой халиф,
что любит бедняка...

И за это в Трапезунде,
от Москвы вдали,
любит Ленина всем сердцем
лодочник Али.

Он — гребец в хозяйской лодке.
Дали моря хороши...
Долгий труд
и сон короткий,
плата — скудные гроши.

Счастья лодочник не знает,
а хозяйская рука
погоняет,
погоняет
бедняка, как ишака...

А матросов в порту —
не счесть,
и однажды русский матрос
в этот край далекий принес
о великом Ленине весть.

— Он хороший? — спросил Али.
— Да! — ответил матрос-урус.—
С плеч трудящихся всей земли
хочет сбросить он
бедствий груз.

Там, где Ленин, нет богачей,
нет эфенди — лютых господ,
что играют связкой ключей,
да чужой пожирают пот,
да у моря, усевшись в тень,
в нарды режутся целый день...

И тогда-то понял Али:
Ленин — это большой халиф,
боль народа ему близка...
Только это такой халиф,
что вникает в жизнь бедняка.
И хотя Москва далека
и добраться туда нет сил, —
всей простой душой бедняка
Ильича Али полюбил.

2

В трауре жгучем стояла Москва,
Черные, грозные ночи...
Знал, что любые бессильны слова,
осиротевший рабочий.
Вести летели о страшной беде,
люди скорбели о Красном Вожде.

Очи закрыл он, нахлынула мгла,
он не откроет их снова...
Партия силы свои напрягла,
мускулы вздулись сурово.
В этой ужасной ночи ледяной
встала она
непреклонной стеной.

Слышится Родины сдержанный стон,
сдавлено сердце печалью.
Но одевается воля в бетон,
полнится сердце сталью.
Знает рабочий: не дремлет враг,
рад он
нашей потере...
Выше подыдем могучий кулак!
Зорче, патруль у двери!

Сердцем скорбящим, родная страна,
ты в эти дни ощутила:
близится
новых свершений волна,
новых сражений начало.
В этих сражениях —
недругам пасть...
И под огнем кумачовым
дальше пойдешь ты, рабочая власть,
верным путем Ильичевым!

3

Траурная радиоволна
не щадила неба синевы —
словно меч, рубила мир она,
в Трапезунд примчалась из Москвы.

В этот день измучился Али...
Даль уже подергивалась тьмой,
в гавани белели корабли,
и Али отправился домой.
Он дышал прохладой ветерка,
запахами стынувшей земли...
Русского знаконца — моряка
вдруг увидел издали Али.

И Али к матросу подошел
и хотел сказать ему: «Привет!»
По лицу струился теплый свет,
и сказал он:

«Ленин — карашо!»

Набегали волны, рокоча.
Был печальным,
пасмурным матрос;

вдруг он вместо «здравствуй!»
произнес:
«Ленин ёк» — «Не стало Ильича»...

Тени на лицо его легли,
он ушел. И сразу — тишина...
Эта весть,
как грозная волна,
рухнула внезапно на Али.

4

Ночь.
Трапезунд — это царство мрака,
лист ни один не дрожит...
Лишь полицейский,
словно собака,
улицу сторожит.
Только Али одному не спится:
горе сдавило грудь.
Вот он вдоль стен
крадется, таится,
знает: опасен путь...

К зданию подходит:
там, вечно молод,
алый пылает флаг.
Там нарисованы
серп и молот,
сразу редет мрак...
Надпись знакома на здании этом:
«Консульство СССР».

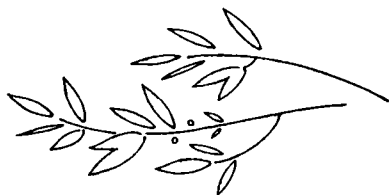
В городе тихо
перед рассветом,
шепчет о чем-то сквер...

Парень уходит
по улице узкой,
темные ноги —
в белой пыли...
«Не карашо», —
вдруг он шепчет по-русски,
горькие слезы роняет Али...

Что тут добавить?
По белому свету
всюду любовь к Ильичу горяча...

Другу Али посылаем приветы,
славим бессмертные дела Ильича!

1925

Александр Жаров

ЛЕНИН НА III СЪЕЗДЕ РКСМ

Пришедшие
Из всех углов страны,
С фронтов, с заводов,
Из глухих селений,
Мы были
В первый миг ослеплены,
Оглушены,
Когда сказали:
— Ленин!

Не передать
Ни радости такой,
Ни клекота
Рукоплесканий жгучих...
К эстраде
Сгрудились мы
Тысячной толпой.
Зал грохотал
Овацией могучей.

Товарищ Ленин
Руку поднимал,
Молил пощады!..
Но «пощада» — мимо!

И, осажденный радостью, стоял
Он перед лагерем
Неумолимым...

— Скажи, Ильич,
Что делать нам с собой,
С сердцами,
Вдребезги готовыми разбиться?
В боях мы были,
Вновь готовы в бой!..—
А он нахмурился
И вдруг сказал:
— Учиться!

— Учиться!.. Что?
Мы землю на дыбы
Поставим,
Как взбешенную тигрицу!..—
А он:
— Не отрываясь от борьбы,
Учиться,
И учиться!..
И учиться!..

— Учиться!.. Как?
Великий командир,
В стране
Дела найдутся... поважнее.—
А он — свое:
О том, что новый мир
Без знания мы
Построить не сумеем!..

Ильич спокоен.
Снова и опять
Слова:
Мораль...

Труддисциплина...
Знания...
О том,
Что надо смену воспитать
В коммунистическом
Соревнованье.

...Мы этих слов
Не слышали вовек.
Они сложны,
Слова простые эти.
Не знали мы,
Что может человек
Так зорко разглядеть
Пути столетья.

Простой... Родной...
Лицо... Часы... Жилет...
В руке листок,
На нем рисунок: школа...
И в этот день
Он на десятки лет
Нам написал
Программу
Комсомола.

1926

Николай Асеев

РУССКАЯ СКАЗКА

Говорила моя забава,
моя лада, любовь и слава:
«Вся-то жизнь твоя — небылица,
вечно с былью людской ты в ссоре,
ходишь — ищешь иные лица,
ожидаете другие зори.

Люди чинно живут на свете,
расселясь на века, на версты,
только ты, схватившись за ветер,
головой в бурю уперся,
только ты, ни на что не схоже,
называешь сукно — рогожей».

Отвечал я моей забаве,
моей ладе, любви и славе:
«Мне слова твои не по мерке
и не в пору упрек твой лстивый,
еще зори мои не смеркли,
еще ими я жив, счастливый.

Мне ль повадку не знать людскую,
обведешь меня словом ты ли?..
Люди больше меня тоскуют:
видишь — ветер винтом схватили,

видишь — в воздух уперлись пяткой,
на машине качаясь шаткой.

Только тем и живут и дышат —
довести до конца уменье:
как такие вздумать снаряды,
чтоб не падать вниз на каменья,
чтобы каждый — вольный и дошлый —
наступал на облак подошвой.

И я знаю такую сказку,
что начать, так дух захолонет!
Мне ее под вагона тряску
рассказали в том эшелоне,
что, как пойманный в клетку, рыскал
по отрезанной Уссурийской.

Есть у многих рваные раны,
да своя болит на погоду;
есть на свете разные страны,
да от той, что узнал, — нет ходу.
Если все их смешаю в кучу,
то и то тебе не наскучу.

Оглянись на страну большую —
полоснет пестротой по глазу.
Люди в ней не живут — бушуют,
только шума не слышно сразу, —
от ее голубого вала
и меня кипеть подмывало.

Вот расплакалась мать над сыном
в том краю, что со мною рядом;
в этом — пахнет пот керосином,
рыбий жир в другом — виноградом;
и сбежались к уральской круче
горностаевым мехом тучи.

Вот идет верблюд, колыхаем
барханами песен плачевных,
и на нем, клонясь малахаем,
выплывает дикий кочевник;
среди зарев степных и марев
он улиткою льнет к Самаре.

А из вятских лесов дремучих,
из болот и ключей гремучих,
из глухих углов Керемети,
по деревьям путь переметив,
верст за сотню, а то сот за пять,
пробирается легкий лапоть.

Вот из дымного Дагестана,
избочась на коне потливым,
вьется всадник осиным станом,
синеватым щеки отливом.
А другой, разомчась из Чечни,
ликом врезался в ветер встречный.

А еще — в глухом отдаленье,
где морская глыба посинела,
тупотят копыта оленье
под луною окоченелой:
Медный остров, выселок хмурый,
шлет покрытых звериной шкурой.

Отовсюду летят и мчатся,
звонит повод, скрипит подпруга,—
это стягиваются домочадцы,
что не знали в лицо друг друга.
Из становий и из урочищ
собирает их старший родич.

Он лежит под стеною Кремлевской,
невелик и негрозен с виду,

но к нему — всех слез переплески,
всех окраин людских обиды,
не заботясь времени тратой,
поспешают вдогон за правдой.

Он своею силой не хвастал,
не носил одежды парчовой,
но до льдов, до снежного наста,
им вконец весь край раскорчеван.
В Бухаре и в Нижнем Тагиле
говорят о его могиле.

Что же ты грустишь, моя лада,
о моей непонятной песне?
Радо сердце или не радо
жить с такою судьбою вместе?!
Если рада слушать такое —
не проси от меня покоя.

Знать, недаром на свете живу я,
если слезы умею плавить,
если песню сторожевую
я умею вехой поставить.
Пусть других она будет глуше, —
ты ее, пригорюнясь, слушай!»

1927

Николай Тихонов

15-е МАРТА 18-го ГОДА

Вступление к поэме «Выра»

Четвертый съезд Советов
Стопился перед зыбью,
Рокочут анархисты, взводя курки,
Ныряют соглашатели, чешуйчатостью рыбьей
Поблескивают в зале глухие уголки.

Колючей пеной Бреста
Ораторы окачены,
Выкриками с места
Разъярены вконец —
Эс-эры гонят речи, но речи, словно клячи,
Барьеров не осилив, ложатся в стороне.

По лицам раскаленным
Проносится метелица,
Ведь нам же, ведь сегодня здесь —
Вот здесь решать гуртом —

Винтовкой беспатронной ли
В глаза врага нацелиться
Или уважить вражью спесь
И расписаться в том.

«Вот когда мы шагали верстами,
Не так как теперь, дорожим вершком,

Так ведь за нами — и очень просто —
Те же эс-эры шли петушком!»

Зала разорвана, Ленин, заране
Нацелясь, бьет по отдельным рядам,
Точно опять погибает «Титаник», —
Рты перекошены, в трюмах — вода.

«Теперь как бойцы мы ничтожны слишком.
Тут и голодный и всякий вой,
Вот почему нам нужна передышка —
Мы вступили в эпоху войн».

Тонут соглашатели. Лысины как лодки,
Рты сигналы мечут, напропалую — ввысь,
Но гром нарастает — кусками и ходко
Холмы рукоплесканий сошлись и разошлись.

Рук чернолесье метнулось навстречу,
Видно, когда этот лес поредел,
Что это зима, где не снег бесконечен,
А люди — занесенные метелями дел!

1927

Борис Корнилов

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Ты меня канатом завязала
Слов и молодых и громовых,
Площадь у Финляндского вокзала,
Где застыл тяжелый броневик.

Кажется, что злей и бесшабашней
Щелкает мотор, как соловей,
И стоит у б^ойницы на башне
Бронзовый, сутулый человек.

Он в тумане северном и белом
Ухватился мыслями за пыл,
Кепку из кармана не успел он
Вытащить,
А может, позабыл.

А кругом станки узнали отдых
И кругом
Литая встарь — она —
В черных и замасленных заводах
Выборгская встала сторона.

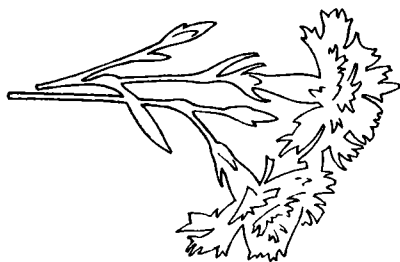
Перед ним —
Идет Нева рябая,

Скучно зеленея, как трава,—
Он стоит, рукою вырубая
На граните громкие слова.

Он не будет мягче и степенней
В гуде поседелого Кремля.
Слушает у каменных ступеней
Черная, тяжелая земля.

И когда он позовет:
— Громите...—
Сам пойдет среди путей кривых,—
Навсегда окаменев в граните,
Но застыть в граните не привык.

1928

Борис Пастернак

ИЗ ПОЭМЫ «ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»

Чем мне закончить мой отрывок?
Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами заговор,
Как шорох молнии шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне,
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.

Тогда раздался гул оваций,
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце поддержек и преград.
И он заговорил. Мы помним
И памятники павшим чтим.
Но я о мимолетном. Что в нем
В тот миг связалось с ним одним?

Он был — как выпад на рапире,
Гонясь за высказанным вслед,

Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полетом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.
И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всем,
Что кровью былей начерталось:
Он был их звуковым лицом.
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Держать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

1928

Егише Чаренц

* * *

Ленин! Ленин — но не митинговый,
Не литавры марша, не плакат,
Ленин — как вершина, как обхват
И как построенье темы новой,
Зреющей в тебе не как трава,
А как сталь, как воля. Эта тема —
Как начало жизни, как поэма,
Созиданья первые слова...

1928—1929

Владимир Маяковский

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.
Рот открыт
 в напряженной речи,
усов
 щетинка
 вздернулась ввысь,
в складках лба
 зажата
 человечья,
в огромный лоб
 огромная мысль.
Должно быть,
 под ним
 проходят тысячи...
Лес флагов...
 рук трава...

Я встал со стула,
 радостью высвечен,—
 хочется
 идти,
 приветствовать,
 рапортовать!
 «Товарищ Ленин,
 я вам докладываю
 не по службе,
 а по душе.
 Товарищ Ленин,
 работа адская
 будет
 сделана
 и делается уже.
 Освещаем,
 одеваем нищ и оголь,
 ширится
 добыча
 угля и руды...
 А рядом с этим,
 конечно,
 много,
 много
 разной
 дряни и ерунды.
 Устаешь
 отбиваться и отгрызаться.
 Многие
 без вас
 отбились от рук.
 Очень
 много
 разных мерзавцев
 ходят
 по нашей земле
 и вокруг.

Нету

им

ни числа,

ни клички,

целая

лента типов

тянется.

Кулаки

и волокитчики,

подхалимы,

сектанты

и пьяницы,—

ходят,

гордо

выпятив груди,

в ручках сплошь

и в значках нагрудных...

Мы их

всех,

конешно, скрутим,

но всех

скрутить

ужасно трудно.

Товарищ Ленин,

по фабрикам дымным,

по землям,

покрытым

и снегом

и жнивьем,

вашим,

товарищ,

сердцем

и именем

думаем,

дышим,

боремся

и живем!..»

Грудой дел,
 суматохой явлений
день отошел,
 постепенно стемнев.
Двое в комнате.
 Я
 и Ленин —
фотографией
 на белой стене.

1929

Муса Джалиль

ЛЕНИНЦЫ

Родной язык
не по строкам Корана —
по Ленину учили мы с тобой.
К нему наш взгляд стремился непрестанно,
вокруг него шумел сердец прибой.

Не память о великом человеке —
его дела сейчас у нас в сердцах.
Он дал нам имя ленинцы навеки, —
мы — ленинцы,
и Ленин жив в веках.

1930

Павел Васильев

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Из цикла «Песни киргиз-казахов»

Если всё обжорство волков
Соединить,
Если всю хитрость лисиц
Соединить,
Если всю злобу змей
Соединить,—
Всё же не получится
Обжорства,
Хитрости не получится,
Злобы не получится,
Какими обладают
Баи и муллы.

Баи ели жирных овец.
А нам — кости!
Баи пили айрам и кумыс.
Нам — опивки!
Муллы грязными ладонями
Закрывали нам глаза.
Мешали нам увидеть
Правду муллы.

Если всю горечь степей
Соединить,
Если всю озерную соль
Соединить,

То всё же не получится
Горечи,
Которую испытали
Батраки.
Но пришел
К казахскому народу
Ленин,
Отец наш и учитель
Ленин.
Он сказал:
«Все работающие — братья,
Их враги — только баи и муллы».

И мы увидели солнце!

Если всю мудрость
Мудрейших соединить
И на число звезд это умножить,
То и всё же
Не получится мудрости
Великого Ленина!

Он сказал слова
Простые, как солнце,
Сияющее в небе.

Лучше б отняли
У каждого
Правую руку,
Лучше б у каждой
Матери
Умер первый сын,
Лучше б вовсе он не родился,
Чем услышать
Такую страшную весть!

Лучше б все песни
Вдруг замолчали

И больше никогда
Не начинались,
Лучше б чума пришла,
Чем узнать,
Что умер великий Ленин!

Нет, этого быть не может.
Это просто выдумки
Лживых баев и мулл,—
Не может умереть
Наш Ленин.

Разве он решился бы
Уйти и оставить
Одинокими народы?..
Нет, жив Ленин,
И еще бесчисленное
Множество раз — жив!

А если даже
И правда,
Что опустили его
В каменную могилу,
Всё равно
Хорошо нам
Слышно отсюда,
Как бьется его
Большое сердце.

Мы сплетем
Наши руки тружеников,
Мы сплетем
Наши пастушеские руки
И пронесем
Бессмертного Ленина
Туда, где
Не оскудевает свет...

Савва Головановский

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Под петитом статей, под колонками планов,
Под декретом о мире, о хлебе — везде,
Прожигая бумагу, стояло: Ульянов,
Точно луч путеводный в борьбе и в труде.

Смольный жил. Непрерывно — подобно потоку —
Шел народ, каждый миг к новым битвам готов.
Торопились курьеры с депешами к сроку,
Шли с заводов бойцы, делегаты с фронтов.

Смольный жил. Он людей уж вмещал через силу.
Он, как улей, гудел, клокотал и бродил, —
То с далеких фронтов, из глубокого тыла
В Смольный завтрашний день, побеждая, входил.

Еще мрут на фронтах неоглядных солдаты,
Еще кайзер Вильгельм собирается в Брест,
Еще внутренний враг и заморские каты
На свободе поставить надеются крест;

Еще хочет Архангельск зацапать Британия,
Еще в Липках Петлюра лютует, как зверь...
Но живет еще Либкнехт, и он за братание,
Вместе с Розой он наша поддержка теперь!

Еще — кто мы и что мы — Антанта узнает,
Смех хорош у того, кто смеется в конце!
Ленин поздно сидит, и на желтом лице
Уж не первой усталости тень проступает.

Вся страна, точно карта вот здесь, на столе,
Протянулась она без конца и без края.
Возвратить бы скорей хлебопашцев земле,—
Вот тогда-то дождемся и мы урожая!

Возвратить бы заводам рабочий народ,
Что томится без дела на линии фронта!
Ведь любая машина и каждый завод,
Как второго рождения, жаждут ремонта.

Он за мир, и немедля! Ведь срок уж настал
От пожара войны отдохнуть и Европе,
И немецкий солдат, тот, что зря умирал,
Кой-какую науку усвоил в окопе.

Совнарком заседает. Уж близок рассвет,
Но Ильич не уходит, про сон забывая,
И усталости нет уж, и новых побед
Перед ним возникает картина живая.

Видит Ленин Россию грядущих годов:
Неразлучное братство племен и народов,
Дружбу тесную сел и родных городов —
Все, за что предстоит еще драться в походах;

Видит он ее славной, свободной в веках,
Видит он ее всюду меж равными равной,
Видит он ее грозной, готовой в боях
Защитить справедливость всей мощью державной.

Воля партии массы на подвиг зовет,
Крепнет вера в себя, побеждается голод,

Штык затупленный в землю вонзает народ,
И берется за плуг, и берется за молот.

Он теперь никому не отдаст своего —
Что добыто в боях, то добыто навечно!..
Для него пишет Ленин и учит его,
Как работать, чтоб цели достигнуть конечной.

И расчетлив, и мудр его каждый совет,
И простые слова дышат силой и страстью.
Мудрый лоб. Пламя глаз, устремленных в рассвет,
И в усмешке их — искры грядущего счастья.

1932

Александр Прокофьев

* * *

Когда мы в огнеметной лаве
Решили все отдать борьбе, —
Мы мало думали о славе,
О нашей собственной судьбе.

По совести — другая думка
У нас была, светла, как мед:
Чтоб пули были в наших сумках
И чтоб работал пулемет!

Мы горы выбрали подножьем
И в сонме суши и морей
Забыли все, что было можно
Забыть.

 Забыли матерей,

Дома, заречные долины,
Полей зеленых горький клок,
Пески и розовую глину —
Все то, что звало и влекло.

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя Ленин,
Как снова не произнести!

Все было в нем:

поля и семьи,
И наш исход из вечной тьмы,—
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

1932

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Вот идут товарищи, которых
Ленин называл по именам.

Дальше речь пойдет о переправах,
О земле в пороховом дыму,
И предоставляется по праву
Слово поколенью моему.

Тут, величья класса не унизив,
Через смерть шагнувшие горой,
Комиссары армий и дивизий
Воинский выравнивают строй.

А за ними, не окинуть глазом,
Под могучим стягом боевым
Молодость, которая ни разу
Не видала Ленина живым!

Тысячи в рядах, и каждый дорог,
Каждый дорог — и не только нам.
Впереди товарищи, которых
Ленин называл по именам!

1934

Василий Казин

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волненье глубоком,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем —
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнет и засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

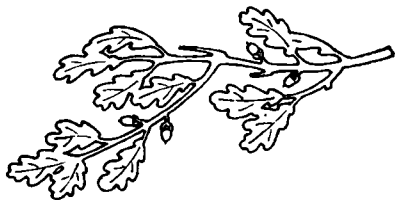
Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлевской стеной.

Стоит он, мудрец — покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз пронизательный щуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1938

Мирза Геловани

ЛЕНИНУ

В миг ли усталости, в час ли сомнений,
в день ли погони за трудным ответом
словно бы внять чередѣ откровений —
перед твоим постоять мне портретом.
Как ни устал я, но ясность настанет
в чувствах, застывших на шаге превратном.
Вдруг до предела понятно мне станет:
вот перед кем я в долгу неоплатном.
Вижу, как подняты делом и словом,
грозно встают городские кварталы...
Цепь юнкеров перед зданьем дворцовым.
И крейсеров огневые сигналы...
Вижу я площадь, где правду святую
с броневика ты поведал солдатам.
Вижу Россию, босую, худую,
в пламени буйном, в дыму бородатом.
Вижу, молчу — и проходит усталость,
и безнадежность умчится в мгновенье,
и остается мне то, что осталось:
творчество, поиски и дерзновенье.

1938

Кадыр Даян

СКОРБЬ И ЛЮБОВЬ

Когда б всю скорбь о Ленине собрать,
В сердцах таящуюся у людей,
То тяжкий груз не в силах удержать,
Хребет земли согнулся бы под ней.

Когда бы мы в одно собрать могли
Любовь к нему, сиянье и тепло —
От света лучезарного земли
Померкло б солнца древнее чело.

1938

Федор Тынэтэгийн

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Плохо было луораветланам
В дни, когда страной цари владели,
Мысль о книге далека была нам,
Карандаш держать мы не умели.

Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил.
Вот когда мы стали жить светлее,
Словно горы к солнцу вырастая!

Раньше жили на болоте пнями,
И подняться было не под силу,
А теперь равняемся с горами,
И за это — Ленину спасибо!

1938

Йоханнес Барбарус

ЛЕНИН

Я имя, близкое для всех разноязычных уст,
что дети разбирают по складам,
произношу всегда с волнением чувств,
и мой восторг пред чудом неизменен:

Вла-ди-мир Ле-нин!

Понятный, оттого и близкий нам,
весь облик величавый входит разом
ожившими чертами в сердце, в разум
в скульптурной точности, в осмысленном порядке.
Недостающей, лишней — нет в нем складки.

Здесь не одна игра воображенья,
нет! Каждой жилки у виска биенье
запечатлело мысль и жизни полноту.

Так мастерский мазок, что создан вдохновеньем,
способен пережить времен, веков черту.

Порой мы, вглядываясь в древнее творенье,
внезапно смелости безумной откровенье
и упоенье кисти познаем.

Так дух великий неподвластен тленью,
так утверждается в себе самом!

Бедны слова, и стих мой слишком узкий,
не выдержать ему величия нагрузки.

Боюсь, что даже в слове «гений» обесценен
твой дух, что светом стал для поколений,

Вла-ди-мир Ле-нин!

Вложи я в мрамор — рук моих старанье,
чтоб воплотить и мысль твою, и обаянье,
бессилен буду передать точь-в-точь,
что чувствую... И лишь воспоминанье
об имени твоём мне озаряет вдруг глухую ночь.

1940

Александр Твардовский

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу, по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —
Ведь при царской, прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе,—
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй, ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! —
Да сплеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.

А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь! —
Только это и сказал.

Постоял еще немного —
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая,—
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин, — просто отвечает.
— Ленин? — Тут и сел старик...

День за днем проходит лето.
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

И по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника

На коне, в возке хорошем —
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.

Входят гости:
— Вы такой-то? —

Свесил руки:

— Вот он я...

— Собирайтесь! —

Взял он шубу,

Не найдет, где рукава.

А жена ему:

— За грубость,

За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,

К мужней шубе—головой.

— Попрошу,— сказал военный,—

Ваш инстру́мент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.

Мчатся санки прямым.

Поворот, усадьба Горки,

Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,

Ни котенка не видать.

Тянет стужей, пахнет дымом —

Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,

Только на пол свой мешок —

Вдруг шаги, и дом пустынный

Ожил весь, и на порог —

Он. В пальтишке. Дышит паром.

Печника тотчас узнал.

— Проходи, знакомец старый,—
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было,— прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь? —

Крякнул мастер осторожно.
Краской густо залился.
— То есть как же так — нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инструмент.
— Ну-ка...—

Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда,
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич.
И спорится труд, как надо.
Тут — печник, а там — Ильич,
За стеною пишет рядом.

И, привычная, легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

«Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...»

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну, а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все запнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь

По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору о былом.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил.
— Вон ты что,— сказал с улыбкой,—
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей—
То-то тяга хороша!

Счастлив, доверху доволен,
Как идет— не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся,— говорит...

1938—1940

Арсений Тарковский

* * *

Чем больше лет ложится мне на плечи,
Тем очевидней светлый мой удел:
Я — гражданин державы русской речи,
И русской музе я в глаза глядел.

Такая сила есть в моем народе,
Что я устами новой жизни стал.
И счастлив тем, что я не в переводе,
А в подлиннике Ленина читал.

1940

Виктор Гусев

19 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА

Ленин был очень болен тогда...
Ожидая вестей, телеграмм,
Припадали каждую ночь города
В волнении к проводам.
Они шептали Москве: — Ответь.—
Москва отвечала: — Жив. —
Ленин был в Горках. Осенний ветер
Над старым парком кружил,
Стаей галок летел над крышей,
В багряной листве полыхал
И вдруг — людскую тревогу слышал
И у ленинских окон стихал...
Болезнь отступила,— и доктора
Разрешили прогулки. Ура!
Ленин был весел в тот день и с утра
Все торопился: — Пора! —
Час только можно гулять. Все равно.
Сколько мгновений в нем!
Будет каждое напоено
Осени звонким огнем,
Будет каждое ветром дышать...
Ну так идем не спеша,
Так, по ступенькам, за шагом шаг.
Осень,— ты хороша!

Слабость лежит в морщинах лица.
Какая вокруг тишина.
Он видит: машина стоит у крыльца.
Она теперь не нужна.
Автомобиль ему запрещен.
По дорожкам броди, по песку.
Вдруг подходит к машине он,
Говорит шоферу: — В Москву.—
А шофер,— он знал приказанье врачей,—
Хотел он сказать: «Не велят!»
Но взгляда не видел он горячей,
Чем этот ленинский взгляд.
В нем было такое стремление жить,
Бродить по дорожкам, топтать листву,
Спорить, шутить, волноваться, творить
И ехать, немедленно ехать в Москву,—
Что шофер забыл приказанье врача,
Он сам был захвачен стремлением этим.
Мотор завыл, загудел, заворчал.
Ленин сказал: — Замечательно! Едем.—
Часового у строгих ворот Кремля
Тревога радостная охватила.
Ленин вышел. Качнулась земля:
Слабость. На миг заглянул в квартиру,
И скорее к себе, в Совнарком.
Вот он один. Никого нету.
Исхожен, памятен и знаком
Каждый квадратный метр кабинета.
Как волненье его передашь!
Заглянул в тетради, в блокноты,
Потрогал книги, взял карандаш.
Все приготовлено для работы.
В груди поднялся волнения вал.
Здесь мечтал он ночной порою,
Здесь он радовался, горевал,
Отсюда в бой отправлял героев,

Видел отсюда Сибирь и Кавказ...
Вдруг его сердце заныло, сжалось:
А что, если здесь он в последний раз?
Что, если жить немного осталось?
Ветром песню в окно доносило,
Чьи-то дети играли в саду.
О, как его гения светлая сила
Тосковала в тот миг по труду!
Он оглядел еще раз кабинет.
Вышел.— В Горки? — спросил шофер.
Ленин ответил: — Конечно, нет.
На Выставку. Точка. Окончим спор.—
А Выставка в двадцать третьем году
Не та, что в тридцать девятом была.
В Парке культуры, в Нескучном саду,
Она размещалась, бедна и мала.
Но Ленин, скрывая волнение свое,
Цифры первых побед читая,
В каждом невзрачном домишке ее
Видел грядущих громад очертанья.
— Куда вы спешите, шофер! Потихе.—
Он целый день тут пробыть был готов.
В шелесте робких деревьев он слышал
Шелест могучих колхозных садов.
Нашего счастья отец и создатель,
Миру пробивший в грядущее дверь,
Волнуясь, глядел на машины и зданья,
На которые мы б не взглянули теперь.
...Нет, не могу я душою постичь,—
И этого чувства не трогают годы,—
Что не увидит Владимир Ильич
Нашей великой борьбы и работы,
Не услышит могучую песнь Волгостроя,
На колхозные утром не выйдет луга
И молодых не обнимет героев,
За Ленинградом громивших врага.

И все мне кажется, только вчера
Входил я в Колонный зал...
— Ну что же, товарищ, домой пора,—
Ленин шоферу сказал.
Мелькали зданья, столбы, афиши,
Москва шумела со всех сторон,
И может быть, мимо нас, мальчишек,
Тогда промчался в машине он.
Взглянул, прощаясь, на наше детство...
Рвал мотор полей тишину.
Ленин ехал — и наглядеться
Не мог на сады, на леса, на страну.
А осень листья швыряла горстью.
Над Камой и Волгой ветер свистел.
На месте грядущего Магнитогорска
Сухую травую шумела степь...
Самолет гудел в отдаленье
В холодеющей синеве.
Люди шли и не знали, что Ленин
В последний раз побывал в Москве.

1940

III

Ладо Асатиани

КНИГА ЛЕНИНА

Я прочитал чудесных книг немало,
Я упоенье испытал не раз.
В одних, признаться, сказка увлекала,
В других рисунки радовали глаз.

Иные — чувства нежные будили,
Но перешли к любимой иль к друзьям.
А многие под слоем старой пыли
Я сохранил, хоть им не верил сам.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,

Но эта — самой драгоценной стала
И, словно воздух, нужной для меня.

Целитель древней скорби поколений,
Моих напевов гордость и венец,
С ее листов ведет беседу Ленин
Со мною, как заботливый отец.

И эта книга — солнце с ореолом,
Отрада миру, сестрам и сынам —
Меня шагать учила с комсомолом
И строить мир, несущий счастье нам.

Когда б не свет зари ее высокой,
Борьба была бы тяжелей для нас.
Мы каждый день читаем эти строки,
Вникаем в эту книгу каждый час.

Немало книг на полках полиняло
И в мрак ушло, свою судьбу кляня,
А эта — самой драгоценной стала
И, вечной став, зовет к борьбе меня!

1941

Витаутас Монтвила

ЛЕНИНУ

Иные гении
Приходят и уходят,
Но гений Ленина —
На все века.
Кто сердцем тянется
К борьбе, к свободе,
В том верность Ленину
Всегда крепка.

Дорогу к правде
Указал нам Ленин,
Он завещал нам
Светлый мир труда.
Как верность Ленину,
Навеки неизменен
Обет —
Бороться
И творить
Всегда.

Наш путь полюбится
Другим народам.
И там, где Лениным
Рассеян мрак, —

Над светлым миром
Правды и свободы
Коммунистический
Вззовьется стяг.

1941

ДАЙНА О ЛЕНИНЕ

Не ива качается,
Грустная ива,
Не сосны скрипучие
Гнутся вдали, —
То мир отмирающий
Стонет тоскливо...
А новый наш мир —
Это утро земли.

Сердца не сдадутся —
Пусть ветры бушуют.
Как сталь закалились мы
В трудных боях.
Наш пот, что как золото
Капал буржуям,
Шиповником в наших
Пылает сердцах.

Сердца наши с песнею
В ритме едины,
А песня — маяк
Нашей гордой борьбы.
Сильны, и упорны,
И непобедимы,
Мы настезь откроем
Ворота судьбы.

Борьбу баррикадную
Песня венчала,
Песня встречала
Революции гром
В дни,
Когда Ленин
Под знаменем алым
Поднял рабочих
На битву с врагом.

Великого Ленина
Сердце безмолвно,
Ленин в песне —
Вечно живет.
Волей его
Вдохновенно,
любовно
Дело его
Продолжает народ.

Пою я —
О ленинской силе чудесной,
О жизни, расцветшей
В краю родном.
Как розы,
кладу я
На гроб
эту песню —
Сердце мира
покоится в нем.

1941

Ило Мосашвили

ЛЕНИН НА БРОНЕВИКЕ

Ночь, но не тронут ее чернотой
Город великий. На западе снова
Дымы повисли завесой густой.
Зарево забагровело сурово.
Змей у ворот городских
Рыщет в потемках глухих,
Город он стиснул железной подковой.

Бури следы на знаменах видны,
Пристально смотрит на улицы Ленин —
Всюду там свежие раны войны.
Готовит он броневик для сражений;
Став на него, призывает в речах
В бой за Октябрьский священный очаг.

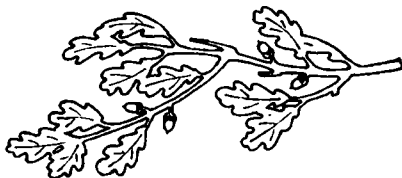
Площадь обходит от края до края,
Ночь пробуждает раскатами слов,
Вновь по-родительски благословляя
К ближнему фронту спешащих сынов.

Там их сердца — как бесчисленный строй
Лезвий стальных, и сквозь пламя и дымы
Слушает с жадностью город-герой,
Что говорит ему Ленин любимый.

Слушают, выстроясь, как на смотру,
Несокрушимых сердец батальоны —
И, подымаясь, врагов поутру
Крепость встречает огнем непреклонно.

Зорко дозоры глядят из траншей,
Грозной броней обшиты заставы,—
Нет, не коснуться рукам палачей
Города Ленина, города славы!

1941

Ольга Берггольц

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

«...И да здравствует социалистическая революция во всем мире!»

Надпись на памятнике В. И. Ленину около Финляндского вокзала в Ленинграде; это слова, сказанные Лениным 16 апреля 1917 года.

...И вновь Литейный — зона фронтовая.
Идут войска, идут — в который раз! —
туда, где Ленин, руку простирая,
на грозный подвиг призывает нас.

Они идут, колонна за колонной,
еще в гражданском, тащат узелки...
Невидимые красные знамена
сопровожают красные полки.

Так шли в Семнадцатом —
к тому ж вокзалу,
в предчувствии страданий и побед.
Так вновь идут.

И блещет с пьедестала
неукротимый Ленинский завет.

22 июня 1941

Степан Щипачев

ЛЕНИН

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожженного квартала.
Враги в советский городок вошли
и статую низвергли с пьедестала.

Фашист-полковник был надменно рад,
что с Лениным расправился так скоро,
и щелкал долго фотоаппарат
услужливого фоторепортера.

Настала ночь притихшая... И вдруг —
треск автоматов, крики, чьи-то тени:
то партизаны замыкали круг,
и вел их — Ленин.

Июль 1941

Илья Сельвинский

БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике, нá море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя...
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.

— Тонко сработано!
Кто ж это тут?
ЛЕНИН.
Ах, вот оно!
— Аб!
— Гут!

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Кони хвостатые
Взяли в карьер.
Нет
статуи,
Гол
сквер.
Кончено! Свержено!
Далее —
в круг
Введен задержанный
Политрук.

Был он молоденький,
Двадцать всего.
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали...
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе
Подле шеста;
Вот ему на плечи
Брошен канат.
Мыльные каплищи
Землю кропят...

— Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде!
Всплачется, взмолится
Хоть на момент,
Здесь, у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
— Ауф!
— Гут!

Желтым до зелени
Стал политрук.
Смотрит...
О Ленине
Вспомнил... И вдруг
Он над оравую
Вражеских рот
Вытянул правую
Руку вперед —
И, как явление
Бронзе вослед,
Вырос
кованый
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник...

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,
Глядя на улицу
Из ворот.

Мигом у цоколя
Каски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись...
Все же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Назло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

1942

Михаил Дудин

СТИХИ О ШАЛАШЕ

Мелкий лес да болото. В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов, и дыма тяжелая грива:
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.

Нас мороз леденил, к нам в землянки вривалась
вода.

Снег крутил, заметал переходы и щели.
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода,
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.

Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила порыва.
Это видевший виды, из веток сосновых, шалаш.
Это Ленин здесь жил,
в шалаше у скупого Разлива.

Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодной сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту,
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.

Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи, и ветер, летящий над
миром.

...Он обходит расчеты и, проверяя посты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.

Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает,—
Этот голос и жест, и на Запад простерта рука,
Непрерывно вперед, непрерывно вперед призывает.

Сквозь огонь и грома́, раскаленные зноем дожди,
Через рвы, через надолбы, через траншеи
на Запад!

С нами вместе, в походных шинелях, вожди!
Горизонт лиловет, горячею кровью закапан.

Он приходит, победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал. И, прищурившись, смотрит
на нас.

Мелкий лес да болото. Бессмертный шалаш
из гранита.

Август 1942

Павел Антокольский

СКАЗКА ВЬЮГИ

Не знаю, правда иль сказанье,—
Скажу, как слышал, не солгу.

Он был студентом, жил в Казани,
В домишке низеньком, в снегу.
Все было впереди: Женева,
Дни возмужанья, дни труда,
Рожденье Правды в Искре гнева —
Все было впереди тогда.
Покончив с шахматным турниром,
Заправив в лампе керосин,
Он с глазу на́ глаз с целым миром
Остался, стало быть — один.

И слышит он, как в дымоходах
Поет крещенская пурга.
Когда ж достанется ей отдых?
Не знает отдыха карга.
И только он подумал это —
Глядь, распахнулась дверь во тьму,
Старуха входит, в снег одета,
И усмехается ему.
Он поднял лампу, чтоб взглядеться
В лицо старухи вековой,—
Недаром смельчаком был с детства
Мечтатель с ясной головой:
«Кто ты, бабуся? Что за дело
Тебя к студенту привело?»—

«Я Вьюга, миленький! Глядела
Час битый в потное стекло...»

«Да ты озябла, замечаю!
Весь твой салопец из прорех.
Войди, дам сахару и чаю,
Отрежу ситного — не грех!
Прости еще вопрос нескромный:
Где проночуешь эту ночь?»
И тут раздался вздох огромный:
«Студент, ты должен мне помочь...»
Пошла выкладывать старуха
Без точек и без запятых
Речь, непривычную для слуха.
Казалось, целый мир притих...

«Я для тебя стара, товарищ,
Тысячелетняя карга,
Когда по заревам пожарищ
Лечу, трубя во все рога.
Товарищ — это обращенье
Подарок первый мой тебе.
Мое великое крещение
Припомнишь в завтрашней борьбе».

Студент приблизился и глянул
В глаза старушечьи сквозь дым,
И только вникнул — и отпрянул,
Хоть и остался молодым,
Но старше стал на полстолетья.
А Вьюга, встав из-за стола,
Хлестнула об пол белой плетью,
Как будто пару поддала:

«Еще не раз на снежном пире
Мы повстречаемся с тобой!
Я прилечу к тебе в Сибири
И поведу в последний бой.

Когда в свинцовый шрифт листовок
Твой замысел вольется весь,
И гул рабочих забастовок
Тебе откликнется: «Я здесь!» —
И ты поймешь, что закипела
Святая ярость непогод, —
Тогда припомни все, что пела
Старуха Вьюга в давний год.

В лесной глуши и в чистом поле
Припомни только и покличь.
Мы будем рядом и в подполье,
Сынок Владимир свет Ильич!
И будет день, когда навеки
Уснешь ты в купях свежих роз.
И я смежу немые веки
В тридцатиградусный мороз,
И, твой последний сон лелея
У стен московского Кремля,
Прильну к земле у Мавзолея
И ей шепну: «Не плачь, земля!»

И будут годы, будут годы
В лучах тревоги огневой,
В громах военной непогоды,
Когда твой город над Невой,
Встав под знаменами твоими,
Все беды вынесет в бою.
И я твое, товарищ, имя
Бойцам как лозунг пропою.
И вот на севере, на юге
Они пойдут, врагов круша.

.

Что, хороша ли песня Вьюги?»
Студент ответил:
«Хороша».

Саломея Нерис

ЛЕНИНА ЛИЦО — ЛИЦО РОДНОЕ

Ленина лицо — лицо родное...
Он уснул глубоким, вечным сном.
И склонилось знамя боевое
Над отцом, учителем, вождем.

То не с Балтики находят грозы,
Не Литва туманится моя —
Это сестры скорби, это слезы,
Тихо, тихо плачу я.

Мне не стыдно этих слез горячих,
Удержать их у меня нет сил.
Я над ним, родным, сегодня плачу,
Вспоминаю, как великий жил!

Лесной шалаш ему был кровом,
Там рождался громовой раскат.
Ясно вижу Ленина живого,
Подымающего пролетариат.

Сквозь огонь сражений, словно волны,
Шел народ великий за вождем.
Ленин спит в гробу, но, жизни полный,
Мир, им созданный, цветет кругом...

Поведем мы наш народ свободный
По пути, указанному им.
Образ Ленина в душе народной
Навсегда останется живым...

Семен Гудзенко

БАЛЛАДА О ЗНАМЕНИ

1

Летом
на Украине
каждую ночь звездопад.
В заводах,
в тихой тине,
теплые звезды лежат.
Мы не ценили звезды
и соловьев
ни в грош.
Пыль набивалась в ноздри,
в глотку—
не продохнешь.
Мы дорожили махрою
и ключевой водой...
Только глаза закрою—
тянется шлях степной.
Пыльные сапожищи
черную мнут стерню.
Кажется, люди ищут
долю свою.

Глаз от земли не поднимут
други мои, нелюдимы.

2

Мы отступали.
С нами
(в ранце у земляка)
шло полковое знамя,
сорванное с древка.
Вышит на знамени
шелком
Ленина силуэт.
...Сколько прошли мы,
сколько
вынесли горьких бед!
Но по ночам
на привалах
мы собирались под ним,
нашим нетронутым,
алым
знаменем боевым.
Так нам тогда казалось:
труден военный путь,
сделано очень мало,
чтобы его развернуть
и под простреленным флагом
мчаться по большаку,
в город врываться —
и шагом,
гордо,
рука к козырьку.
...Парень напрасно просится
у командира в бой —
нашего знаменосца
в сечи не брали с собой...

Трудно двадцатилетним
 в самом начале войны
 было ночами летними
 видеть солдатские сны.
 Мало быть сильным,

мало

храбрым быть.

В первом бою
 злости нам не хватало,
 той, что дробит броню.
 Нам бы такую злобу —
 мертвые шли бы на танк,
 так ненавидели,

чтобы

насмерть валил кулак.
 Но мы еще не знали,
 что у сожженных хат,
 что на берлинском вокзале
 девушки наши кричат...

Видно,

солдатскими касками
 горе черпать до дна.
 ...Город, разбитый фугасками,
 полк оставлял.

Тишина.

Окна

как будто грозою
 настезь распахнуты в сад.
 Битым стеклом —
 не росою —
 травы на солнце блестят.

Мертвых

пугаются лошади,
им непонятна беда.
...На разбомбленной площади
Ленин стоит,

как всегда.

Вот она,

с детства знакомая,
вытянутая рука.

(Вспомнил я военкома
гаубичного полка...)

Вот они,

очи Ленина,
мудрые,
глубоки.

(Вспомнил,
как вслед смотрели нам
в Гомеле старики...)

Вот он,

как на знаменах,
самый
великий

солдат.

(Вспомнил друзей — поименно
тех,
что под Брестом лежат...)

И неумная ярость
нас захлестнула так —
немец бежал от ударов
первых контратак.

Ленин

шел вместе с нами,
слушал бойцов
в пути.

Мы развернули знамя,
чтобы вперед идти.

Снова снег,
 третий снег,
 третий год.
 И туда,
 где встречали войну,
 нас дорога от Волги ведет —
 через Днепр,
 за Десну,
 на Двину.
 Этот край нам с июня
 знаком.
 Задыхаясь
 в горячей пыли,
 мы здесь встретились с Ильичем,
 гнев и ненависть обрели.
 Вот она,
 знакомая рука,
 глубина видавших битвы
 глаз.
 ...Генерал седой
 с броневика
 нам читает
 боевой приказ.

1943

Максим Рыльский

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Его портрет — в колхозной хате скромной,
Его портрет — в землянке у бойца,—
Портрет того, кто волею огромной
Соединил народные сердца.

Его портрет, который наши дети
Цвeтами любят нежно украшать,—
Портрет того, кто в глубине столетий,
Как солнце, землю будет озарять.

Когда кипит за вольность бой священный,
Мы пронесем сквозь дым и смертный прах
Его портрет: ведь он живет, нетленный,
На всей земле, во всех живых сердцах.

1943

Якуб Колас

ЖИВЕТ СРЕДЬ НАС ГЕНИЙ

Пришел он, как утро, как зори восхода,—
Из глуби народной живой,
Подслушал он правду и мудрость народа,
Чтоб выполнить волю его.

Увидел он светлые дали, просторы,
Что новью теперь зацвели.
Нам Ленин пути указал, по которым
Идти к новой правде земли.

И в сердце людском, и на солнечных нивах
Лежит его правды печать.
Словам его мудрым, простым и правдивым,
Как песням, вовеки звучать.

Звучать им повсюду, где жизнь молодая
Бурлит во всю гордую мощь.
И в песнях, и в думах родимого края
Бессмертен, как солнце, наш вождь.

Живет он в громовом дыханье заводов,
В кремлевских пурпурных огнях,
И в нашем единстве, и в дружбе народов,
И в партии зорких очах.

Живет он в делах нашей Армии Красной,
В отваге и силе бойца.
Ведет его имя на подвиг опасный
Бесстрашных героев сердца.

Живет средь нас Ленин, как солнце восхода,
Как мудрость великой земли,
И светит лучами, огнями свободы,
Чтоб счастьем народы цвели!

1939—1943

Николай Тихонов

ЛЕНИН

Зима неожиданна и проста, зима, а ночи страшно кратки,
Дел бесконечна широта, мелькают дни смертельной
схватки.

Под утро редкий перерыв, в работе отдых скоротечный,—
И вот он видит, как с горы, страну, забывшую беспечность,

Страну в походе, на ходу, страну любимую — Россию,
На шапках — красную звезду, в огне просторы снеговые.

Не дни пылают там — века, и в очистительном пожаре
Гудит народная река, и тот огонь ее не старит.

Все так же молодо оно, народа сердце ретивое,
Всех грез огнем озарено предназначенье мировое.

И он, отдавший жизнь свою служенью радостной России,
Ведет бестрепетно в бою ее дружины молодые.

Зарей окрашен небосклон... Уж в вечной дымке годы эти...
Любить Россию так, как он! Что может быть святей
на свете!

Бушует снова вихрь войны, и вновь зима и ночи кратки,
И стонут вновь поля страны под топотом смертельной
схватки.

Страна в походе, бой идет, в народном сердце мести пламя,
И знамя Ленина встает опять над русскими полками!

1943

Алексей Сурков

ЛЕНИН

Где на еловых ветках стынет иней,
Где снег на крышах от мороза синий,
Где взгляд яснее и слова теплей,
Среди большого города святыней
Народ воздвиг гранитный Мавзолей.

Под каменной своей прохладной сенью,
Послушный всенародному велению,
Багровый полированный гранит
Наперекор безжалостному тленью
Нетленный прах бессмертного хранит.

Стихает гром московского трамвая,
Звенят куранты, полночь отбивая,
Яснеют блики лунного луча.
И красный флаг, как песня боевая,
Шумит над Мавзолеем Ильича.

В полярных льдах и в глубине забоя,
На поле смерти, в грозном громе боя,
В полете, устремленном в высоту,
Скорбя, ликуя, побеждая, строя,
Мы к Ленину стремим свою мечту.

Все воплотилось в этом человеке —
Людские судьбы, океаны, реки,
Безмерные просторами поля.
Со дня его рождения — навеки
Бессмертной стала русская земля.

1944

Степан Шупачев

ДОМИК В ШУШЕНСКОМ

1

Опять погода завернула круто,
над Шушенским ни месяца, ни звезд.
Из края в край метелями продута,
лежит Сибирь на много тысяч верст.

Еще не в светлых комнатах Истпарта,
где даты в памяти перебирай,
а только обозначенным на картах
найдешь далекий Минусинский край.

Еще пройдут десятилетия горя
до мокрого рассвета в октябре,
и пушки те, что будут на «Авроре»,
железную рудой лежат в горе.

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени.
Село до ставней вьюги замели.
Но здесь, где трудится, где мыслит Ленин,
здесь, в Шушенском, проходит ось Земли.

Уж за полночь, окно бело от снега,
а он все пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
двадцатый век, он разглядел тебя.

Он знает, видит, в чем России сила
и чем грядущее озарено.
Пускай еще не высохли чернила,
словам уже бессмертие дано.

Невзрачный домик затерялся в мире.
Но на стекло морозный лег узор,
и тут вся география Сибири —
от океана до Уральских гор.

Вот серебро равнин ее широких,
вот, в иглах весь, тайгу засыпал снег,
и различимы горные отроги
и, как рога оленьи, русла рек.

И на столе белеют не страницы,
а тот же русский снеговой простор,
где все губернии... Где он в таблицах
учел и тот однолошадный двор —

с косым плетнем, засыпанным метелью,
где позапрошлую неделю
осталась без отца семья,
где в эту ночь родился я.

Мать — хоть от горя ослабела —
гадает о моей судьбе.
Промерзла дверь, заиндевила,
и ходит ветер по избе.

В сенях, где страх теперь таится,
то скрипнет вдруг, то звякнет тишина,
где вынута пешнею половица,
земля замерзшая видна.

На эту половицу прадед
ступал наряженный к венцу,

а в черный день она в ограде
постругана на гроб отцу.

Но все — и горе — он учел в таблицах.
Потрескивает на столе свеча.
Пусть ночь темна и непогода длится,
он всю Россию видит в этот час.

Крутые переулочки Казани,
библиотеки старые Москвы
и Питер, Питер вновь перед глазами —
в граните серая вода Невы.

Звонки условные — и он в квартире.
Висят часы на выцветшей стене,
и ржавой цепью тянут время гири,
секунды отбивая в тишине.

Глухи за Невскою заставой ночи.
Со следу сбив назойливых шпиков,
он снова на кружке рабочих
глядит в глаза учеников.

Пойдут на смерть — не предадут такие.
На сердце горячо от этих глаз:
в них светится мечта твоя, Россия,
в них молодость твоя, рабочий класс.

2

Какое утро! Белизна какая!
И, этой белизне под стать,
хребты Саянские сверкают;
сегодня их и в Шушенском видать.

Снег на катке волнистый и горбатый.
В глазах рябит от белых снежных гряд.

И, пронеся хоругвями лопаты,
ребята рядом с Лениным стоят,

одним морозным воздухом с ним дышат,
свои следы в его вплетают след,
хоть, может, имя Ленина услышат
они впервые через много лет.

Кто ж из мальчишек первым быть не хочет,
когда, заиндевелый до бровей,
он с ними сам, как маленький, хохочет,—
и снег с лопат летит еще живей.

Необозримая лежит Россия,
до края и ветра не долетят.
Будь это шушенские, костромские —
жизнь одинаковая у ребят.

Во всех краях она, еще слепая,
уводит от отцовского крыльца.
Десятилетний паренек Чапаев —
на побегушках в чайной у купца.

В Уржуме легкая летит пороша,
видны леса, куда ни погляди.
Приютский мальчик Костриков Сережа,
что может знать он о своем пути?

Еще в зарницах первых дни глухие.
Буденновские конники лихие,
чапаевцы — еще в пеленках спят.
Их как травинок в поле, — на Руси ребят.

Где в чащах заячьи петляют тропы,
где солнце в космах снеговых встает,
в избе, уткнувшейся в уральские сугробы,
на свете мальчик первый день живет.

Мать рядом спит.
Ей сон тревожный снится,
ей не дойти до светлой правды той,
что и в глухую эту ночь родиться
не страшно даже сиротой.

Под окнами черствеет снег вчерашний,
святые скорбно смотрят из угла.
За сына было б матери не страшно,
когда бы знать про Ленина могла.

3

Все те же
в той, где он бывал, квартире
висят часы...
Позеленели гири.
От времени не отставая,
на циферблате, заспанном на вид,
идет по кругу стрелка часовая,
и по орбите шар земной летит.

Исхоженные дальние дороги
ведут от детства, от плетней косых.
Годины войн и революций сроки
секундами измерили часы.

И на холодном быстром Енисее,
в еще не очень обжитом краю,
благоговейно в домике-музее
я у стола рабочего стою.
Тут Ленин жил, за этот стол садился.
Еще я только что на свет родился,
а он уже решал судьбу мою.

Поймешь и ты, праправнук, без труда,
задумавшись над ленинской строкой,

что и твоя судьба — еще тогда —
была намечена его рукой.

Прошло вихрастое, босое детство,
и после, в день великий Октября,
не двор — страну я получил в наследство:
поля и реки, горы и моря.
Я честь и славу своего народа,
как сын, под красным знаменем принял.

Пилотку, полинявшую в походах,
я с головы еще за дверью снял.
На половицы бережно ступая,
по домику я тихо прохожу.
Стоит в нем тишина святая;
я ею, как бессмертием, дышу.

Но эта тишина не для молитвы,
а для присяги. В этой тишине
еще слышнее грохот битвы
и поступь времени еще слышней.

1944

Сырбай Мауленов

ЛЕНИН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ

Я в доме том, где ходишь тише,
Прикован к каждой вещи взгляд.
И кажется, что Ленин вышел
Отсюда пять минут назад.

...Жизнь в комнату стучится эту.
В кармане руки, взад-вперед
Ильич пройдет по кабинету,
В два Совнарком он соберет.

Подарена фронтовиками,
Висит шинель... Вновь у стола
Он пишет,— пред его глазами
Страна, где бьются свет и мгла.

Задумался — и подбородок
Лег на руку... Вся жизнь его,
Все мысли служат лишь народу —
Залог прекрасного всего.

К нему крестьяне по дорогам
Идут из далей полевых.
Гостей встречая за порогом,
К себе приводит Ленин их.

Я в доме том, где ходишь тише,
Прикован к каждой вещи взгляд.
И кажется, что Ленин вышел
Отсюда пять минут назад.

1945

Степан Щипачев

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Над крутизною желтых косогоров
тот день овейн половодьем был.
Водою окруженный, волжский город,
сверкая на горе, казалось, плыл.

Над яблонями, над домами ветер
дул от реки, где шел белесый лед.
С симбирских круч широк пространств разлет.
Был горизонт с водою слит и светел.

Весна брала свои права и власть.
Все затопила вольная стихия:
как будто, лед ломая, поднялась
не Волга вешняя, а вся Россия.

Весна брала свои права и власть.
Она в тот день бессмертьем началась.

1945

Самуил Маршак

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

1

Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ,

И статую с простертою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

— Убрать! — сказал немецкий генерал
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла,
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Ее увез в машине грузовой.

2

В ту ночь на склонах бушевал буран,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемет.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам — с машины грузовой —
Смотрел на этот партизанский бой.

3

Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: — Друзья, мы победим!

Он говорит — или шумит река,
Бегущая сюда издалека...

1946

Винцас Миколайтис-Путинас

ОКТАБРЬ

1

Осень золотая, золотая грусть...
Но не этой грустью нынче дышит грудь.
Не осенней хмурью вся душа полна:
Там, за горизонтом, мечется война!
И окутан дымом грозный Петроград.
Строятся колонны подле баррикад.
И взлетает мощно песня над толпой:
«Это есть наш последний
И решительный бой».

2

От Кронштадтской бухты до реки Невы
Ходит море в гуле черной синевы:
Это над Россией Ленина рука!
Это прокатился клич с броневика —
И суровый Смольный сквозь великий зов
Высится гнездовьем боевых орлов.
О гнездовье это, о его редут
Филины ночные клювы разобьют.
Дымом отуманен грозный Петроград.

Улицы. Проулки. Площади. Сады.
 Всюду — будто кипень мартовской воды.
 Вдруг над невской гладью,
 Над большим дворцом —
 Катится с «Авроры» орудийный гром.
 Это новой эры алая заря
 Вспыхнула из пушек, сердце озаря.
 Вот красногвардейцы ринулись сквозь дым...
 Вон солдаты с фронта примыкают к ним.
 Питерец не дрогнет, мужествен и прям,
 Он живым не сдастся белым юнкерам.
 Поразит врага он твердою рукой,
 Собственной работы пулей роковой.

Так сбылося слово нашего вождя:
 Зори трудовые над страной горят.
 И стоит над миром, песнями звуча,
 Ставший Ленинградом старый Петроград.
 Как свободно дышит родина моя!
 Люди и природа ныне заодно.
 Далеко уходят степи и моря,
 Где летать орлами юности дано.

1946

Максим Рыльский

КОМНАТА ЛЕНИНА В ПРАГЕ

Здесь все бессмертия достойно,
И нам дано его постичь:
Ведь в этой комнате спокойной
Вел конференцию Ильич.

Да, в Праге, в дни больших свершений,
Предвидя явь других времен,
Горел, как светоч, вещий гений,
И тьму веков развеял он.

Здесь, в этой комнате рабочей,
Друзья встречались той порой,
Чтоб смело правде глянуть в очи
И кривде дать смертельный бой.

И люди, что тихонько ныне
Переступают здесь порог,
Пришли отдать поклон святыне —
Отсюда в вечность путь пролег.

1946

Агния Барто

УТРО ПЕРЕД ПАРАДОМ

На Красной площади покой,
Темнеет небо над рекой.

Но вот сменился караул
У входа в Мавзолей,
И первый луч уже блеснул,
Становится светлей.
Вот осветилось слово «Ленин»...

Хотелось первому лучу
Лечь на гранитные ступени,
Сюда, на площадь, к Ильичу.

1947

Сайфи Кудаш

ДОМИК В УФЕ¹

Я брожу, отыскивая взглядом
В суতোлке, в шуме городском
Тихий домик с голубым фасадом,
Невысокий, неприметный дом.

Весь, от основания до крыши,
Он овеян свежестью лесной,
Словно ель невидимая дышит
В домике за голубой стеной.

Старый дом незыблем и нетленен.
Долгие века стоять ему.
Жил когда-то наш великий Ленин
В этом тихом голубом дому.

На заре столетья, на рассвете,
Он сибирский пересек простор.
Он прошел сквозь мглу тысячелетий
Яростным ветрам наперекор,—

Чтоб осилить мрак и холод мгlistый,
Родину сковавший в те года,

¹ 6 февраля 1900 года по пути из Сибири Ленин останавливается в Уфе.

Чтоб рожденной в сердце искрой чистой
Растопить пласты глухого льда.

Вдаль шагали сосны-великаны,
За окном вагона плыл Урал.
Слышались грядущие бураны,
И прошедших отзвук замирал.

Средь уральских кряжей синеватых
Еле различал он сквозь туман
Скалы со следами Салавата,
Огоньки твои, Башкиростан.

И далеко мысли уносили
Ильича за гребни синих гор.
Светлое грядущее России
Разглядел его орлиный взор.

Мук народных вековое бремя,
Что земля снести могла с трудом,
На себя он принял в это время.
Тяжкий груз принес он в тихий дом.

Он оконца распахнул косые,
И сквозь годы виделись ему
Те просторы будущей России,
Что людскому не объять уму.

Реявший над нами в дни восстанья
Стяг Октябрьской славы боевой
Был еще тогда в Узбекистане
Шелковистой тутовой листвой.

Горная гряда вздымалась тяжело
Над уральской синевой водой,
И была чапаевская шашка
Спящею железною рудой...

Ленин рассекал поток бурливый.
Белая шумела, а над ней
Видел он Башкиростан счастливый,
Озаренный солнцем наших дней.

...Люди посещают непрестанно
Домик невысокий голубой.
И цветы всего Башкиростана
Рады принести они с собой.

Одряхлеют каменные зданья,
Задевающие облака,
И о нашем времени преданья
Перейдут в грядущие века.

Но и на ветру тысячелетий
Дом не обветшает голубой.
И светиться будут окна эти,
Что сегодня светят нам с тобой.

1947

Симон Чиковани

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Таёт утренней дымки завеса
И лучи простирает восток
Там, где волны в теснине Загэса
Создают электрический ток.

Мцхет Арагвой обвит и Курою...
Где б я ни был, рассветной порой,
Лишь глаза на мгновенье закрою,
Вижу — Ленин стоит над Курой.

Вижу — Ленин стоит над волнами,
Озирая земли торжество,
И листва Зедазени, как знамя,
За плечами шумит у него.

Смотрит пристально он с пьедестала,
Как цветут берега над водой
Там, где прежде волна клокотала
В белой кипени, в пене седой.

Пробудились деревья во Мцхете
В чистом свете живого луча,
И сверкнул этот луч на рассвете,
Словно мысль над челом Ильича.

И красою увенчаны строгой
Гордых скал вековые верхи,
Где Военно-Грузинской дорогой
Пушкин шел, сочиняя стихи,

Где ветра возносили впервые
Над снегами нагорий седых
Сочиненный поэтом России,
Воспевающий Грузию стих.

И прекрасен рассветной порою
Гор Кавказа незыблемый строй.
Там, где Ленин стоит над Курою,
Загорается свет над Курой.

Этот свет величав и нетленен
В нашей жизни, в трудах и в бою.
И меж всеми народами Ленин
Делит светлую мудрость свою.

1947

Семен Кирсанов

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Когда за письменным столом
вы бережно

берете

его живой и вечный том
в багряном переплете —
и жизнь ясна,

и мысль чиста,

не тронутая тленьем,
с гравюры первого листа
вас будто видит Ленин.

И чудится:

он знает все,

что было в эти годы,—
и зарева горящих сел,
и взорванные своды,
и Севастополь,

и Донбасс,

и вьюгу в Сталинграде,
и кажется —

он видел вас

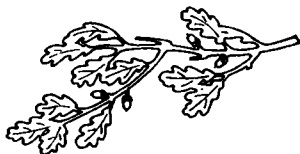
у Ковпака в отряде...

И хочется сказать ему
о времени суровом,

как побеждали
 злую тьму
его могучим словом,
как освещало каждый штык
его родное имя,
как стало званье —
 большевик —
еще непобедимей.

И хочется сказать о том,
как в битве и работе
нам помогал
 великий том
в багряном переплете,
как Ленин
 с нами шел вперед
к победе шаг за шагом,
как осенял себя народ
его бессмертным стягом!

1947

Николай Рыленков

БАЛЛАДА О ПОРТРЕТЕ

Не в мастерской художника, где краскам
Дано грустить и радоваться, нет,—
В глухом лесу, в становье партизанском,
Тот необычный создан был портрет.

Когда над лесом проносились грозы
И гром гремел на языке чужом,
Среди поляны на коре березы
Его разведчик вырезал ножом.

И стало вдруг светло под небом хмурым,
И сразу все поверили — он здесь.
Глядит сквозь чашу точный глаз с прищуром,
И мир пред ним — как на ладони весь...

К нему тянулись тропки по оврагу,
Где шепотком деревья говорят,
Ему спешили принести присягу
Все, кто отныне приходил в отряд.

Что были им фашистские угрозы,
Кто мог их след невидимый найти,
Когда в лесу из-под шатра березы
Сам Ленин им указывал пути!

И час расплаты видел мститель грозный,
Одним его присутствием согрет...
Не зря теперь меж мрамором и бронзой
Поставили в музее тот портрет.

1948

Перец Маркиш

БАРЕЛЬЕФ ЛЕНИНА

Нужны большие ветви эти
Зеленой ели, чтоб могла
Над барельефом простереть их
Крылами вольного орла.

Вся прочность горного гранита
Нужна граниту, чтоб века
Хранил, как до сих пор хранит он,
Труды резца и молотка.

И даль со снежными горами,
И роща над речной дугой
Нужны, чтобы в чудесной раме
Нам видеть образ дорогой.

1948

Анатолий Имерманис

ЛЕНИН В РИГЕ¹

По улицам, где каждая квартира
Косилась окнами нужды и горя,
Он быстро шел, и будущее мира
С ним рядом шло, его походке вторя.

Был мир еще, казалось, неизменен,
И люди о свободе лишь мечтали,
Но, проходя весенней Ригой, Ленин
Уже глядел в сияющие дали.

Навстречу шли по хмурой Цесу-йела
Рабочие, согнув устало плечи,
Формовок пыль в морщинах бронзовела,
И слышались слова латышской речи.

И Ленин всматривался теплым взором
В худые и обветренные лица,
Он видел близящийся бой, в котором
Латыш и русский будут рядом биться.

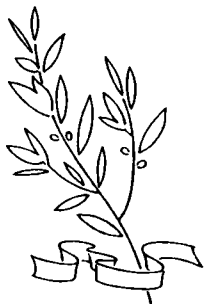
¹ 10 апреля 1900 года Ленин нелегально приезжает в Ригу для встречи с латышскими социал-демократами.

Снег таял... Мчались ручейки вдоль зданий,
Звонящими капелями облитых.

И думал он о будущем восстании,
Что загрохочет и на этих плитах!

Он прозревал огромные высоты,
Подъем к которым — счастье человека...
Летел над Ригой год девятисотый —
Канун коммунистического века.

1948

Александр Твардовский

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слышали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,—
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном доме.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок

С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с боя берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

2

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища.— Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

А может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Уже пол-Европы идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.

Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

3

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы.

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожика
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была,

Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.

Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.

И что при нужде неминуемой,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такую заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.

И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

Эдуардас Межелайтис

ОГОНЕК

От неправды мир задохся.
Но средь горя и тревог
В сердце Ленина зажегся
Жаркой правды огонек.
Вот лесами и полями
Искры ветром понесло,
Охватило мигом пламя
И столицу и село,
По казармам покатилося,
Появилось в шалаше,
Петушками задымилось
В каждой пламенной душе,—
Так сияет над вселенной,
Сердцем ленинским высок,
Негасимый и нетленный
Жаркой правды уголек.

1947—1949

Назар Наджми

ПЕРВЫЙ УРОК

*Учителю моему
Гарифу Зайнашеву*

— Кто этот человек? — негромко
Спросил ты, глянув на портрет.
— Ильич, — сказал я. Это первый
Был мой урок и мой ответ.

И вот мое умчалось детство,
И юность светлая прошла,
И день за днем передо мною
Ложились книги без числа.

Учась, я постигал природу,
Я познавал сердца людей.
И вот глаза мои открылись —
Цель жизни понял я моей.

И в тот же класс опять, волнуясь,
Вошел я через много лет.
Как в детстве — то был снова первый
И мой урок, и мой ответ.

Мне вспомнилось, как мальчуганом
Я в класс открыл впервые дверь.

И в детских любопытных взглядах
Себя увидел я теперь.

Когда ж на лица мальчуганов
Упала тень войны, и я,
В сыром окопе лежа, понял,
Что юность кончилась моя;

Когда грозила смерть, и смерти
Сказал я: — Не отступим! Нет! —
То был опять урок мой первый,
Опять был первый мой ответ.

Наш век величествен, прекрасен
Своим движением вперед,
И с каждой новой задачей
Урок нам первый жизнь дает.

1949

Аркадий Кулешов

ЖИВОЙ ЛЕНИН

Когда прощальный марш звучал в Колонном зале
И по Москве костры горели в зимней мгле,
Над Ильичем, скорбя, знамена мы склоняли,
Но не желали мы отдать его земле.

Не веря в смерть его, сошлись мы в час суровый,
Посланцы городов, станиц, аулов, сел.
Над ним, как над живым, звучало наше слово:
«Спи, дорогой Ильич, спи, горный наш орел!»

Мы не позволили безжалостной могиле
Забрать его во тьму, туда, где солнца нет.
И мы гранитный дом в Москве ему сложили,
Бесстрашному орлу, на сотни долгих лет.

Любил он высоту — с вершины цель виднее, —
Стоит гранитный дом у вечных стен Кремля,
На Красной площади, храним страну всю, —
Отсюда, как с горы, вся на виду земля.

Любил он моря шум, любил он на просторе
В бушующую даль заглядывать вперед.
На площади он спит, которая, как море,
Волнуется, шумит в дни празднеств каждый год.

И, в дом к нему идя бескрайней чередою,
Обвили мы его не траурной каймой,—
Мы опоясали его живой рекою,
Навек ему сплели живой венок людской.

Нет! Понапрасну, смерть, зловеще, дни и ночи,
Стояла ты над ним, больного стерегла.
Ты в тот январский день ему закрыла очи,
Но ты засыпать их землю не смогла.

Ты не властна над ним, как не властна над теми,
Кого он посылал на грозные фронты!
Смеялись над тобой бойцы, идя сквозь темень,
Хоть их у Сиваша свинцом косила ты.

Ты не имеешь прав на них, как не имела, —
Имеет только жизнь — одна — права на них.
А что сказать о нем, чье праведное дело
Миллионы за собой ведет солдат таких!

Спокойно Ленин спит. На страже — часовые.
Течет из года в год к нему поток людской...
И счет годам ведут куранты вековые,
Которые завел он собственной рукой.

Земля не давит грудь, свет негасимо льется.
Он не в глуши лежит, ветвями осенен,—
Он на вершине спит, что площадью зовется,
Он в центре мира спит среди родных знамен.

...Все ярче, что ни год, огни ракет взметенных,
Все громче, что ни год, над ним гремит салют.
Все чаще войны к ногам его кладут
Капитализма

черные
знамена.

Георгий Леонидзе

ТОК ВКЛЮЧЕН

Лебедя золотого, вылетевшего из Йори,
Ждет народ затаив дыханье.
Лебедь зажжет над полями новые зори,
И на деревню накинёт он золотые ткани.

И о деревне старой вспомнил я на мгновенье,
Будто бы снова увидел лик ее заскорузный
под волосами седыми,

В копоты, в саже и в дыме
Вспомнил я зимний вечер.
Веретено кружилось у очага в полумраке,
Нить бесконечная длилась,
Мать в полумраке трудилась,
Бабушка низко склонилась...

Таял свечной огарок
Перед иконою черной,
Ночь навалилась на горы,
Грузию взявши за горло.

Эй, где вы, люди, чье сердце
Радостью не озарялось.
Вы, в чью плетеную обувь
Черная пыль набивалась?

Как бы очей вы своих ни кололи,
Как бы сердце вы своих ни терзали —
Света вы тщетно искали,
Света вы не видали.
Солнце от вас сокрылось,
Солнце не отыскалось!
Помню я вашу усталость,
Кожа у вас покрывалась
Тягостными морщинами...
Не разогнать было мрака
Пастушескими хворостинами!
Час ваш настал! Удлините
Пряжи блестящие нити,
Матери, бабушки, тетки!
Вспомни, пахарь, давно ли
Ты сохой ковырял свое поле.

Видишь ты это поле?
Пóтом его ты полил!
Вспомни старое горе...

Вылетевшего из Йори
Лебедя золотого
Встретит народ сегодня.
К встрече деревня готова.

Цветом кизилово-желтым —
Будто бы это золото —
Нынче село озарит.
Кто там на столб садится?
Розовая птица!

Это она рассекает
Крыльями дно ночное;
Блещет, сияет жар-птица,

В сумраке золотится
Яркое, полное зноя
Око
Электротока!
— Эй, сторонитесь, тучи, —
Я вам не лунный лучик!

— Ты озари мне очи,
Луч, как у солнца, блестящий! —
Так воззвала из ночи
Деревни темная чаша.
— Ты сверкай, огнекрылая птица,
Ночь выжигай до дна.
Станет ночь, как цветок нарцисса, —
Розовой станет она.
Радуйтесь! Вековая рассеяна тьма.
Мы приветствуем свет,
Озаривший дома! —

Ток включен, детей поздравляет мать,
Председатель целует секретаря,
Улыбаются комсомольцы,
Радуются старики,
Девушкам хочется танцевать.
— Вспашут весь мир трактористы наши!
— Целые горы намелем муки!
Солнцем Ленина преображенное,
Озарилось лицо села...
Сколько света! Сколько тепла!

Эта ночь весела,
Эта ночь горяча.
Светлый путь,
Ясный путь,
Это — путь Ильича!

.....

Вижу рождение света,
Вижу победу солнца.
Прибыло силы у солнца —
Знает народ про это,
Голос народа несется:

— Свет труда и братства —
Слава! Ясные очи солнца
В нашем труде загорятся!

Гулом волн оглашают окрестность
Горные водопады,
И сияет улыбка отчизны:
То сиянье — за труд награда!

1949

Педер Хузангай

У МАВЗОЛЕЯ

В сердцах навеки сохраняются
В простой и строгой красоте
У всех людей, народов, наций
Пять букв на траурной плите.

И как призыв и вдохновенье
Для всех пяти частей Земли,
Пять букв слилися в слово «Ленин»,
С которым в завтра мы вошли.

Оно дало бойцам бесстрашие,
Вело под красною звездой,
С ним побеждала правда наша,
Наш мир рождался молодой.

И несся громкий клич свободы
От башен древнего Кремля:
«Вставайте на борьбу, народы!
Вставай на подвиги, Земля!»

... Знакомое, родное имя
Ты издали еще прочел,
И молча, следом за другими,
В раздумье в Мавзолей вошел.

И кажется тебе: как будто,
Великий не закончив путь,
Не навсегда, а на минуту
Прилег Учитель отдохнуть.

1949

Георгий Леонидзе

ЛЕНИН В ГРУЗИИ

Это — сельский учитель, юноша,
И в глазах у него вдохновение.
Книжный шкаф он открывает вечером,
Погружается в размышления.

Книгу Ленина он перелистывает,
Словно с садом цветущим беседея.
— Вот он — судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

Сердце отдал он миллионам сердец.
Наш он! Ближе он всякого близкого,
Но обидно мне: не бывал Ильич
Здесь, в гостях у народа грузинского!

Очень грустно, что Ленин не был здесь.
Здесь он, в Грузии, не был ни разу ведь!
Жаль, что в нашем селе очевидца нет,
Чтоб о Ленине мог нам рассказывать!

Жаль! Не пробовал он хлеба нашего,
Не был встречен он песнями нашими,

И его за столами нашими
Не встречали заздравными чашами.

Сторож Каха учителя слушает.
— Что такое? Не видели Ленина?
Кто ж поверит в нашем селении,
Что не видела Грузия Ленина?

Я-то видел его! Очевидец я!
Здесь мы голос ленинский слушали!
Разве не был он в каждой хижине
В дни, когда мы бывшее рушили?

Знал меня он! Клянусь я Лениным,
Наизусть он знал жизнь батрацкую.
Протянул он мне с алого знамени
Руку друга с улыбкою братскою!

Улыбнулся учитель-юноша.
— Это верные рассуждения!
Каха, Каха! Сказал ты правильно! —
И читает он книгу Ленина.

Он читает, как будто не с буквами,
А с цветущим садом беседа.
— Вот он — судьбы народа видящий!
Вот он — нас одаривший победою!

1949

Ярослав Смеляков

ЛЕНИН

Мне кажется, что я не в зале,
а, годы и стены пройдя,
стою на Финляндском вокзале
и слушаю голос вождя.

Пространство и время нарушив,
мне голос тот в сердце проник,
и прямо на площадь, как в душу,
железный идет броневик.

Отважный, худой, бородатый —
гроза петербургских господ, —
я вместе с окопным солдатом
на Зимний тащу пулемет.

Земля, как осина, дрожала,
когда наш отряд штурмовал.
Нам совесть идти приказала,
нас Ленин на это послал.

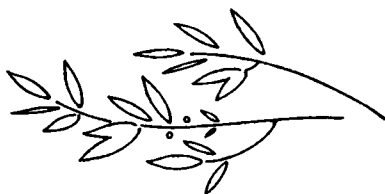
Знамена великих сражений,
пожары гражданской войны...
Как смысл человечества, Ленин
стоит на трибуне страны.

Я в грозных рядах растворяюсь,
я ветром победы дышу
и, с митинга в бой отправляясь,
восторженно шапкой машу.

Не в траурном зале музея —
меж тихих московских домов
я руки озябшие грею
у красных январских костров.

Ослепли глаза от мороза,
ослабли от туч снеговых,
и ваши, товарищи, слезы
в глазах застывают моих...

1949

Константин Симонов

НОЧЬ ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ

Умер парень где-то
на земле яванской
В душный и дождливый
зимний день январский.
Умер, не покайсявшись,
не сказав ни звука,
У стены тюремной
из старого бамбука.
Умер с ясным взглядом,
умер с сердцем чистым,
Умер, как положено
это коммунистам.
А в тюремной камере
в ночь перед расстрелом
Он увидел землю
в оперенье белом;
Белые, как хлопок,
елей вереницы;
Серые, как порох,
от страданья лица.
Он увидел Горки —
русское селенье,

Где в январский снежный
день скончался Ленин.
Парень видел это
сердцем, а не глазом,
Потому что снега
не встречал ни разу,
Никогда не видел,
как качались ели,
Но он знал, что люди
там над гробом пели.
Он не знал по-русски,
по-явански знал он:
Род людской воспрянет
с Интернационалом.
Ленин был всю ночь с ним;
он не знал по-нашему,
По-явански Ленина
он всю ночь расспрашивал.
И когда товарищ
Ленин, все ответив,
Из тюремной камеры
вышел на рассвете,
В кандалах поднявшись
с пола на колени,
На стене он кровью
нацарапал: «Ленин».
Это было зимним
утром, на рассвете,
В камере на Яве,
в ночь перед бессмертьем.
Потому бессмертьем,
что бессмертье это
Есть не только в буквах,
видных всему свету,
У стены кремлевской
перед нами прямо

Врезанных навеки
там в гранит и мрамор,
Но и в этих буквах,
после утра пыток,
На стене бамбуковой,
завтра же замытых.

1949

Гамзат Цадаса

ЛЕНИН

Кто сказал, что Ленина нет?
Слуху ложному вопреки,
Всюду — ленинской мысли свет,
След рабочей его кирки.

Ленин жив, никуда не ушел,
Он — в размахе больших работ.
Как стремящийся ввысь орел,
Он в дерзаньях наших живет.

Большелобая голова
И прищуренный зоркий взгляд.
Огневые его слова
Беспощадно врагов разят.

Весь он — словно в горах река,
Весь — кипение, весь — полет.
Вдаль протянутая рука
Путь указывает, зовет.

Славят Ленина все уста
На наречиях всех широт.
А святая его правота
В миллионах сердец живет.

1949

IV

Ираклий Абашидзе

ЛУЧИ ЛЕНИНСКОГО СВЕТА

Сегодня, через несколько минут,
Йорская вода придет в Самгори,
Посадку лоз колхозники начнут,
Рядами встанут саженцы на взгорье.

Сегодня вмиг йорская волна
Соленые озера обессолит,
Над Сацхениси свет зажжет она
И ночь лучами к бегству приневолит.

Сегодня, через несколько минут,
Сады, как по условному сигналу,

К прохладной влаге радостно прильнут,
Вода в Самгори хлынет по каналу.

И, пробудив бесплодные поля,
Чью почву зноем солнце опалило,
Она ворвется, пенясь и бурля,
В распахнутые двери Диди-Лило.

Сегодня, через несколько минут,
Качнется море около Махаты,
Над котловиной молнии сверкнут
И грянут грома гулкие раскаты.

Тяжелых туч затеплится очаг,
Возникнет дождь, прохладен и отраден,
И капли в электрических лучах
Заблещут наподобье виноградин.

Пронизан электрическим огнем,
Самгорский дождь — как добрая примета,
Светиться будут радугою в нем
Лучи живого ленинского света.

1950

Расул Рза

ЛЕНИН

Полустанки, перегоны,
пестрядь елей и берез...
Обветшалые вагоны
тащит старый паровоз.
А в вагонах тех солдаты из далекой стороны,
в тесноте, да не в обиде, возвращаются с войны.
Возвращаются солдаты
из далекой стороны,
а шинелишки помяты,
щеки впалые бледны.
Те — поют, а эти — спят,
курят или так сидят.
Едкий дым вагон скрипучий пеленою заволок,
и дрожит, как лист осенний,
свечки желтый огонек.
У солдат в руках — винтовки,
тускло светятся штыки.
Говор часто заглушают паровозные гудки.
Свет дрожит, и пляшут тени.
На скамье, усевшись в ряд,
три немолодых солдата меж собою говорят.
И стоит перед окошком Ленин.
Вождь народа Ленин
из краев чужих в Россию возвращается назад¹.

¹ 2 апреля 1917 года Ленин выезжает из Торнео в Петроград.

Говорит один солдат:
— Мы и пашем, мы и сеем,
мы и жнем, и слезы льем.
Ну, а сами чем владеем?
Что имеем? Как живем?
Воду пьем, едим мякину,
спину гнем пред кулаком,
под помещиком живем.
Чем владеем? А вот этим
закопченным котелком
да винтовкой со штыком.

— Хватит,— говорит другой,—
за буржуя воевать
да помещику на радость
кровь на фронте проливать!
Сколько смертью храбрых пало,
сколько без вести пропало,
сколько бомбами земли на войне перепахало!..
Поглядишь на землю там —
слезы льются по щекам.
А правительству все мало...
Я, товарищ дорогой,
до отвала сыт войной.

Третий молвит: — По весне
добрый плуг бы в руки мне!
Мне бы в поле потрудиться.
И прощай, тоска-печаль!
Хороша у нас земляца,
да не наша — вот что жаль...—
И солдаты понемножку
приутихли все подряд...
Эти спят, а те сидят —
ничего не говорят.
Закурил тут козью ножку
и запел один солдат.

И звучала в песне этой беспредельная тоска;
словно птица, песня билась,
замирала, нарастала,
затихала, набегала,
трепетала, замирала,
расходилась и катилась,
как широкая река.

А как начал запевала —
хор согласный, полный сил,
эту песню подхватил.

«Вы, зеленые, широкие поля!

Земля-матушка, родная мать-земля!

Ты прощай, мать-земля, воевать иду.

Не ходил бы воевать, да велят идти.

Сила-то моя, да воля не моя.

Руки-то мои, да соха не моя,

а моя соха — земля не моя.

Не родная ты мне мать, а мачеха ты,

а была бы матерью — расступилась бы,

схоронила бы меня, сынка сберегла...

Ты прощай, Россия-мать, родная земля!..

Скоро ли увидимся, дальние поля!»

Не отводит Ленин глаз

от суровых лиц солдат,

песню слушает, а песня,

отзвучав, оборвалась,

позади осталась где-то:

в тех просторах необъятных,

в тех стремглав бегущих пятнах

вечереющего света, —

затерялась, унеслась...

В этой песне Ленин слышал

по земле тоску. Она

в песнях Волги и Сибири

с давних пор заключена.

Он встречал ее повсюду,

где бы к трудовому люду

сердцем он ни припадал.

Песня кончилась. Он встал,
подошел к фронтовикам
и спрашивать их стал:
каково им воевалось,
каково им было там,
где в сырой земле осталось
столько братьев их — солдат?
Каковы их офицеры?
Что на фронте о Советах,
о свободе говорят?
И тогда солдат один
из нагрудного кармана
вынимает ключ дверной:
— Поглядите, гражданин,
вот уже четыре года
я ношу его с собой;
вы скажите, гражданин,
кто же, кто повинен в том,
что уже четыре года
заперт на замок мой дом? —
И торопятся колеса, и бегут, бегут, стуча,
и одна в углу вагона, трепеща, горит свеча.
Просыпаются солдаты, обступают Ильича,
отвечают на вопросы и вопросы задают —
с незнакомым человеком задушевную беседу,
как с товарищем, ведут.
Ночь прошла, уже светает,
и уже, в вагон смотря,
разгорается, мелькает
за деревьями заря,
и уже на небосводе
ярко-красный луч горит...
О земле и о свободе
незнакомец говорит:
— Ни рабочим, ни крестьянам,
ни солдатам не нужна
эта тяжкая война.

Власть богатых не нужна нам,
воли требует страна.
Жизнь под гнетом — горше смерти,
как поддашься — пропадешь.
А эсерам вы не верьте:
все их обещанья — ложь.
Вы покончили с царями,
да помещики над вами.
Чем они сильны? Землей.
Нужно их с земли — долой!
Достоянием народа
скоро станет вся земля,
и богатые подарки
принесет ему природа,
жажду счастья утоля;
и не может быть иначе, —
поведет Россию нашу
власть рабочих и крестьян,
и светлей ее, и краше,
и сильнее, и богаче
не найдется в мире стран.

У солдат светлеют лица
и в глазах рассвет лучится,
блещет неба глубина.
Близко русская граница
и родная сторона,
и бегут назад перроны,
перелески, перегоны,
и врывается в вагоны
беспокойная весна.

1950

Михаил Луконин

ЛЕНИН

1

В открытый букварь
я глядел не дыша
на рисунок,
который любил.
Романтике жизни
меня учил
Ленин у шалаша.
В юности
ленинской чистотой
я вызван и вдаль и ввысь.
Ленин меня наделил мечтой,
Ленин сказал: «Учись!»
Мы формулу поколений
помнили, как закон:
быть такими, как Ленин,
бороться и жить,
как он!
В твердую память
жизни моей
навсегда внесены —
ели синие у стены,
ступенчатый Мавзолей.

В каждое дело мое, навек
в сердце вошел живой,
чуть улыбающийся человек
с величавою головой.

2

Еще пушистого покрывала
нет и следа.

В Зимней канавке

заночевала

летняя вода.

Угол Невского и Садовой —
первый удар свинца.

Ленинским обжигающим словом
заряжены сердца.

Зимний

нашими взят штыками,

трясутся временщики.

Плещется первое наше знамя
у матросской щеки.

Смольный.

Комната восемнадцать.

Всю ночь Ильичу
над картою боевой склоняться
с друзьями —

плечом к плечу.

Бегают часовые стрелки
от минут до веков,
от первой уличной перестрелки
до наступленья полков.

По Ленинграду плывут знамена.
Песни свободы взвей!

Родина,

называй поименно

своих сыновей;

мы бессмертны,
и мир наш молод,
нам здание счастья класть.
Накрепко спаяны
серп и молот.
Здравствуй,
Советская власть!
Красная площадь,
ветер продольный,
в песнях Москва.
Смольный синий,
зеленый Зимний,
голубая Нева.
К коммунизму проносит знамя
советский народ.
Ленинское наследство —
с нами —
свобода из рода в род!..

3

Красная площадь,
который час
жизни моей сейчас?..

Утро встречает отчизна.
В работах ее сыны.
Заревом коммунизма
лица озарены.
Дымкой морозной вспенен,
рассвет начинает путь.

Встал бы
товарищ Ленин
на это утро взглянуть!

Ходит, как разводящий,
утренний почтальон.
Звякнул почтовый ящик.
Радостен этот звон.
«Правда» на свет явилась
и шествует по земле.
Она
 в этот час
 раскрылась
у каждого на столе..
Если бы Ленин видел
величие этих дней!..

Но Ленин наш
 день предвидел
взором своих идей.
Предвидел он
 это утро
и завтрашний день работ.
Спокойно глядел и мудро
в этот далекий год.
Руку —
 в карман жилетки,
прищуриваясь слегка,
глядел он
 сквозь пятилетки
на будущие века..
Он знал наперед столетье,
он
 в коммунизме жил,
когда,
 уходя в бессмертье,
веки свои смежил.

Красная площадь,
который час
жизни моей сейчас?..

Победы шумят над нами,
работы гудят с утра,
нашей свободы знамя
веселые мчат ветра.
Идем мы
 за партией следом,
нам путь указал на века
Ленин —
 с трибуны съезда,
Ленин —
 с броневика.
Ленин —
 в планах наших работ,
в солнце наших побед.
Путь освещает из года в год
ленинский ясный свет.

1947—1950

Самед Вургун

ЧИТАЯ ЛЕНИНА

Поэма

1

Немало разных книг на белом свете:
Есть клеветницы и уродцы есть,
Язвят и жалят, расставляют сети,
Поют отравой, если их прочесть.

Немало книг, вопящих, как кликуши,
Слепящих взор и сеющих раздор.
Так Ницше отравлял живые души,
Так Гитлер бормотал зловещий вздор.

Иная книга благо возвещает,
Иная проповедует добро,
И кажется, весь мир она вмещает,—
Но всё в ней, кроме автора, старо.

Иная в нашу память, словно гвозди,
Вколачивает тщетные слова.
Но не читайте этой книги, бросьте!
Она — как лед, она мертвым-мертва.

Но есть на свете книга, от которой
Всё мирозданье звездами горит.
Она полна весеннего простора.
Она о счастье людям говорит.

И эта книга, лучшая на свете,
 Здесь предо мной раскрыта на столе.
 Она не сказка, чтоб читали дети.
 Она прошла в знаменах по земле.

Она тонка, но праведный удар свой
 Обрушила на грузные тома.
 Читай на переплете: «Государство
 И Революция». Она сама!

Попробуй, не переводя дыханья,
 Прочешь ее. Нельзя. Остановись!
 Тут ленинского гения сверканье,
 Тут откровенья ленинского высь.

Рожденный революцией, он снова
 Ее рождает в грозной книге той.
 Нет отступленья. Нет пути иного.
 Расчет проверен в каждой запятой.

Летят слова, нацеленные метко.
 Их звездная дорога далека.
 Такие книги создаются редко.
 И жить им не мгновенье, а века.

Любая скобка в тексте — как блокада.
 Любая точка — пуля по врагу.
 Так нарастает в книге напряженье...
 И я налюбоваться не могу

Вот этой книгой, лучшею на свете,
 Здесь, на столе, раскрытой предо мной.
 Она не сказка, чтоб читали дети.
 Она — итог всей мудрости земной.

И прошлых лет возникла непогода.
Без прошлого — и будущего нет.
Встает сентябрь семнадцатого года,
Начало всех событий и побед.

3

Нелегкий час! Десятки лжеученых
Клеветуют, лгут, грозят исподтишка.
Их слишком много, в званья облеченных.
Работа их уныла и тяжка.

Вожди, вчера кричавшие о мести,
Боятся света, избегают битв.
Меж тем с фронтов идут дурные вести,
Россия голодает и скорбит.

И в той ночи, промозглой, неприглядной,
Лежит земля в крови, в огне, в дыму.
И хищничает банда беспощадно
В наследье Маркса, как в своем дому.

Вот Каутский, истолкователь хилый,
Вот Шейдеман, еще какой-то «ман»...
Что ж! Великан не встанет из могилы,
Не привлечет к ответу за обман.

И что ни шаг — измена зреет снова.
И стены лжи всё выше и мертвей.
В ходу не смысл, не истина, а слово
У этих буквоедов и червей.

Нет, господа! Маркс не бездетен. Голос
Грядущего не будет заглушен.
Недаром человечество боролось!
Спор о грядущем — Лениным решен.

Всё чаще толки, всё упорней,
 Что болен старый грешный мир,
 Что червь незримый точит корни
 Его чертогов и квартир.

Обрюзгший и обросший жиром,
 Давно не дерзок и не бодр,
 Хоть и наскучив грешным миром,
 Не хочет лечь на смертный одр.

Он ждет кончины, еле дышит,
 Но тускло теплится тоска,
 Но волчья пасть отравой пышет,
 Сверкают лютых два клыка.

Уже крыло над ним простерла
 Смерть, и поют «за упокой»,—
 А он готов схватить за горло
 Костлявой, дряблою рукой.

А он, подобно старой шлюхе,
 Еще румянится слегка,
 Пускает всяческие слухи
 И подкупает простака.

Иль назовется братом честным,
 Доверчивостью поразит,
 И где-то в закоулке тесном
 Нам в спину острый нож вонзит.

Набиты тюрьмы до отказа.
 Звенят в Сибири кандалы.
 И от Камчатки до Кавказа
 Законы беспощадно злы.

Законы злы. Сердца — как камень.
Казенных деспотов не счесть.
Во мглу, в зловонье черных ямин
Забиты разум, совесть, честь.

Но революция не шутит.
Ее работа нелегка.
Она без промедленья судит,
И каждый час ее — века!

5

Проснулся пролетариат
Среди громов и молний.
Знамена красные горят,
Все площади наполнив.

Здесь воля каждого борца
Способна сдвинуть горы,
Пусть в окна Зимнего дворца
Ударит залп «Авроры»!

Но Ленин сквозь огонь и дым
Зовет борцов свободы.
Дыханьем жарким, молодым
Разбужены заводы.

Он говорит: «Борьба тяжка.
К оружию, к наступленью!
Сегодня каждый час — века!» —
Так призывает Ленин.

6

Так на глазах менялась карта мира.
Так правый гнев трубил во все рога.
Так сила жизни насмерть разгромила,
Загнала насмерть лютого врага.

А в книге не дописана страница,
Не довершен могучий взлет ума.
Так рукопись для нас и сохранится,—
Допишет революция сама!

Так Ленин подводил итог. Такая
Уверенность наполнила его.
Так встал он, глаз горящих не смыкая,
Над колыбелью дела своего.

7

Огромный мир открылся предо мною.
Здесь правда торжествует и царит.
Здесь творчество реальное, земное
Меня восторгом каждый день дарит.

Здесь каждая минута сто́ит ве́ка.
Мой первенец, любимый мой сынок,
Здесь вырастет в борца и человека,
Который на земле не одинок.

На всей земле, как под отцовским кровом,
Он вольно и счастливо проживет.
Приветом дружелюбным, добрым словом
Его борец за правду призовет.

Один закон здесь царствует великий:
Честь человеку, честь его делам!
А старые законы, как мотыги,
Отправлены в музейный пыльный хлам.

Не будет завтра крепостей и тюрем.
Свободный, сильный, зоркий человек
Диктует волю молниям и бурям,
Меняет мир, ломает русла рек.

И в час зари, и ночью многозвездной
На страже правды бьются все сердца.
И с дисциплиной, точной и железной,
Слилась отвага каждого борца.

И в первых главах этого рассказа,
Друзья, прочтем мы наши имена!
Собирает чай иль хлопок дочь Кавказа —
Но борется за коммунизм она.

Нефтяник из Баку, шахтер Донбасса,
Ведя работу славную свою,
Стоят на вахте завтрашнего часа —
Как коммунисты, как бойцы в строю.

Не из каких-то выдумок чудесных, —
Из кирпичей, из струганых досок
Милыоны рук, мозолистых и честных,
Построят дом, и будет он высок.

8

Всё ближе Коммунизм! Он перед нами.
Не за горами где-то вдалеке...
Идет борьба за правду во Вьетнаме,
На азиатском всем материке!

На улицах Парижа иль Каира
Его дыханьем демонстрант согрет.
Дочь Индии, прядильщица Кашмира,
Хранит в лачуге ленинский портрет.

Всё ближе Коммунизм! Подходят сроки.
Что Ленин нам предсказывал — сбылось!
Зачем, зачем пишу я эти строки!
Зачем мне быть бойцом не довелось!

Нет! Неуместно это сожаленье!
Разит, как пуля, быстрая строка.
Нет для нее границ, нет отдаленья.
Она находит цель издалека.

Мой брат Амаду, бразильянец смелый!
Через океан мне руку протяни,
Чтоб наша песня общая гремела
В торжественные, боевые дни!

Пусть, над стеной тюремной вырастая,
Назым Хикмет возвысит голос свой!
Пусть Эми Сяо, брат мой из Китая,
Сражается в бригаде боевой!

Пусть римский друг, и пражский,
и московский —
Поэты мира — строятся в ряды!
Наш командарм — Владимир Маяковский.
Так будем же отважны и тверды!

Вперед, друзья, сложить нам песню надо,
Чтоб тяжелее многих тысяч тонн
По всей земле гремела канонадой, —
Пускай ее услышит Вашингтон!

Чтобы звучала приговором смертным
Для черных поджигателей войны!
Чтоб ритмом вдохновенным и безмерным
Мы были дальним правнукам слышны!

Вперед, поэты! Сильными руками
Раздвинем шире занавес времен!
В грядущее войдем большевиками
Под славной сенью ленинских знамен!

Март 1950

Шараф Мюдаррис

НАШ ЗЕМЛЯК

Родной аул старинный
«Каракитэ» зовут,
И в нем семьей единой
Мои друзья живут.

В нем залетевший с Волги
Гуляет ветерок,
Аул стоит на горке
В скрещении дорог.

Века дышал с Симбирском
Он воздухом одним —
Аул в соседстве близком
С Ульяновском самим.

Мы рады. В целом свете
Счастливей доли нет:
Известен всей планете
Ульяновск — наш сосед!

Радушье отличало
Каракитэ-село,
Здесь русского встречало
Сердечное тепло.

И, школы объезжая,
Отец вождя не раз —
Я по рассказам знаю! —
В селе гостил у нас.

Не раз дождливым летом
У нас он ночевал,
С моим, быть может, дедом
Не раз он чай пивал.

Живем мы за Симбирском,
Наш край лесист, суров...
На тарантасе низком
Он ехал среди лесов.

И в тишине окрестной,
Среди сел, ушедших в сон,
Татарской грустной песней
Заслушивался он.

И думал он среди ночи:
«Где ты, Володя мой?
Еще три дня, сыночек,
И я вернусь домой».

Прямая до Симбирска
Дорога в гору шла...
Ильич родился близко
От нашего села.

Знакомые селенья —
Богдашкино, Алгаш...
Мы все гордимся: Ленин —
Земляк великий наш!

Григол Абашидзе

ЛЕНИН В САМГОРИ

Светится в памяти первая встреча
На побережье далекой поры.
Я увидал из долины двуречья —
Ленин стоит над плотиной Куры.

Жизненным светом наполнен до края,
На пьедестале, на свежем ветру,
Сильную руку к реке простирая,
Ленин великий глядит на Куру.

И от Загэса над Грузией круто
Свет заревой поднимается ввысь.
В сердце моем навсегда в ту минуту
Ленин и свет воедино слились.

Светится встреча далекая эта,
Память о ней до сих пор горяча, —
Стал для меня воплощением света
Облик любимого мной Ильича.

Я проходил над бурливым Рионом
И на Храмгэсе боролся с волной, —
Ленин повсюду в краю озаренном
В образе света вставал предо мной.

И на Самгорской изрытой равнине,
Там, где слагаю я песню свою,
Ленин великий мне видится ныне,
Облик немеркнувший вновь узнаю.

Снова Ильич заревыми лучами
Нас озаряет в родной стороне,
Крылья растут у меня за плечами,
Дальняя даль открывается мне.

Слышу листву на Самгорском просторе,
Вижу мечтой, как у самой волны
Ленин великий стоит над Иори,
Волны Иори покорства полны.

Чудится мне, что Ильич с пьедестала
Светлой Иори приказ отдает,
Чтобы она по степи разметала
Сонмы лучей, устремленных в полет.

Скоро прольется в безбрежье степное
Этот лучистый поток проливной.
Ленин родной над иорской волною
В образе света встает предо мной.

1950

Александр Безыменский

КРЕМЛЬ. 1918

Отрывки из поэмы

1

Россия. Москва. Тишина кабинета.
Апрельская ночь. Восемнадцатый год.
Ложится полоска неяркого света
На пальцы, на стол, на открытый блокнот,
На грудку конспектов, на книг переплеты,
На ручку, что рядом с конвертом легла,
На только что вырванный листик блокнота,
Придвинутый к самому краю стола.

Апрельская ночь. Половина второго.
Рука неподвижна. Бумага чиста.
Еще не видать ни единого слова
На узенькой белой полоске листа,
Но время давно затаило дыханье
И ждет появления первой строки,
Как солнца — земля, как солдат — приказанья,
Как пахаря — пашни, как тока — станки.

Без четверти три. Без чего-то четыре.
Белеет бумага на глади сукна.
Неистовый ветер безумствует в мире,
А в комнату эту вошла тишина,
Овеяв теплом негустые потемки,

И светлый паркет, и лепной потолок,
И кресло со спинкой из тонкой соломки,
И вытертый войлок, лежащий у ног.

Все шумы и шорохи чувствуя чутко,
Стоит тишина в карауле вон там,
У запертой двери, скрывающей будку,
Где провод прямой к городам и фронтам.
А в будке молчанье. Молчанье такое,
Как будто весь мир тишина обняла!
И значит, ничто не мешает покою
Того, кто в раздумье сидит у стола.

Но вот он встает. Он шагает, сутулясь,
Рассеянно трогает взлетом руки
Тяжелые книги, высокие стулья,
Раскидистой пальмы тугие ростки.

Он медленно ходит в тиши кабинета
От кафельной печки до карты стенной.
Вот пальцы его за бортами жилета,
Вот скрещены руки его за спиной.

Он замер у карты. Минута. Другая.
Пятнадцать минут. Двадцать пять. Полчаса.

Стоит он и смотрит, почти не мигая,
На пашни, деревни, заводы, леса,
И времени мнится, что солнце искрится
Во взоре, в котором слились до конца
И сила титана, и мудрость провидца,
И страсть человека, и воля бойца.
Вот стрелы на карте. Прямые. Косые.
Разруха. Фронты. Всенародный поход...

Россия! Россия! Россия! Россия!
Апрельская ночь.
Восемнадцатый год...

Итак, кольцо. А в нем она, Россия,
 Земной судьбы опора и броня.
 А люди в ней — пока полубосые.
 А в ней паек — восьмушка на два дня.
 Не стало дров. На санки и подводы
 Расчет плохой. С дорогами — беда.
 Едва дыша, работают заводы.
 Едва плетясь, уходят поезда.
 В квартирах спали, платья не снимая.
 Был холод лют, а печки так малы!
 Пошли в огонь заборы и сараи.
 Попали в печь диваны и столы.
 Свирип сыпняк. Пусты любые склады.
 Война за хлеб остра, как никогда.
 По всей стране кулацкая блокада
 Вторым кольцом зажала города.
 Не разберешь, увидя фронт звериный,
 Кто в нем подлец: разруха иль войска,
 Вудро Вильсон, иль Сухаревский рынок,
 Иль саботаж чиновного мирка.
 Да, грозен враг. Но правде, не робея,
 Глядят в глаза, чтоб выбрать путь в борьбе.
 Ведь нет врага опасней и страшнее,
 Чем слово лжи народу и себе!
 А путь один: поднять массив народа,
 Его учить хозяйствовать в стране,
 Вести учет, налаживать заводы,
 Работать так, чтоб все давать втройне.
 Страна теперь — Советская Россия,
 Где правят люди плуга и станка.
 А с нею в жизнь
 пришла такая сила,
 Какой вовек не ведали века...

Он снова шагает в тиши кабинета
 То к печке остывшей, то к карте стенной.
 Вот пальцы его за бортами жилета.
 Вот скрещены руки его за спиной.
 Прищурясь, встречает он ласковым взглядом
 Вплывающий в окна веселый рассвет.
 Он долго стоит с этажеркою рядом
 И смотрит на Маркса — на светлый портрет.
 Как будто бы что-то сказавши портрету,
 Он медленно-медленно руку свою
 Кладет на тома совнаркомских декретов,
 Декретов победы, добытой в бою.

Вспомнились комнатки дома в Симбирске,
 Комнаты в Шушенском, в Лондоне, Берне,
 Зори парижские, холод сибирский,
 Тюрьмы и веси российских губерний.
 Вспомнились дни, и рассветы, и ночи
 Лет, вдохновенных могучим стремленьем
 Выковать партию рати рабочей,
 Двинуть рабочую рать в наступленье.

Вспомнился первый кружок в Петербурге,
 Годы борьбы и упрямой заботы,
 Чтоб металлисты, ткачи, металлурги
 В партии стали ядром и оплотом,
 Чтоб — как вожатый заводов и пашен —
 Каждый партиец был в цели уверен,
 Стоек, надежен, упорен, бесстрашен,
 Узнан, испытан, стократно проверен.
 День ото дня, человек к человеку
 Собрана партия, спаяна делом.

В славные битвы двадцатого века
Шла эта партия твердо и смело
И пронесла сквозь грозу и метели
В тяжелой борьбе, в каждодневной тревоге
Знамя единственно правильной цели
Ширью единственно верной дороги...

1950—1951

Цырен-Базар Бадмаев

КРЕМЛЕВСКИЕ ЧАСЫ

Я знаю — слышит вся Земля,
Когда куранты заиграют.
По башенным часам Кремля
Народы время проверяют.

Они видны с любых высот —
С Карпат, с Монблана и с Памира.
Их четкий непрерывный ход
Зовут сердцебиеньем мира.

Навек — для городов и сел,
Для всех грядущих поколений,
Часы кремлевские завел
Своей рукой великий Ленин!

1951

Михаил Исаковский

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую,
Мужики там все злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь

(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на горах тряпья,
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему,—

И в дни торжества и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо,—
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому, великому делу его.

1940, 1951

Хута Берулава

ЛЕНИНУ

На камне гробовом от века
Две даты ставились всего:
Одна — рождение человека,
Другая дата — смерть его.

Одной-единственной датой
Венчает время жизнь твою, —
Год восемьсот семидесятый
Я прославляю и пою.

Грохочет горным водопадом
Десятилетий череда,
Но встать с твоим рождением рядом
Смерть не посмеет никогда.

1951

Симон Чиковани

ДОМ ЛЕНИНА В ПОРОНИНО

В пути на Татры, возле поворота,
за перелеском, на исходе дня
окликнул дом бревенчатый меня,
и я вошел в открытые ворота.

Здесь Ленин жил,
и вести из России
под этот кров сквозь тысячи преград
с конспиративной почтой приносили
подпольщики,
и Ленин был им рад.
Он у окна просматривал газеты.
Вершины Татр сияли невдали;
дыханьем революции согреты,
здесь до рассвета совеща́нья шли.

Здесь на стекле запечатлелись взоры
глядящего в просторы Ильича.
И эхо слов хранят ревниво горы,
и слышен голос горного ключа.

И ленинскими мыслями до края,
как книжный том, наполнен этот дом;

здесь на меня, горя и не сгорая,
зарницы мыслей падают дождем.

Здесь даже дверь — как родины частица,
открыта для грядущего она,
и слышу я, как о порог стучится
истории тяжелая волна.

Когда весной, прохладной и недолгой,
манили Татры Горного Орла,
скалистыми ущельями с двустволкой
его тропа охотничья вела.

Он затевал с крестьянами беседы
и слушал здесь пастушеский рожок.
Он сеял искры. Он зарю победы
под кровлей дома этого зажег.

Густые тучи шли по окоему,
клубилась мгла над соснами внизу,
и Ленин в Татрах радовался грому,
подставив грудь под вешнюю грозу.

Подобен Волге,
гневно и упорно
сражающейся с засухой земли,
здесь Ленин сеял
мудрых мыслей зерна —
и нивы Польши дружно расцвели.
Ее земля просторна и богата,
ее судьба крылата и светла.
И через двор, где Ленин шел когда-то,
теперь дорога мира пролегла.

В дверь домика история стучится,
и домик этот видится тебе,

как в летописи Партии
страница
о ленинской работе и борьбе.

И не однажды я припомню снова
то, что запомнил сердцем и душой:
в пути на Татры домик небольшой —
свободной Польши прочная основа!

1952—1953

Дебора Вааранди

В СИБИРИ

Всю ночь мело без передышки,
И утром — до чего ж обидно! —
Сбежались на реку мальчишки,
А льда под снегом и не видно.

Конек-то весь — косы обрезаю
Да планка, а какая сила!
Как лихо острое железо
По голубому льду скользило!

И ветер стлался по Сибири
В тот год, теперь уже далекий,
И в пику холоду-задире
У бегунов горели щеки.

Но нынче по колено снег,
Хоть уходи назад, ей-богу...
Постой, друзья, — к нам на подмогу
Идет хороший человек.

Пришельца обступили живо,
Кричат, за полы теребят...
И взрослый в толкотне шумливой
Смеется громче всех ребят.

«Что против нас метель, ребята!
Что нам сугробы — пустяки!
Ведь есть метла и есть лопата,
Расчистим лед — и на коньки...»

И быстро снег сгребают в горку,
И мужичонка с ноготок,
Умело выписав восьмерку,
Уже открыл речной каток.

Другие, вставши на колени,
Дорожку хвоей украшают,
И детям помогает Ленин,
Но дети этого не знают.

Он им — Ильич, он — просто дядя...
В него уже вцепился кто-то,
Никак с коньками не поладит,
Вбок разъезжаются — и все тут.

Он думает: «Не сплеховать бы!» —
И тут же падает на лед
И слышит: «Не горюй! До свадьбы
Все непременно заживет».

Другой пристал и нипочем
Отстать не хочет: «Дядь, гляди-ка!» —
И вензель с важностью великой
Выводит перед Ильичем.

Невелика беда, что палец
Торчит из валенка наружу,
Что все одежки обтрепались
И плоховато служат в стужу.

Не он один, никто тут не был
И самым нужным оделен:

Холодный квас, горбушка хлеба —
Вот их вечерний рацион.

Но каждый за день уходился
И вмиг уснул без задних ног,
И каждому в ту ночь приснился
Один и тот же сон — каток.

Шуршала наверху солома,
Метель над крышею неслась...
Но в окнах ленинского дома
Свет керосиновый не гас.

И этот свет на ветки елей
Всю ночь ложился напролет
В краю морозов и метелей
В тот ссыльный, в тот тяжелый год.

А дети спали и не знали,
Что их товарищ по конькам
Не спит всю ночь и к светлой дали
Прокладывает путь векам.

А дети спали и не знали,
Что рядом, в их селе, в Сибири,
Ильич работает, чтоб стали
Счастливыми все дети в мире.

1953

Маргарита Алигер

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

В южном городе был день морозный.
Море поседело в этот день.
Нам прочла учительница грозный,
краткий бюллетень.
Умер Ленин.

Слушали мы стоя,
октябрюта, первый класс.
С новым смыслом, с новой теплотой
отовсюду он смотрел на нас.
Он был нарисован на тетради,
он глядел из наших первых книг,
и в его знакомом, остром взгляде
жизнь не угасала ни на миг.
Со стены,
с портрета в хвойной раме,
замкнутого траурной каймой,
он следил внимательно за нами,
проводил по улицам домой
школьников, мальчишек и девчонок,
октябрют своих, внучат своих,
мимо жалких мелочных лавчонок,
мимо магазинов дорогих.

На витринах — фрукты и конфеты,
шубки и шелка.

А ребята кое-как одеты,
кое-как накормлены пока.

Город южный, город многолюдный
жил и расточительно и скудно.

Кто кого?! Суровые года...

Как ему, должно быть, было трудно
оставлять нас именно тогда!

Всей своей душою человеческой
он тревожился о нас.

Может, потому-то каждый встречный
в этот смутный час

на гурьбу озябших ребятишек
пристальной глядел, шагая тише,
думая о них.

Это были люди трудовые —

рыбаки, ребята портовые,
железнодорожники седые
из Январских мастерских.

Мы им стали ближе и дороже,
а они для нас —

все как есть на Ленина похожи
были в этот час.

Кто — лица характерною лепкой,

кто — улыбкой,

кто — помятой кепкой,

кто — прищуром глаз.

Ленинской заботою горячей,
доброй думой о судьбе ребячьей
нас они старались окружить.

Не умея, видимо, иначе

горе пережить,

не умея первое волнение

скрыть или сдержать,

первое свое стихотворенье

вечером писала я в тетрадь.

Я писала первыми словами,
первый в жизни раз:
«Он не умер. Он живет. Он с нами».

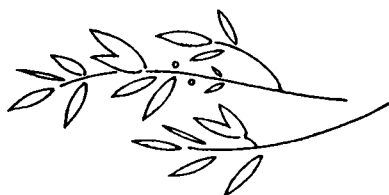
Я наутро с первыми стихами
прибежала в класс
и, робея, с гордостью невольной,
до того как прозвенел звонок,
отдала учительнице школьной
вкривь и вкось исписанный листок.
Поглядела ласково и строго
на меня она из-под очков.
Перед ней уже лежало много
вкривь и вкось исписанных листков,
на которых первыми словами,
так же, как и я,—
«Он не умер. Он живет. Он с нами»,—
написали все мои друзья.

За окном мела и выла вьюга.
Мы сидели, слушая друг друга,
сдержанны, тихи.
Друг за другом мы читали стоя.
Детских строк звучание простое...
Это было больше, чем стихи!

Сколько весен в море убежало,
прошумело гроз, взошло хлебов!
Но точнее не найти, пожалуй,
первых чувств и слов.
Если оглянуться:
как мы жили?
Как мы нашей родине служили,
чувствам тем верны?
Может быть, помедлить нам с ответом?
Может быть, не нам судить об этом?
Может быть, видней со стороны?

А по-моему,
как в раннем детстве,
в дни трудов, и праздников, и бедствий,
и вперед на тысячу годин
первыми горячими словами —
«Он не умер. Он живет. Он с нами» —
вправе мы ответить как один!

1953

Дмитрий Гулиа

О ЛЕНИНЕ

Безмолвно застыли седые вершины,
В ущелии дышит пурга...
Январские ветры пути задушили,
И след на путях отпечатали шины,
И горы одеты в снега.
Под нами — долины в просторах морозных,
Над нами — снежинок летящие звезды...

Сегодня мой внук обратился с вопросом,
Прочтя календарный листок.
(За школьную парту впервые под осень
Он сел, «мужичок с ноготок».)

Уютно забравшись ко мне на колени,
Он просит меня: — Расскажи.
Вот здесь, под портретом, написано «Ле-нин»...
Кем был он? Что делал? Где жил?

— Он был человеком, как все мы, но больше
В глазах у него доброты.
Он был человеком, как все мы, но больше
В нем мудрости и простоты,
Но больше в нем смелости, воли и силы,
Но больше в нем солнечной радости было.
И взором орлиным сквозь годы, сквозь тучи
Он видел всех дальше, он видел всех лучше.

Он с нами трудился, он жил вместе с нами,
И нас научил он мечтать...

И часто с такими, как ты, малышами
Любил в разговоры вступать,
Всегда находя для мальчонки любого
Хорошее, нужное, верное слово.

Сказал он, чтоб строили новые школы
Везде, и у нас среди скал,
Чтоб так же, как город, сияньем веселым
Поселок в горах засверкал.
Всем сердцем желал он, чтоб к нам на вершины
Пришли бы помощники наши — машины.

Он множество знал языков и наречий,
Но лучше всего он постиг
Взволнованный голос сердец человеческих —
Чудесный и трудный язык.
Он всех на земле понимал. Оттого
Трудящийся мир понимает его.

Нам партию Ленин оставил родную —
Все ярче сиянье знамен! —
С народом единую, духом стальную,
Великую сердцем, как он...

И пристально смотрит с недетским волнением
Мой внук в Ильичевы глаза.
— Я буду, как Ленин... Я буду, как Ленин... —
Мальчонка негромко сказал.

Безмолвно застыли седые вершины,
В ущелии дышит пурга...
Январские ветры пути запушили,
И след на путях отпечатали шины,
И горы одеты в снега.
Под нами — долины в просторах морозных,
Над нами — снежинок летящие звезды...

Сергей Смирнов

ЛЕНИНУ

Он стоит уверенно и крепко.
Под ногами сталь броневи́ка,
Не винтовку,
 а простую кепку
Стиснула горячая рука.

Он везде,
Он постоянно рядом,
Исполин с простертою рукой.
Под его родным отцовским взглядом
Стал другим,
 воспрянул род людской!

Скромный, мудрый, небольшого роста,
Он таким безмерно дорог мне,
Не в броню закованный,
 а просто
Человек, стоящий на броне.

1954

Николай Заболоцкий

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет,—

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,

И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

Василий Казин

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

Отрывок из поэмы

Рванулась в радости земля.
Все города ее, поля
Взгляд устремили в Кремль:
Работник,
Хоть он и в древности Кремля,
До новизны большой охотник,
С народом труд всегда деля,
И Ленин вышел на субботник.

Страны главнейшее лицо,
Вождь пролетарской диктатуры,
Он вышел из дому,
Крыльцо,
Весь Кремль, его стены кольцо
Обдав свежей, чем деревцо,
Всей бодростью своей натуры.

Направился он, шагом скор,
В ту сторону, где разговор
И где от «Варшавянки» дико
Успенский съезжился собор,—
Как все, кремлевцы с ранних пор
Шагали с песнями на сбор.

И все — от мала до велика —
В порядке. Лишь один припер,
Так праздник встретивший, что в хор
Не рвался,— не вязал он лыка.

И Ленина из-за него
В досаде из-за одного
Вдруг покорило всего.
Но грянули тут музыканты,
Под гром их труб, под торжество
Пошел он, скор и без того,
Живее марша самого,
Туда, где строились курсанты.

И, к ним спеша, наискосок
Почти весь двор он пересек.
Пред командиром, невысок,
Великий,
Взял под козырек:
«Товарищ командир!
К вам в роту,
К вам на субботник, на работу
В условленный я прибыл срок.
В строй разрешите встать».

Но строг
Устав. И в сильное смущенье
Впал командир.
Как в подчиненье
Вождя поставить?
Высший ранг,
Да штатский.
Думал. И мгновенье
Ползло, тяжелое, как танк.
Но счастья вырвалось волнение:
«Товарищ Ленин!

В подкрепленье
Вы встаньте к нам
На левый фланг».

«Что ж!
И при царском строе правым
Не числился я».
И, лукавым
Заискрившийся огоньком,
В строй звездочек предсовнарком,
В строй гимнастеров, целиком
Поладив с воинским уставом,
Встал в кепке молодцом-бойцом,
Как врос, родной, рабочим, старым
Своим гражданским пиджаком.

И только встал, как в девять ровно
Команда. И туда, к местам,
Где шпалы с досками, где бревна
Уродовали Кремль, как шрам,
Строй с песней тронулся, и сам,
Сам командир запел, но словно
Он скоро звонким голосам
Обрезал песню, вскрикнул там:
«Стой! Вольно!»
И, как с немцем в Ковно,

Пошел в Кремле с разрухой бой.
И Ленин, как мастеровой,
Смешавшись с массою людской,
Бревно вдруг ухватил рукой —
Той самой — ленинской, какой
Писал декреты нам о мире
И о земле. И — ой! —
Все глянули, дивясь, и шире

Царь-колокол разинул рот:
Бревно,
Бревно берет,
Взял на плечо, взвалил он — тот,
Кто тяжестей-то нес уж гору,
Кто Землю, двинув, как «Аврору»,
Повел в иной круговорот,
Кто вот уже не первый год
Груз государства, груз работ
И груз огромнейших забот
Нес на себе, сплотив в опору
Партию, народ.

Царь ссылкой проморил, кутузкой.
В побоищах с такой нагрузкой
И вовсе б не легко
Весть в коммунизм, так далеко,
Да закалил в них, как никто,
Ту стойкость, что в народ наш русский
Века вковали глубоко.

При сокрушительном разгроме
Врагов, при смертном их конце,
При братском чувстве к чукчам, к коми,
Всем гением, во всем объеме,
Россия в Ленине, в борце,
В учителе, в предсовнаркоме,
В характере его, в лице,
Горела на крутом подъеме,
Как вдохновение в творце.

Но, русский с головы до ног,
Он, Ленин, был, как мир, широк.
У Маркса взяв борьбы урок,
Он, как орел высокогорный,
Провидел то сквозь даль дорог,
Что даже и с трубой подзорной
Наш глаз увидеть бы не мог.

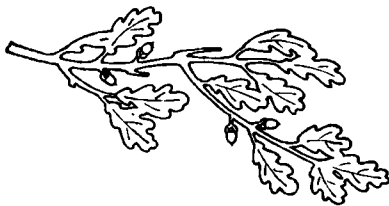
Как солнышка восход высотник
Скорее, чем другой работник,
Увидеть может, так с вершин
Марксистской мысли он один,
Лишь первый прогремел субботник,
Великий усмотрел почин.

Статью, где каждая страница,
Где каждая ее крупица
Бьет высшей мудрости ключом,
Еще, еще раз перечтем,—
И нет, нельзя не подивиться
Всей прозорливости провидца,
Кого, счастливы с ним сродниться,
Мы звали нашим Ильичем.

Ну, не на диво ль до сих пор нам?
Предвидел, как к моторам, к горнам,
Как двинется народ в забой,
Как установленным всем нормам
Он даст такой
Поистине разгромный бой,
Что в век новатором бесспорным
Он вторгнется.
О век ты мой,
Как видел вождь!
Я ни бельмеса
Не смыслил, полон интереса:
Что на коптилку, злее беса
Мне чадом лезшую в нутро,
Смотрел он с фото так хитро?
Сквозь чад коптилок всех остро
Он видел зори ГОЭЛРО,
Он видел солнце Днепрогэса,
Кремля созвездье, блеск метро.

И сам он свет такого рода
Зажег в огромности народа,
Которым и теперь народ,
Как прежде, как живой, ведет
Он в коммунизм,
Где жизнь, свобода
В том совершенстве трудовом
И в том богатстве всенародном,
Что с ним, вождем,
В труде своем
Зачали тем субботним днем,
Тем незабвенным
Днем голодным.

1954

Геворг Эмин

* * *

Двадцать четвертый год. Январь. Зима.
Пурга, свистя, по всей земле мела,
И траурная черная кайма,
Как наша скорбь, знамена обвила.

А он лежал, недвижимый, в гробу,
Великий, незабвенный человек.
Как трепет жизни, свет и тень на лбу...
И шли к нему все люди, чью судьбу
Освободил от горя он навек.

Шли с ним проститься. Сотни тысяч шли.
Отодвигались сроки похорон.
И как похоронить его могли,
Когда к нему все шли, и шли, и шли,
И поезда и день и ночь везли
Людей со всей страны, со всех сторон?..

Отодвигались сроки похорон,
И как похоронить его могли,
Когда все шли потоки толп людских,
Когда идут они со всей Земли,
Неся к нему любовь сердец живых!

И до сих пор конца потоку нет...
И это будет длиться много лет.
Века так будет длиться — не года! —
И похорон не будет никогда.

1954

Вадим Шефнер

* * *

Когда мне было девять лет,
Он умер смертью ранней.
Я не читал еще газет,
Не посещал собраний.

Я от столицы вдалеке
Жил — в Знаменском затоне,
В провинциальном городке,
В уездном детском доме.

Но помню день тот.
 Как набат
Звучат шаги с рассвета,
И в зале сумрачно стоят
Ребята у портрета.

И всё —
 и мир, и дом, и двор, —
Всё глубже, всё иначе...
А в клубе чёрный коленкор
Девчонки режут, плача.

И на душу ложится тень
Невиданной потери,

Как будто снова в этот день
Мы все осиротели.

И чудится — под ветра стон,
Под вьюги голос вдовий,
Не там, не в Горках умер он,
А здесь вот, в нашем доме.

Пусть завтра траурная медь
Взгремит над миром вьюжным,
На цыпочках — чтоб не шуметь —
Ходить сегодня нужно;

Как будто бы исход иной
Еще возможен всё же,
Как будто доброй тишиной
Его вернуть мы можем...

1954

Альгимантас Балтакис

ЛЕНИН В ВИЛЬНЮСЕ

Это знали жандармы: придет он скоро.
Власти мечутся,
Только и слышно: «Схватить!»
Всюду сыщики рыщут, забегала свора,—
Ей приказано: Ленина не упустить...

Как за ним ни гонялись шпики
в исступленье,
Но вернулись с перрона — напрасны труды.
Нет следов — не нашли,
Хоть в местах, где был Ленин,
В землю накрепко врезались эти следы.

Словно врублены в почву,
Их не вытравить ветру,
Не размыть, не развеять летящим годам.
Ведь Литва, не колеблясь,
К свободе и свету
Отыскала дорогу по этим следам.

1954

Юрий Гойда

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

В тонкой, простреленной пулей шинели,
В шапке, овеянной дымом стократ,
К дому над Тисою шел сквозь метели,
Шел из России венгерский солдат.

С ленинской «Правдой» у самого сердца
Шел и устраивал в селах привал.
Люди впускали солдата погреться—
Ленин им правду свою открывал.

И загорались именья пожаром,
Знамя свободы светило во мгле,
И разрасталась легенда недаром:
Ленин идет по венгерской земле.

Был тот солдат возле Тисы расстрелян,—
Станут, мол, тихими села опять,
Но на пожарищах искорки тлели:
Правду враги не могли расстрелять.

Минули годы. Дорогой солдата,
Шедшего к венграм из русской земли,
Звезды свободы пришли за Карпаты,
С ленинской правдой бессмертной пришли.

Весны встречает в строительном гуле
Сбросивший цепи венгерский народ,
Громко ткачиха поет в Дунантуле,
Песню артельную пахарь поет.

Домны зажег Дунарварош веселый
Там, где пожары светили во мгле,
И повторяют свободные села:
«Ленин идет по венгерской земле!»

1955

Расул Гамзатов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИЛЬИЧА

В доме очень простом он родился над Волгой, в апреле.
В эту пору у нас расцветают в долинах цветы,
Возвращаются птицы в лесные свои колыбели
И без снежных папах шелест листьев встречают хребты.
Начинался тот день перекличкой гудков пароходных,
В суете своих дел не заметив, конечно, того,
Как в далеком Симбирске инспектор училищ народных
Поклонился соседям, пришедшим поздравить его.
Было будничным все. От забрезжившей утренней рани
До вечерней звезды, изливавшей мерцающий свет,
Не стреляли из ружей в нагорном моем Дагестане,
Как обычай велит, если мальчик родился на свет.
Рядовой этот день у истока событий, вначале,
Для Ульяновых только — особенным сделался днем.
На семейном совете Владимиром сына назвали,
Но никто в целом мире не ведал пока что о нем.
А вблизи от Симбирска звучали над трактом печальным,
Заглушив бубенцы всех фельдъегерских троек собой,
То мятежная песня, то звон, что зовется кандалным,
Впереди еще битвы и главный, решительный бой.
Были стачки, восстанья. Смыкались ряды поколений.
Жизнь нельзя удержать. Время — всадник в походном
седле.

И на подвиг Октябрьский повел свою родину Ленин,
Чтоб судьбой, а не призраком стал Коммунизм на земле.
Был он мудр и прост, прозорлив и всегда человечен,
Жил заботой и болью еще не окрепшей страны.
Как он дорог нам всем! Неподкупной любовью отмечен
День рожденья его — самый светлый под небом весны.

1955

Александр Яшин

У КАБИНЕТА ИЛЬИЧА

Давно история случилась эта,
А все не меркнет в памяти людской...
У двери ленинского кабинета
Стоял солдат с винтовкой,
часовой.

Стоял с утра, неслышный, неприметный,
Навытяжку,
Прижав ружье к плечу.
Ильич работал.
Коридором светлым
Несли радиogramмы и пакеты;
Знакомые солдату по портретам
Товарищи входили к Ильичу.

Плохие с фронта поступали вести.
Шли ходоки,
И Ленин их встречал
И провожал.
И все на том же месте
Солдат с ружьем навытяжку стоял.

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попрдержал ногой,

Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул, ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

Владимир Луговской

МОСКВА

Отрывки из поэмы

Осенний день был золотист и рыж.
Пылали в небе купола соборов.
Наш Малый Николаевский дворец,
Где я служил в Кремле, был полон света.
А Кремль — корабль из камня — плыл над миром,
Курантным боем говоря с Москвой.
Вдруг позвонили мне:

«Иди скорее!

Приехал Ленин. Выздоровел он.
Он в кабинет вошел... Он в Совнаркоме!»
Какая сила вынесла меня —
Не знаю. Я бежал и задыхался.
В молчанье перед аркой Совнаркома
Толпа стояла, очень небольшая,
Смятенно как-то и сурово глядя
На черный ленинский автомобиль.
Шофер ходил, как звери ходят в клетке, —
Вперед — назад. Опять вперед — назад.
Москва была еще тогда тиха.
Часы на Спасской медленно пробили.
Весь золотой, по старой мостовой
Скользнул шуршащий лист...

И вышел Ленин.

Он вышел медленно, но как бы быстро,
Ссутулясь и немного припадая,
Зажав в руке потрепанную кепку.
Он вежливо ответил нам. Желтел
Огромный лоб болезненно и влажно.
Он всех коснулся взглядом, но глядел
Прищуренными, жгучими глазами
В такую даль, что и сказать нельзя.
На небо посмотрел, на Совнарком,
На стены — вековечный труд народа,
На золотых орлов, тускневших в небе,
На бронзу пушек — след Наполеона,
На самый верх Никольской блеклой башни,
Что сбили мы снарядам в Октябре.
На всё, что мы зовем Кремлем, Москвой.
Россией. Государством. Нашим миром.
Он на секунду обернулся к нам,
Чуть поднял руку, сделал два движенья
Ладонью — вверх и вниз. Да! Вверх и вниз.
Но он глядел на окна Совнаркома,
Те самые,

откуда виден мир.

Шофер, блестящий в ярко-черной коже,
Как смерть осунувшись за полчаса,
Рванул наотмашь дверцу. Взвыл мотор.
В последний раз прошла в окне машины
Отцовская, крутая голова.

Он понимал: последний раз, прощай!
Последний раз — Москва, последний раз —
Вы, окна Совнаркома, и последний
Раз —

караул курсантов у ворот!

И молча, в странной тишине осенней
Мы разошлись, ни слова не сказав
Друг другу.

Так простился Ленин
С тобой, Москва!
Он больше не вернулся?
Нет, он вернулся!..

Горел ночник,
А за окном ты говорил, мой город.
Проснулся я.

И был осенне-рыж
Тот день выздоровленья. И казалось
Мне, что проехал кто-то дорогой,
Больной, но несгибаемый и твердый
В своей святой конечной вере в счастье,
Проехал в старой, латаной машине.

И всё же грозны силы человека,
Неисчерпаемы, бездонны, мерзки,
Чудесны, героичны.

Нет конца
Великим человеческим стремленьям,
И долго в человеке зверь таится.
Здесь ни один философ не сумеет
Найти предел, иль меру, иль объем.
И разве мог себе представить Маркс,
И разве мог уже предвидеть Ленин
Сожженье в полыхающих печах
Мильонов стариков, детей и женщин,
Испепеленье рас, племен, народов?
Кто, проносясь по Невскому, смеяся
Морозцу легкому, поверить мог
В смертельную блокаду Ленинграда?
Нет, в человечестве есть запасные силы
Добра и героизма, тьмы и страсти.
Что мне сказать,
плохому сыну века?

Я только много видевший свидетель,
Испуганный своим высоким знанием.
Но я хочу страстней и беспристрастней
О времени и людях говорить.

Мне ничего не надо.

Я хочу

Лишь права сказки, права распадаться
На сотни мыслей, образов, сравнений,
На миллион осмысленных вещей,
Откуда снова возникает цельность,
Большие руки ласковых героев,
Правдивые и мудрые легенды.

Ты знаешь, город мой, душа России,
Ты знаешь:

в нашем мире человек

Оценивает жизнь свою сполна,
Смысл целой жизни — по своей эпохе,
По лучшему, чистейшему, что в ней
Он увидал, услышал и продумал,
Что понял неожиданно в бою,
В труде, в страданье, в подвиге народном.
О город мой, ты для меня вожатый
На всем моем пути. С тобой вошла
Моя душа в атомный век.

Вошла

В ускоренное, взвихренное время
Несущихся космических частиц.
Вошла душа в большое время правды,
Той правды, что для нас, людей, одна.
И жертвенность, и героизм, и гордость,
Что так привычны нашему народу,
Беспрекословно служат этой правде.
Народ великий, терпеливый, грозный,
В терпении своем, в своем размахе
Не для того переносил невзгоды,

Невиданные тяготы и беды,
Чтоб усомниться в самой чистой правде,
Которую своей железной волей
Поставил выше всех на свете правд.
А в этой правде есть и быль и сказка,
Без сказок правды в мире не бывает.

И вера в человечество, и вера
В родную землю, в равенство людей
Перед Октябрьским, ленинским законом.
Ведь через нашу жизнь прошла, как совесть,
Отцовская крутая голова.
Мы шли за ним.

Всегда, всегда за ним.

За Лениным. За нашим человеком,
Не бронзовым, не мраморным, не книжным —
Живым, пока в груди у нас дыханье.
Но помнишь — он с тобой в Кремле простился,
О город мой, звезда моя и слава,
В осенний золотисто-рыжий день?
Он умер?

Нет, не умер!

Он вернулся!

Где видишь ты его?

Он рядом с нами.

1956

Андрей Малышко

* * *

Не одного он принял ходака
В лаптях и армячишке захудалом
Из тех, кто по рязаням, по уралам
Нужду копил не годы, а века,

Из тех, кто знал и цепи, и острог,
И ветер гнева, и мечты живые.
У них в глазах светилась вся Россия
Грядущих сдвигов, вольных всем дорог.

С собой несли они, но не парчу,
А черствый хлеб — подарок Ильичу,
С мякиной хлеб и сорняком колючим,
Как знак земли свободам неминучим.
Как плуга знак, проклятие мечу.

Он горький хлеб, рожденный их трудом,
Поцеловал и, взяв не для разлуки,
Как бы свою родную землю, в руки,
Не помрачнел, а просветлел лицом.

Савва Головановский

БРАТЬЯ

Отрывки из поэмы

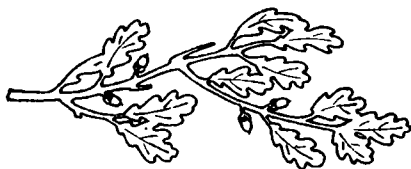
Туманы поднимаются над плесом,
и Волга сонно плещется у круч.
Смеркается, и на небе белесом
ни блеска звезд, ни синевы, ни туч.
И тишина... Как будто в целом мире
нет ни души — туман со всех сторон.
И каждый звук в молочной этой шири,
как пологом, туманом приглушен.
Симбирск повис над волжскою водою,
цветы в любом проулке и дворе...
И лишь среди безмолвия порою
колокола вздыхают на горе, —
и тихий стон тяжелого металла
вдруг наполняет улицы, сады,
плывет, плывет — и падает устало,
и замирает где-то у воды...
И снова все в молчанье и печали,
лишь, отзываясь в роще у реки,
протяжной песней оглашая дали,
устало тянут лямку бурлаки.
Такую грусть их пенье навевает,
гнетущей болью душу пепеля,
как будто песню эту запеваet
вся горькая приволжская земля.

И чудится, что стонет дни и ночи
под гнетом изнывающая Русь,
как будто бы излить в той песне хочет
всю вековую боль свою и грусть...

...И взвился меч безумного тирана,
хоть по России ропот все слышней:
жестокий зверь, залечивая рану,
пролил святую кровь ее детей!
Напрасно бесконечными ночами
мать не спала — надеялась на суд...
К чему переговоры с палачами?
Ведь униженья Сашу не спасут!
И лишь Володя, спрятав боль глубоко,
был тверд впервые в жизни, как гранит.
Он не забудет страшного урока,
ошибок брата он не повторит!
Он просидел над Волгой до рассвета.
Чуть-чуть плескалась сонная вода.
В туманный полог даль была одета...
Вокруг ни звука. Так же, как тогда.
Все как тогда... Расходится кругами
речная рябь, и медленный рассвет
встает со дна, растет над берегами...
Все как тогда... Но Александра нет!
Он далеко, в холодном каземате
ждет казни и не спит перед концом,
и в эту ночь он думает о брате,
как брат на Волге думает о нем.
Грохочет поезд палача Фролова,
опять ни с чем ушел святой отец.
А братья разговаривают снова
неслышной речью пламенных сердец.
Пространство не мешает им нисколько.
Звучат их мысли громче, чем слова!
И Волга Александра услышала,
и слышала Владимира Нева.

— Нет, не такой дорогою идти нам,
совсем иные мне видны пути! —
И, гордый этим выбором единым,
он тоже приготовился идти.
Светало... Звук последнего привета
через пространства, как через моря,
поплыл на север, где в мгновение это
свершалась казнь над сердцем бунтаря.
А Волга волны медленно катила,
росинки заискрились на лугу.
И юный Ленин гордое светило
встречал один на волжском берегу.
И, как орел, очей не закрывая,
он глянул вдаль, и отразились в них
моря знамен, как радуга живая,
и отблески свершений мировых.

1957

Петрусь Бровка

ДЕКРЕТ ЛЕНИНА

Тот день сквозь годы людям светит.
Все в нашей волости глухой —
И деды, и отцы, и дети —
На сход пришли одной семьей.

Свирепый дух махры и пота
Висел под низким потолком,
Матрос, приехавший с Балтфлота,
В чаду маячил за столом.

Листок, что был в руках матроса,
Все видеть явственно могли,
Толпу окинув, произнес он:
— Братишки, я — насчет земли...

Читал моряк могучим басом,
Овеян дымкою легенд,
Весь перевит и опоясан
Скрещеньем пулеметных лент.

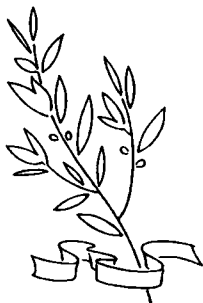
Он взбудоражил нашу волость,
В огне испытанный герой.
Но и его гремящий голос
Срывался и дрожал порой...

Не шибко грамотой владел он,
Волнуясь, по складам читал.
Но сходка радостно гудела,
Огонь в коптилке трепетал.

Листок потрогать все старались:
— Матрос, прочти еще разок! —
И двигался шершавый палец
Вдоль жарко полыхавших строк.

И каждый спрашивал с волнением:
— Скажи нам, добрый человек,
А кто такой товарищ Ленин?
— Тот, кто вам землю дал навек!

1957

Иосиф Нонешвили

НАШ ЛЕНИН

Ленин! Лампочками твоими
Город ласково освещен
И, твое повторяя имя,
Свет грядущего видит он.
Над строительными лесами
Дума Ленина, как крыло,
Юных ленинцев голосами
Утро раннее расцвело.
В простоте своей неизменен,
Он вникает во все дела,—
Возникает повсюду Ленин,
И улыбка его светла.
Он в труде неустанном, спором
Появляется впереди.
Образ Ленина — перед взором,
Орден Ленина — на груди.
Ленин словом простым и мудрым
Нам умеет помочь во всем.
По Ваке, в институты, утром
Книги Ленина мы несем.
Он встречает везде знакомых,
И открыты по всей земле,
В академиях и в райкомах,
Книги Ленина на столе.

1957

Виктор Боков

ЛЕНИН

Нет весны без весеннего веянья,
Без густого гудения пчел.
Нету дня, чтобы жил я без Ленина,
Где бы ни был, куда бы ни шел.

Речи Ленина знаю на память,
Все в них правда, они нам не лгут.
Каждое слово на крыльях летает,
Каждая мысль пашет землю, как плуг.

Взгляд нацелен в тысячелетия,
В звонкое завтра, что смело идет.
Первые слезы мои — это смерть его,
Первая радость — во мне он живет.

Доброта и хитринка лукавая
Полюбились мне с детства еще.
По-отцовски ложилась рука его
Не однажды ко мне на плечо.

В бой звала и в колхозные борозды,
Чтобы мирным колосьям цвести,
И любые невзгоды и горести
Помогала с дороги смести.

Сколько зерен на хлеб перемолото!
Сколько поднято новых знамен!
Если я и сберег в себе золото,—
Как беречь, мне подсказывал он!

Ленин —
Слово весеннее, юное,
С очистительным пламенем гроз.
С полной верой в него
За Коммуною,
Распрямясь,
Иду в полный рост!

Вера Инбер

ЛЕНИН И ВРЕМЯ

Умел из дня и даже часа
Он бездну времени извлечь.
Хватало нужного запаса
Для деловых бесед и встреч.

Для городов индустриальных
И деревенских ходоков,
Для вузов и для школ начальных
(«Учиться!» — лозунг был таков).

Но, думая о самом главном
(Хлеб, уголь, транспорт и металл),
В Кремле о лифте неисправном
В комендатуру он писал.

До крайности обеспокоен,
Он мечет молнии и гром:
«Есть сердцем слабые, для коих
Опасен лестничный подъем».

Среди безмерных дел своих
Он помнил о сердцах людских.

Не сообщив о том заранее,
Он опоздал лишь раз один:
В тот день, когда был тяжело ранен
И смерть стояла перед ним...

Еще он принимал лекарства,
Еще с трудом писать он мог,
Но вновь для пользы государства
Минуту каждую берег.

Зато и Время в свой черед
Его навеки сбережет.

1957

Виссарион Саянов

ВСТРЕЧА

Огромный зал был переполнен,
И кто-то, выйдя из рядов,
Нежданно Ленину напомнил,
Что в этом зале Шелгунов.

«Где он?»

— «Вот этот, с бородою,
В косоворотке и очках». —
«А помню, силой молодою
Хвалился, что была в руках».

«Он и сейчас силен... Но зренье...
Ведь он давно уже слепой».

«А нашего ж он поколенья...»
И вдруг, слегка взмахнув рукой,
Ильич президиум покинул —
И прямо к Шелгунову в зал.

Слегка нагнул, сутулясь, спину,
Поцеловал его, обнял.

Взглянул в глаза его слепые
И вспомнил даль ушедших лет,

Когда забрезжил над Россией
Незабываемый рассвет.

Была та жизнь им не по нраву...
И, думой полные одной,
Припомнили, грустя по праву,
Сегодня Невскую заставу
Ильич и друг его слепой,

Собрания кружков рабочих,
Конспиративную страду
И свет далекой белой ночи
В навеки памятном году.

1957

Расул Гамзатов

ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах
Люди песни о нем и слагали и пели,
С этим именем на пересохших губах
Умирали бойцы в Араканском ущелье.
В тесноте наших дымных и бедных лачуг
Узнавали легенды о нем друг от друга.
И когда пел о Ленине песню ашуг,
Снова петь эту песнь заставляли ашуга.

Знали имя его,
Но в горах никогда
Не видали хотя б небольшого портрета...
В Дагестане тяжелые были года,
Были жаркие битвы и жаркое лето.

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим, измученным людям во сне
Снился Ленин.

Им казалось:
Он был выше сосен и гор,
Вынет шашку —
Враги разбегаются в страхе.

Им казалось, что острый, как лезвие, взор
И блестит и горит из-под черной папахи.

И когда собрались в путь-дорогу к нему,
Снарядились в столицу послы Дагестана,
Насекли кубачинцы
Огромную шашку ему
И в Анди приготовили
Бурку на великана.

Повезли ему трубку
С алмазами чистой воды,
Повезли ему шитые шелком кисеты.
А еще Дагестан —
Весь,
От Каспия до Цумады —
Передал ему теплое слово привета.

И пошли через горы, поля, города,
На ветру обжигая широкие лица,
Горцы,
Много выдавшие,
Но никогда
Не бывавшие в светлой советской столице.

А в Москве дорогой, а в Москве трудовой
От зари и до ночи кипела работа...
У Кремлевской стены молодой часовой
Отсалютовал им, пропуская в ворота.

Отворились им двери во всю свою ширь.
Все здесь было приветливо, строго и просто,
И в приемную вышел к ним
Не богатырь,
А простой человек невысокого роста.

И в кремлевских палатах,
Средь стен расписных,
Как-то ласково щурясь от яркого света,
Словно старый их друг, он сидел среди них,
Говорил, как с друзьями,
И спрашивал даже совета.

Незаметно и быстро часы пронеслись,
И послы Дагестана так счастливы были,
Что когда уж совсем уходить собрались,
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку, и шашку с насечкой горящей,
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Им тогда не признался,
Что он некурящий.

И сказали они:
«В нашем горном краю
Никогда твоего не видали портрета.
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою,—
Самым лучшим подарком для нас будет это».

И посланцы народа спешили домой,
По пути обсуждали идеи и планы.
И несли они горцам портрет дорогой,
Где написано Лениным:
«Красному Дагестану».

В этом слове — простота и скромность
Революции.

Ему дано
Обнимать события четкой мыслью,
Несогласных логикой круша.
В этом слове — страсть и бескорыстье
Революции.

Ее душа
Здесь встает, чтоб до конца бороться,
Зная цель и не жалея сил.
В этом слове честь и благородство
Революции.

Он возносил
Главное. На место ставил частность.
Разделял случайность и закон.
В этом слове — доброта и ясность
Революции.

Ладонью он
Разрубал всех доводов негодность,
Звал вперед, в иные времена.
В этом слове — воля и народность
Революции...

1958

Нуратдин Юсупов

ИЛЬИЧ ВХОДИТ В КРЕМЛЬ¹

Пред Спасскою башней лет сорок назад
Сошлись и поспорили двое солдат,
Да так расшумелись они сгоряча,
Что спор этот жаркий привлек Ильича.

«О чем они спорят? — подумал Ильич.—
О том, как бы лучше победы достичь?
О том ли, как хлеб для голодных добыть,
Как лед в разоренных цехах растопить
И наши заводы упорным трудом
Поднять из развалин?» Совсем не о том!

— Послушай, — сказал бородатый солдат, —
Ильич приезжает из Смольного, брат!
Давай-ка под самой стеною Кремля
Посадим сады и распашем поля,
Чтоб видели все, кто живет на Земле, —
Крестьянская власть заседает в Кремле!

Другой возразил: — Не согласен с тобой!
Завод мы построим с большущей трубой.

¹ 11 марта 1918 года Ленин приезжает в Москву.
12 марта он осматривает Кремль.

Пусть рядом со Спасскою башней дымит,
Пусть ночью и днем шумит и гремит,
Чтоб слышали все, кто живет на Земле,—
Рабочая власть заседает в Кремле!

Ильич был готов рассмеяться до слез.
— Действительно, очень серьезный вопрос!
Кто более прав, рассудить не берусь,
Но мы для крестьян и рабочих,
Мне кажется, взяли всю матушку-Русь.
Не только вот этот кусочек.

А время нам дорого, как никогда,
Должны мы шагать, обгоняя года.
День — году, а годы — столетьям равны
Для нас, для строителей новой страны.
Мы — в сердце ее. И поэтому тут
Пускай новогодние елки растут!

— Пожалуй, что так... — согласился один,
Другой улыбнулся: — Идея!
Да вот Ильичу-то скажи, гражданин,
Понравится ль наша затея?

А тот усмехнулся, кивнул головой.
И в Кремль Ильича пропустил часовой.

1958

Георгий Ефимов

ВЕСЕННИЕ СТРОКИ

Апрель, апрель!.. В обычае природы
Ночь убавлять и делать день длинней.
Неистово на берег рвутся воды,
Шумят в оврагах меж кривых корней.

Ломает Волга пути ледяные,
И нескончаем льдинок перезвон;
И словно замечаешь мир впервые —
Так радостен и так прекрасен он.

В такие дни на свет родился Ленин.
Встречая солнца ясного приход,
Он жаворонка слушал в день весенний,
Он провожал глазами ледоход.

Он черпал силы в нашей Волге древней,
Не зря она светла и широка,
И становилась глубже и напевней
Его великой мудрости река.

Апрель, апрель!.. В обычае природы
Ночь убавлять и делать день длинней,
И мы весной в родные смотрим воды,
Где отразилась слава наших дней.

1958

Петру Заднипру

ОДНОСЕЛЬЧАНИН

Услышал этот я рассказ
От старика Игната:
«Сынок, а ведь в селе у нас
Сам Ленин был когда-то.

Увидел он, как беден я,
Хожу — пустое брюхо...
Нет ни одежды, ни жилья...
Детишки... Голодуха...

Ведь лошаденки, видит, нет —
Свою вспахать полоску...
Да и сосед не спит чуть свет:
Где хлеб добыть? Где доску?

Тут Ленин, знаю я, бывал
В те горестные годы,
Иначе — как бы он узнал
О бедствиях народа?»

«А может, то не Ленин, дед?
Ведь память-то хромает?»
Прищурил дед глаза в ответ:
«Кто ж Ленина не знает?»

Хоть лет немало утекло —
Но доказательств много:
Взгляни, как расцвело село,
Как широка дорога!

Он с нами! Он тебе помог,
Счастливый молдаванин!
Уж если хочешь знать, сынок,
Он — наш односельчанин...»

1958

Айн Каалеп

Я ЧИТАЮ ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Я читаю его сочинения,
Книги о нем.
Я представить себе могу,
Как он дышал и смеялся.
Я завидую людям,
Которые старше меня.
Будь я старше,
Я в юности
Встретить бы мог Ильича,
И он мог бы, пожалуй,
Стихи мои перелистать,
Свое имя увидеть
В начале стихов
И в конце.
Он приподнял бы брови,
Прочел, рассмеялся:
«Что ж, написано с чувством!
Но я бы хотел,
Чтоб в стихе говорилось побольше о деле...»
Верно, так бы сказал он
И мысль бы свою пояснил:
«Потому что в этом мы
Нуждаемся больше».

1958

Сулейман Рабаданов

ЛЕНИН

Всегда во всей Вселенной будет
Звучать фанфарой песнь о нем.
И наших гор высоких люди
Не зря зовут его орлом.

Есть в Дагестане мастер старый,
Давно сдружился он с резцом,
В ауле Кубачи недаром
Слывет он златокузнецом.

Ни разу мастер не был рядом,
Не видел Ленина слепой.
Но смотрит вождь орлиным взглядом
С его творенья, как живой.

1958

Михаил Луконин

ЕГО ЛЮБОВЬ

Из поэмы «Признание в любви»

Россия-мать
 ждала его,
 искала,
в ладонях Волгу
 пить
 ему несла,
у Каспия
немного расплескала,
степям в пути напиток подала.
А сын ее
 уже в полет стремится,
припал он к Волге,
 пил ее.
 Она
смочила опаленные ресницы,
разбуженные рыбы
 шли со дна.
Он видел солнце здесь,
 в летящей глади,
большие облака у самых глаз,
и, может быть, тогда
 в глубоком взгляде
зажглись лучи,
 счастливые для нас.

На будущее

шаг равняя каждый,
он вышел,
путь прокладывая свой,
и навсегда прижалась к сердцу жажда
той волжской полосы береговой.
Он голод ненавидел всей душою
и не любил бессилие и тьму.

Людское счастье —

самое большое! —
с рожденья было дорого ему.
Свободный,
неподвластен был он плену
тюрьмы и ссылки,
звал и звал
к борьбе.

И ссыльную подругу Волги —

Лену

так полюбил, что имя взял себе.
Любил он реки родины любимой,
от Волги

шел к Москве,

дружил с Невой.

И мыслью разглядел сквозь сумрак дымный
бушующий

Октябрь,

заветный мой.

Мать-родина,

как ты помолодела!

Живем в труде,

счастливые судьбой,

тем,

что живое ленинское дело —
его любовь —

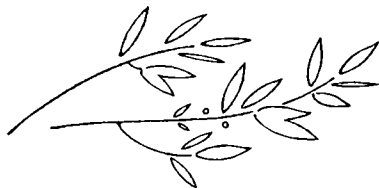
ведет нас за собой.

И партия
и он
предельно схожи,
характером близки, как сын и мать,
тем, что
ему и ей
всего дороже,—
умением
народ свой понимать.
Он был великой мыслью озабочен
о лучшей жизни.
Он любил людей.
Сдружил в боях крестьянина с рабочим,
сказал земле родимой:
«Молодей!»
И, с будущим связав себя навеки,
хотел,
чтоб над землею рассвело.
Еще тогда
переспросил все реки,
к себе созвав их планом ГОЭЛРО.
Он реки так любил,
он так любил их!
В его душе
цвела земли краса —
могучий,
рослый хлеб
отчизны милой,
луга и горы,
степи и леса.
Любил,
преобразуя жизнь отчизны,
любил
на все века, на все года.
Для этой вот любви —
во имя жизни —

не умер он,
рожденный навсегда.
Страна родная,
жизнь ему дала ты,
а смерть,
своим бессмертьем отвела.
Он человек
без той,
последней,
даты.

Живет его любовь —
твои дела!

1952—1959

Кайсын Кулиев

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

Отрывок из поэмы

...И партизаны выгнали врага,
Как гонит буря снежную лавину.
Но, встретив пулю, в мутные снега
Упал мой друг без памяти на спину.

Его под буркой привезли в аул.
Понуро кони разминали слякоть,
Клубился снег, и ветер скалы гнул,
И не решались женщины заплакать...

Они над ним сомкнули тесный круг.
А я, освистан снежной крутовертью,
Спал в эту ночь, не зная, что мой друг
В бреду и муке борется со смертью.

К нему под утро привели меня,
Но Бекболат навстречу не поднялся.
Кого-то призывая и кляня,
Он, как огонь, под буркою метался.

Я в бледный лоб его поцеловал,
Просил подняться со своей постели,
Чтоб мы опять пошли за перевал
И наловили удочкой форели...

Я звал его. Я был на всё готов,
Рукою бурку стаскивал с кровати...
Тогда я слышал много разных слов
Неслыханных, не для моих понятий.

Откуда было мне тогда понять,
Как может, на пути подкарауля,
К постели Бекболата приковать
Мизинца меньше маленькая пуля...

А он кричал: «Винтовка... Мой бешмет...
Где мой карман?..» — и падал, как в тумане.
Я слушал молча раненого бред:
Что за бешмет и что в его кармане?..

Но взяли бекболатовский бешмет —
Кровь по нему разводами заволгла...
В его кармане отыскав портрет,
Все в очередь рассматривали долго.

Недоуменный отводили взгляд,
Пожав плечами, становились к краю.
И, посмотрев, сказала Халимат:
«Средь родичей такого я не знаю...»

3

А годы шли, как ливни по хребтам
Идут и переваливают горы.
И в новых школах открывались нам
Иного мира солнечные створы.

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинки букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О, книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекболата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

И в книге той я увидел портрет,
И память озарилась ясным светом:
Я вспомнил бекболатовский бешмет
И дома стал рассказывать об этом.

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лёт паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое в пору!
Сын пастуха, его мечтой горя
Весь мир увидеть, поднялся на гору.

Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,
К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?

В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

4

Прошло еще три года. В третий класс
Я торопился каждый день с друзьями.
И книги завораживали нас,
Теперь уже не расставаясь с нами.

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь — неполна, а все дороги — узки.

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающий сурово,

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда вы так внимательно глядели,
Наверно вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Вы в молодости не видали гор.
Вас Ленин к нам послал с великой новью

Для счастья горцев. Горцам с этих пор
Вы свет души оставили с любовью.

Борис Игнатъич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставляю вам над вашей могилой.

Я свято вспоминаю о поре,
Где счастью сердца не было границы,
Как я читал ребятам на дворе
Заветные о Ленине страницы.

Читал родным, и матери читал,
Гостям, соседям, путникам бывалым,
Табунщикам, чей зоркий глаз видал
Свет новых звезд над горным перевалом.

Я понимал, что их глаза смелей
Надеждой окрылялись понемногу,
Как у застрявших на скале людей,
В долинный мир увидевших дорогу.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами, как гора,
И наши души поднимала в горы.

И русский мастер с топором в руках
С артелью горцев-каменщиков вместе,
На разных изъясняясь языках,
Нам эту школу строили по чести.

Мы прикрепили Ленина портрет
Над самым входом, на стене веселой.
И весь аул, как мотыльки на свет,
Спешил сюда полюбоваться школой.

Теперь учительствовал Бекболат,
Свою учебу кончив раньше срока.
Я этой встрече был не меньше рад,
Чем золотистой рыбке из потока...

Был чист и светел звонкий школьный зал,
Все пионеры в сборе были в зале.
И нам учитель новый рассказал
О тех боях на снежном перевале,

Когда его под буркой привезли
Друзья в аул, и стали к изголовью,
И на груди простреленной нашли
Портрет, залитый Бекболата кровью.

«Не узнаю», — сказала Халимат
Тогда и наклонилась над портретом.
А он для сына был родней, чем брат.
Откуда знать она могла об этом?..

Нам тот портрет учитель показал.
С него глядел Ильич, глаза прищуря.
И наш учитель видел по глазам,
Какая в душах бушевала буря.

И зависть мы не прятали свою.
Не знали мы, что с Бекболатом вместе
Придется нам идти в одном строю
Дорогой справедливости и мести.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
Но не уступит ленинское знамя,

Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату.

...Откуда ж в девятнадцатом году
Попал портрет в ауле к Бекболату?

Жил с нами рядом ссыльный Михаил,
Рабочий русский, мастер на все руки.
Он печи клал, игрушки мастерил,
Столярничал и плотничал в округе.

В горах он прожил долгие года,
Родным для нас, ни бедно, ни богато.
Из рук его и перешел тогда
Портрет вождя под сердце Бекболата.

...Сам Бекболат теперь сутул и сед,
Согбен уже трудами и годами,
Но тот давно подаренный портрет
Под ленинскими носит орденами.

Нас на рыбалке видели не раз,
Как двух друзей, у быстрого потока.
Проходит время, как ночной рассказ,
Старинным другом начаты́ до срока.

Я дружбу нашу свято берегу,
Она горит в душе моей так чисто,
Как первый бой за перевал в снегу
В душе седого друга коммуниста.

1956—1960

V

Семен Кирсанов

ТЫ, ГОРОД

Ты, город, всюду слит
цементом

и крепльем
мемориальных плит
с коротким словом —

Ленин.

Произнесешь

 пять букв,
не прибегая к фразам,—
и бывший

 Петербург
в них исчезает сразу.

И возникаешь
ты —
простой рабочий город,
прибавший на щиты
свой герб —
свой серп и молот,
прибавший
на дома,
на стены серых зданий —
гранитные тома,
слова напоминаний...

Читай:
он тут бывал,
здесь проходил в колоннах,
здесь митинг
открывал,
здесь выступал
с балкона...

И все же с каждым днем
я чувствую
все резче:
нельзя писать о нем
во времени
прошедшем.

И как сказать
«он был»
об этом человеке, —
сейчас
с ним говорил
студент в библиотеке.

Советуются
с ним
в Большом Кремлевском зале,

и словом
ни одним
«он был»
там не сказали.

А чтение до зари
его страниц знакомых?
А вы —
секретари
райкомов и обкомов?

Что,
разве хмуря лбы
над сложностью явлений,
не спрашивали вы:
«Как быть,
товарищ Ленин?»

И есть
его ответ —
большим целинным хлебом,
и скоростью
ракет,
вонзающихся в небо,

и свежестью весны
с миллионом новоселий,
и миром
без войны,
и всем,
о чем мы пели —

октябрьский гордый марш
красногвардейским строем —
при Ленине:
«Мы наш,
мы новый мир построим».

При Ленине
 живем,
при мыслях и советах,
при нем,
 всегда живом
в им созданных
 Советах!

Ты, город,
 сенью крыш
и стенами своими
в сердцах людей
 хранишь
его живое имя.

1960

Андрей Малышко

* * *

Там, в Париже, в сумрачном квартале,
Рвался он к боям в стране родной,
Вспоминал заволжские он дали,
Детства дни и тихий город свой.

И березку, налитую соком,
С крапинами бронзы на коре,
С журавлями, что летят высоко,
С золотой листвою в сентябре.

Ту березку, что не горя ради,
А с приветом дружеским потом —
С родины приветом — в Петрограде
Зашумела над броневиком.

1960

Григорий Санников

ЛЕНИН И УЭЛЛС

Внимателен и откровенен,
В сужденьях неопровержим,
Беседовал с Уэллсом Ленин,
Растерянным, но не чужим.

То замыкался на мгновенье,
То вдруг улыбчив, то суров,
Развевал недоуменья
У автора «Борьбы миров».

И тот дивился, озаренный,
На собеседника в Кремле,
На то, как он над разоренной
Страной, простершейся во мгле,

Волнуясь, зажигал светила
Высоковольтного огня
И щурился: глаза слепила
Россия завтрашнего дня.

1960

Гафур Гулям

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ НА ВОСТОКЕ

Памятник Ленину — вот он, у нас на Востоке...
Библиотека в Ташкенте и надпись у входа.
Надпись на камне — простые и строгие строки —
Светлая память восстания пятого года.

Памятник Ленину — вот он стоит над Востоком;
Памятник Ленину нами воздвигнут навеки.
Нежностью он наполняет сердца и восторгом.
— Ленинцы мы! — говорят мои братья-узбеки.

Каждая строчка его всенародных декретов
Стала садами, и светом, и нашей дорогой.
Эти высокие окна университета,
Полные солнца глаза трудового Востока.

Землю Востока он сделал навек молодойю —
Землю, которую зноем века опалили.
Мысли его животворны — живую водою
Землю сухую Востока они напоили.

Памятник Ленину — вот он, у нас на Востоке.
Книги его в переплетах рассветного цвета,
Ленина томики — мудрости вечной истоки.
Взгляд его добрый, бессменно глядящий с портрета.

Памятник Ленину — это река, что с разбега
Рушится вниз и турбины приводит в движенье.
Памятник Ленину — лампочка в доме узбека,
Теплого-теплого взгляда его отраженье.

1960

Константин Ваншенкин

ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.

Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.

Так только дети — кровь живая
Давно погибшего отца —
Глядят, все больше открывая
В чертах родимого лица.

1960

Антон Белевич

* * *

Фрагмент

...Будто солнце в добрый час
Светит среди ночи...
Посетил однажды нас
Питерский рабочий.

Комиссар — не комиссар,
Только видим — сила!
Молвит: — Звать меня Захар,
Батьку звать Данила. —

Молвит:— Мало ли в веках
Революций было.
Только при большевиках
Правда победила,
И навеки... Есть декрет
О земле и мире.
Всколыхнул он белый свет —
Ведь такие шири
Нам открыл он, Ленин сам,
Пишет в нем народу:
Землю и заводы — вам!
Стойте за свободу!
Мы пойдем плечом к плечу
Перед целым светом,
Будем верны Ильичу
И его заветам.

Он меня — проведать вас —
К вам послал в Дубровку.
— Ну и врешь же ты как раз:
Разве Ленин знает нас!
Вот придумал ловко!

Тот ему:— Ты прожил, дед,
В этой хате тесной,
А Ильич открыл нам свет;
Ленину известно,
Где стоит и чем жива
Здесь любая хата.
У него, брат, голова
Думами богата!

Дед-то был не из таких,
Чтобы сразу сдаться.
— Мы в лесах живем глухих,
Как он мог дознаться!
Что ж молчишь-то! Отвечай,
Коли врать охочий!
Ты встречался невзначай
С ним хоть раз, рабочий!

— Ах и перец ты! — назвал
Деда гость бывалый.—
Я ведь Ленина видал
И слышал немало.
Заходил к нам Ленин в цех
С добрыми словами...

Дед клюкою стукнул:— Эх!
Жаль, я не был с вами! —
А в народе — смех-смешок:
— Вишь, какой прилипа!..
— Пригласил бы на медок,
Сели б вместе на пенек
С Ильичем под липу.

Пил бы чай с ним. Боже мой!—
Размечтался старый.—
Только вот...— махнул рукой,—
Как позвать-то в домик свой:
Нет и самовара.

Жалко стало нам тогда
Деда-фантазера.
А рабочий:— Не беда!
Что за горе! Скоро
Будет все. Уж близок час,
Бились мы не даром.
Ленин думает как раз
И про самовары.
Вот гуторим мы с тобой
Про чаек горячий,
Он в работе всей душой —
Важные задачи
Он за нас решает, друг,
Думает, сердечный,
И кому косить где луг,
И как всех навечно
Обручить, сроднить с такой
Долей доброй, молодой,
Чтобы к счастью мы пришли,
Чтоб в далекой дали
Люди всей как есть земли
Жить счастливо стали.

Дед спросил:— А не секрет:
Верит ли он в бога!
— Ленин?
— Ленин.
— Что ты! Нет.
У тебя, как видно, дед,
Предрассудков много.

И ведет Егор свой сказ,
Словно песню, складно:
— Дали мне земли в тот раз,
Клин, скажу вам, ладный.
Я пашу, а грач — за мной,
Ходит круг за кругом.
Видит: ходит бороздой
Не батрак за плугом,
А хозяин!
Конь и плуг!
Мой ведь конь, как знаю:
Надо — выпущу на луг,
Надо — запрягаю.
А как в поле по весне
Я на нивку вышел,
Словно в сказке, как во сне,
Ниву я услышал.
А пришла в поля страда,
В поле жито жали,
Перепелки нас тогда
Песней утешали.
И держава, как могла,
Всем нам помогала.
Небогата ведь была —
Бедняков немало.

.....

И подумали в тот час
Все, кто жаждал света,—
Надо выполнить наказ,
Ильича заветы:
Нужен был колхоз как раз,—
Озарило, помню, нас
Новым, ясным светом.

Хаким Гиляжев

РИСУНОК, ВЫЖЖЕННЫЙ ОГНЕМ

Был год — из череды тяжелых лет,
Был путь — из тех, трудней которых нет,
И стыли слезы — знак утрат и бед...

На той дороге, в том году лихом,
В одном селе суровым сизым днем
Сидел старик, склонившись над огнем.

В душе — зима, лед грудь его сковал.
В глазах его жар от костра пылал.
И вот какое слово он сказал:

— Хоть зла судьба — ее не обвиню.
Сам хворь, и боль, и стужу отгоню!..—
Сказал — и глянул он в глаза огню.

Подсев к костру поближе своему,
Сказал: — Огонь, пронизывая тьму,
Мне даст тепло,— я душу дам ему.

Он старческую хворость позабыл,
Подкинул дров и хворост подложил,
Чтобы огонь горел — дышал и жил...

Огонь сверкал, пылал и полыхал,
Ложился на лицо то бел, то ал.
Старик поднялся, шило в руки взял...

Он шило взял и положил в костер —
Нет, свое горе положил в костер, —
Огонь взвился и крылья распростер.

Старик уселся, шило вновь в руке,
Он водит этим шилом по доске,
А где-то сумрак тает вдалеке...

Бежало пламя по доске, спеша,
Шипело шило, пламенем дыша...
— В рисунок перейди, моя душа!..

В священной книге сказано стократ:
Тем, кто рисует, уготован ад,
Где в пекле души грешников горят...

Огонь сверкал, пылал и полыхал,
Ложился на лицо то бел, то ал.
И пламенем водя, старик сказал:

— А что мне ад? Знать не хочу о нем!..
Душе моей — в рисунке жить моем...—
А на рисунке, выжженном огнем, —
Ленин...

1960

Александр Яшин

ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Еще ни домов, ни оград —
Валежник да ягодник топкий,
Глухая тайга, а не сад,
Не улицы — тропки.

И просека только одна.
Зато и людьми и проектом
Уже названа она
Ленинским проспектом.

Прямой, устремленный в мир
Из хвойных трущоб
К восходу,
Он — верный ориентир
Попавшему в непогоду.

Он словно начало начал,
Сродни фронтовым дорогам,
Для всех строителей стал
Больших перемен залогом.

Пусть города еще нет, —
Не за горами сроки:
Уже освещен
Широкий
Ленинский проспект.

1960

Алексей Сурков

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

О борьбе и власти в жарком споре,
Ясным словом потрясая зал,
Ленин злобной меньшевистской своре:
— ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!—

сказал.

Есть такая партия,

которой

Бремя честной власти по плечу.

Залп, в потемки брошенный

«Авророй»,

Гневным громом вторил Ильичу.

Мы в октябрьской буре

стали властью,

Партии вручив судьбу свою.

Выстрадано нами наше счастье

У станка,

в забое

и в бою.

В ленинских колоннах

шагом скорым

Мы пошли вперед из царства зла.

По никем не хоженным просторам

Наша трасса счастья пролегла.

Волей сильных, что прочнее стали,
Как броней, прикрыв свои сердца,
Мы врагов разбили, разметали,
Сын сменял под знаменем отца.
В нашем шаге слышен звон металла.
За спиной у нас — осколки тьмы.
Треть людей планеты нашей встала
На дорогу, что пробили мы.
Как стрела,

за горизонт широкий

Путь пролег к счастливым временам.
Где ж вы, прорицатели-пророки,
Что погибель предрекали нам?
Где ж вы, предсказатели-кликуши,
Что недавно каркали на нас?
Мы в походе.

Живы наши души.

Не исчерпан наших сил запас.
На высоком самом перевале
Смело смотрит в завтра наш народ.
Мы не притомились,

не устали,

Будущее кличет нас вперед.
Старый мир,

неизлечимо хворый,

Свет не заслоняй!

Посторонись!

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ,

которой

По плечу

построить коммунизм!

Александр Гитович

НЕ ЛЕНИН ЛИ ГОТОВИЛ ЭТОТ ЧАС...

Ю. А. Гагарину

Не Ленин ли готовил этот час,
Когда соединил рабочий класс
Свой светлый ум и золотые руки
И, не подвластный никакой судьбе,
Весь род людской он пригласил к себе
На пиршество отваги и науки!

Апрель 1961

Аркадий Клабуков

У ЛЕНИНА

Устав от нелегкой дороги,
В крестьянских своих зипунах,
Смущенно стоят на пороге,
А в душах — надежда и страх...

Ильич к ним подходит. От взгляда
Становится сердцу тепло...
— Пройдите, стесняться не надо.
Так что вас ко мне привело?
Вас, верно, послала община
По нужным, по важным делам?
Товарищи, в чем же причина,
Что слова не вымолвить вам?

И входят удмурты-крестьяне
В простой кабинет Ильича,—
Глаза их как будто в тумане,
Кровь бьется в сердцах, горяча...

К стоявшему около двери
Плечистому бородачу
Ильич подошел — и с доверьем
Тот глянул в глаза Ильичу.

— Как звать вас?
— Лавы́ром...
— Уж сразу
Скажите и отчество...
— Хм...

Отцовское имя ни разу
Не ставилось рядом с моим...

— Так было. Но разве же схожи
Былые — и новые дни?
Так как же по бабушке все же?
— Иваныч...
— Не стойте в тени,
Садитесь поближе, о деле
Давайте вести разговор.—
...Сердца у крестьян потеплели,
Слова обретали простор.

А Ленин выслушивал живо,
Пытливо расспрашивал он:
На хлеб какова перспектива,
Как приняли новый закон?

Крестьяне поведали много
О дальнем удмуртском селе...
Спросили: а как же без бога?
Чем кончится спор о земле?

Лавы́р же промолвил: — Народу,
Мы видим, по сердцу прихлась
Несущая мир и свободу
Власть новая...
Наша ведь власть...
Но власть ведь считаться с народом
Должна же, Владимир Ильич?
— Конечно!

— Вот мы, всем приходом,
Давно обжигали кирпич:
Церквушка стара, неказиста
В селе —
Время новую власть...
Да взяли кирпич коммунисты —
Комбеды, Советская власть...

— Для церкви кирпич? А вот школа,
Наверно, большая у вас?
— Избенка... В ней сыро и голо,
И раньше пуста — и сейчас...

— Иваныч! Так как же мы будем
Без школ к коммунизму идти?
Под силу ль неграмотным людям
Прокладывать к счастью пути?
Поверьте, приятнее глазу,
Чтоб в школьную стену кирпич
Был вложен...
Уж мы его сразу
Вернем вам! — промолвил Ильич.

Никто и не думал, что Ленин
Вот так разговор повернет...
С народом он был откровенен —
Был с ним откровенен народ.

Текла задушевно беседа...
Все взвесив, продумав, поняв,
Сосед посмотрел на соседа:
— А Ленин-то все-таки прав!

...«Лавы́ром» всю жизнь тебя звали,
Лаврентий Иваныч... Теперь
Увидел ты ясные дали,
Раскрыта в грядущее дверь!

Мальчишкой — не ведал о школе,
Была она в дальнем селе...
Работал без усталы в поле,
Вслепую ходил по земле.

Пойми перемену большую,
Себе и народу ответь:
Что лучше — воспрянуть душою
Иль в темных церквах плесневеть?

И думали люди упорно
О детях своих, об отцах —
И ленинской мудрости зерна
Уже прорастали в сердцах.

Лавы́р, поразмыслив, ответил:
— Как жизнь изменилась! До дна...
Мир станет прекрасен и светел,
Не церковь нам —
Школа нужна!

...По лестнице сходят крестьяне.
Все мысли — о встрече в Кремле.
Их взоры уже не в тумане,
Прямее идут по земле!

В село ходоки возвратятся —
Его перестроят они.
В домах и в сердцах загорятся
Надежды и счастья огни.

1961

Сибгат Хаким

ПИСЬМО ЛЕНИНУ ОТ КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ КОКУШКИНО

Это было декабрьской порой
На просторе казанских широт.
Завершается двадцать второй,
Двадцать третий навстречу идет.

Ветер голода грозно метет
По замолкшим дворам деревень,
С крыш солома ободрана вся,
И разобран на топку плетень.

Серебрящимся светом луна
Освещает измученный край,
Над Кокушкином молча стоит
И блестит над тобой, Апакай.

Две подруги, две бедных сестры —
Две деревни моей стороны,
Вам бы только до солнца дожить,
Дотянуть до зеленой весны.

Забирает все круче зима,
Все сильнее пробирает мороз...
Отчего ж в это время сюда
Вдруг дыханье весны донеслось!

Стало вроде бы сразу теплей,
С окон словно бы стронулся лед,
И, собравшись в просторной избе,
Оживился ослабший народ.

Здесь когда-то Владимир Ильич
Жил в начале пути своего,
И в историю века вошла
Эта первая ссылка его.

Не забыли об этой поре
Деревенской земли старики,
Ветви зимних склонившихся ив,
Берега занесенной реки.

Да, наверно, он помнит и сам —
Быть не может, чтоб он позабыл,—
Как с народом тогда толковал,
Как по нашим тропинкам ходил.

Хорошо бы добраться к нему,
Побеседовать с глазу на глаз:
Ты свободу и землю нам дал,
Помоги же нам снова сейчас.

Объявился охотно ходок,
Собирается в путь второпях;
Жаль, гостинца нельзя захватить —
Только ветер один в закромах.

И надежен бывалый ходок,
И дорога как раз хороша,
Но в карманах крестьянских пустых
Не нашлось для него ни гроша.

Приуныли сперва старики,
Но потом, пораскинув умом,

Рассудили — хоть в общем письме
Рассказать Ильичу обо всем.

«...Мы полки чужеземных врагов
Разгромили оружием своим,
И на нашу советскую жизнь
Мы твоими глазами глядим.

По широкой дороге твоей
Мы сознательно сами идем,
Без приказа свое кулачье
Осудили бедняцким судом».

(Без чинов, а по-свойски, на «ты»
Говорили они с Ильичем:
Ведь за месяцы ссылки его
Стал он вроде бы их земляком.)

«В этот черный засушливый год
Не видали мы вовсе дождей;
Вместо хлеба и вместо овса
На полях лебеда и пырей.

Сладить с горькою этой бедой
Нам одними руками невмочь —
Только лошадь, лишь лошадь одна
Может вызволить нас и помочь.

Слух прошел, что Советская власть
Хочет в долг продавать лошадей.
Посодействуй, Владимир Ильич,
Всей крестьянской земле порадей...»

Наклонились над низким столом
Старики в белых шапках седин.
Уважительно держит перо
Грамотей деревенский один.

Вот они разошлись по домам
В ожидании лучших времен...
Мне известно, что в двух деревнях
Снился им одинаковый сон:

От полян, где цветы и трава
Вешним солнцем прогреты насквозь,
Лошадиное ржанье сперва
Еле слышно сюда донеслось.

Вот уже и дорога кипит,
Кони тесно идут табуном,
Вот от топота многих копыт
Вся окрестность пошла ходуном.

Вот они вереницей стоят,
Красотой поражая своей,
И на утреннем солнце блестят
Разномастные крупы коней.

Сам Ильич под уздцы их берет
И заводит их сам во дворы...

Сбылся сон твой, крестьянский народ,
Дожил ты до великой поры.

Не воротятся те времена,
Горе горькое скрылось вдали.
Широко ты шагаешь, страна,
Воплотившая счастье земли!

1961

Сильва Капутикян

ТВОЙ ПАМЯТНИК

Нет — монумента мы не воздвигали,
Холма не выбирали повидней,
Чтоб ты царил на пышном пьедестале,
Далек от шума, от людей,
Превыше всех, как идол некий,
В своем всевластии уверенный навеки...

Нет, ты иначе в город наш вошел!

...Был Ереван бескровен, гол.
Улыбчивый, веселый, деловитый,
Держа строительные чертежи,
Остановился ты — но не в тиши —
На звонкой площади, ветрам открытой!

Ты вместе с нами строил город наш,
Как мы, седел от известковой пыли,
И окна новых зданий взор слепили,
И песни, словно птицы, мимо плыли,
И в небо шел за этажом этаж.

Ты слышал стен старинных стоны —
В прах обращались дряхлые дома.

И день рабочий блек.
И подступала тьма.
И очи закрывал наш город утомленный.
И на бульваре пел флейтист слепой,
Бежавший из пылающего Вана,
Глаза мерцали сталью ятагана,
Текла мелодия кровавою рекой...

Все слышал ты. И видел все ты,
Знал упования наши и заботы.

Ты с нами был.
Ты жил среди нас,
Ни на мгновение нас не покидая.
И мы росли,
И жизнь неслась —
Безудержная, молодая.

Но монумента мы не строили тебе.
Ты не царишь над городом, надменен,
Ты среди нас — в делах, в сердцах, в судьбе.
О, ты — не памятник,
Ты — наш товарищ Ленин...

1962

Виктор Алданский

РЕЗЬБА

Тверд резцов и напильников бег,
стружка кости чиста, словно снег.
Мастер знает искусство привычное:
вырезает из кости все лишнее!

Он надежный избрал материал:
мощный бивень могучего мамонта
под Якутском с времен незапамятных
вечно мерзлой земле пролежал.

Мастер режет по кости уверенно,
у него вдохновения взлет:
он черты вечно юного Ленина
из минувших веков создает!

1962

Хазрет Ашинов

У КАРТЫ

Монархи с карт стирали Адыгею
столетьями. Когда б они могли,
то стерли бы ее с лица земли,
мгновения о том не сожалея.
Но вот, водимый ленинской рукою,
прошелся по бумаге карандаш.
Любой район, любой поселок наш
был обозначен с точностью такую
непостижимой, что, коснувшись взглядом
той карты, ясно верим и сейчас:
он знал, как сына, каждого из нас,
с любимым из нас, как с братом, был он рядом!
...Нас обходило счастье. Так обходит
охотника, таясь, лесная лань.
Мы видели врага, куда ни глянь.
И знал нас враг, как дичь свою — охотник.
Но не было ни маленьких селений,
ни маленьких народов для него,
ни маленьких людей! И оттого
так родственны слова «отец» и «Ленин».
Мы старимся. Вершины одевает,
касается висков наш поздний снег.
Мы старимся, как все на свете. Нет!
Любовь народа возраста не знает!

1962

Петрусь Бровка

«ПРАВДУ» ЧИТАЕТ ЛЕНИН

С юности давней запомнилось мне,
Сердце мое наполняя волнением,
Старое фото на светлой стене —
«Правду» читает Ленин.

Входит рассвет в пробудившийся дом,
В первых лучах, в озаренье весеннем,
Вижу с утра за рабочим столом —
«Правду» читает Ленин.

Вижу глаза его с блеском живым,
Силу мечтаний и славу свершений,
Домны, плотины встают перед ним —
«Правду» читает Ленин.

Дальние дали с вершины видны,
За поколеньем идет поколеньем,
Шелест пшеницы в краю целины —
«Правду» читает Ленин.

Правда сильнее угроз и неправд,
В ней — и дерзание и вдохновенье.
За космонавтом летит космонавт —
«Правду» читает Ленин.

Солнце идет по огромной стране,
Неугасимо, как наше стремленье.
Мир просыпается. Радостно мне —
«Правду» читает Ленин.

1962

Иван Дроч

ПРОМЕТЕЕВА БАЛЛАДА

Столетия текли у бровей моих тучами
И потом катились с крутого чела,
И солнце истерлось о крылья орла,
Что бил мое сердце, усердьем измученный.
Года высыхали, как росы на скалах,
Закраплены кровью, заснежены злом,
Гефест приковал меня — был я юнцом, —
Земля мне навеки пристанищем стала.
Пришел я весной, а завтра мороз
Осыплет мне голову белою пылью.
Огонь — мой сынок — безотцовщиной рос,
Ведь руки отцовские скованы были...

Ты атомный ныне, огонь мой кудрявый,
Сынок мой родной, трижды проклятый мой,
Глотаю я воздух войны грозовой,
Как будто дышу вулканической лавой.
Мой сын, у отца еще скованы руки,
Но с сердцем бездонным по свету иду,
То дух мой, бессмертный обветренный дух,
Сквозь тучи пробился в Шевченковы муки.
Ты отцеубийцею был, мой огонь,
Когда я горел, воплотившись в Джордано,
Мой долг — умирать и страдать неустанно
Под свистом и лаем всех пуль и погонь.

Я в сердце Лумумбы не жить не могу,
Я всюду, где нужно развеять туман.
Чтоб росам искриться на каждом лугу,
Гляжу я на солнце зрачками из ран.
Как прежде, для рук моих в черном краю
Оковы куют и решеток ограды.
Рожденный в Элладе —

в застенках Эллады
Я Глезос, и голос я свой подаю...

И стали от злобы бессильной воронами,
Клюя мое вечное сердце, орлы.
И флагом поднялся огонь мой из мглы,
И грозным пожаром бушует над тронами.
Меня

среди черных
и белых
людей

Найдете по звону тюремных браслетов...

Он с Лениным ходит по тюрьмам планеты,
Он — ленинец духом, старик Прометей!

1962

Арсалан Жамбалон

ЛЕНИНСКИЙ СУББОТНИК

Двадцатый год. На всех дорогах
Звенят ручьи, парит земля.
Но отчего людей так много
На территории Кремля?
Над ними солнце, поднимаясь,
Громит сосулек хрупкий лед.
Сегодня, в праздник Первомая,
На славу трудится народ.
Вот в пиджаке и в кепке скромной,
Всех ободряя горячо,
Ильич, смеясь, склонился к бревнам,
Вот комель поднял на плечо.
И вот уже, блестя глазами,
Идет с напарником своим.
Ему кричат: — Ильич, мы сами! —
А он в ответ с хитринкой им:
— Э, нет! Кто ж пыл труда такого
Уступит в первый день весны? —
...Идет, смеясь, правофланговый
Больших и малых дел страны.
Блестят на лицах капли пота,
Но как дышать легко! Ведь тут
Не подъяремная работа,

А молодой, свободный труд,
Что станет вечной нашей силой,
В любом углу моей России,
В степях Бурятии моей.
Труд и красивый и высокий,
Кому любой, как песне, рад,
В котором нам видны истоки
Коммунистических бригад.

1962

Андрей Вознесенский

ЛОНЖЮМО

Поэма

Посвящается слушателям
школы Ленина в Лонжюмо

АВИАВСТУПЛЕНИЕ

Вступаю в поэму,
как в новую пору вступают.
Работают поршни,
соседи в ремнях засыпают.
Ночной папироской
летят телецентры
за Муром.
Есть много вопросов.
Давай с тобой, Время,
покурим.

Прикинем итоги.
Светло и прощально
горящие годы, как крылья, летят за плечами.
И мы понимаем, что канули наши кануны,
что мы, да и спутницы наши, —
не юны,
что нас провожают
и машут лукаво
кто маминым шарфом,
а кто — кулаками...

Земля,

ты нас взглядом апрельским проводишь.
лежишь на спине, по-ночному безмолвная.

По гаснущим рельсам

бежит

паровозик,

как будто

сдвигают

застежку

на «молнии».

Россия, любимая,

с этим не шутят.

Все боли твои — меня болью пронзили.

Россия,

я — твой капиллярный сосудик,
мне больно, когда —

тебе больно, Россия.

Как мелки отсюда успехи мои, неуспехи,
друзей и врагов кулуарных ватаги.

Прости меня, Время,

что много сказать не успею.

Ты, Время, не деньги,

но тоже тебя не хватает.

Но люди уходят, врезая в ночные отроги
дорог своих

огненные автографы!

Векам остаются — кому как удастся —
штаны — от одних,

от других — государства.

Его различаю.

Пытаюсь постигнуть,
чем был этот голос с картавой пластинки.

Дай, Время, схватить этот профиль,
паривший
в записках о школе его под Парижем.

Прости мне, Париж, невоспетых красавиц.
Россия, прости незамятые тропки.
Простите за дерзость,
что я этой теме касаюсь,
простите за трусость,
что я ее раньше не трогал.

Вступаю в поэму. А если сплошаю,
прости меня, Время, как я тебе часто прощаю.
Струится блокнот под карманным фонариком.
Звенит самолет не крупнее комарика.
А рядом лежит
в облаках алебастровых
планета —
как Ленин,
мудра и лобаста.

1

В Лонжюмо сейчас лесопильня.
В школе Ленина? В Лонжюмо?
Нас распилами ослепили
бревна, бурые как эскимо.

Пилы кружатся. Пышут пыльщики.
Под береткой, как вспышки, — пыжики.
Через джемперы, как смола,
чуть просвечивают тела.

Здравствуй, утро в морозных дозах!
Словно соты, прозрачны доски.
Может, солнце и сосны — тезки?!
Пахнет музыкой. Пахнет тесом.

А еще почему-то — верфью,
а еще почему-то — ветром,
а еще — почему не знаю —
диалектикою познания!

Обнаруживайте древесину
под покровом багровой мглы.
Как лучи из-под тучи синей,
бьют

опилки
из-под пилы!

Добирайтесь в вещах до сути.
Пусть ворочается сосна,
словно глиняные сосуды,
солнцем полные до полна.

Пусть корою сосна дремуча,
сердцевина ее светла —
вы терзайте ее и мучайте,
чтобы музыкою была!

Чтобы стала поющей силищей
корабельщиков, скрипачей...

Ленин был
из породы
распиливающих,
обнажающих суть
вещей.

2

Врут, что Ленин был в эмиграции.
(Кто вне родины — эмигрант.)
Всю Россию,
речную, горячую,
он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
пили в Питере под охраной,
воровали казну галантно,
жрали устрицы и гранаты —
эмигранты!

Эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками,
отгораживались газетами
от осенней страны раздетой,
в куртизанок с цветными гривами —
эмигрировали!

В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый,
среди великодержавных харь,
среди ряс и охотнорядцев,
под разученные овации
проезжал глава эмиграции —
царь!

Эмигранты селились в Зимнем.
А России
сердце само —
билось в городе с дальним именем
Лонжюмо.

3

Этот — в гольф. Тот повержен бриджем.
Царь просаживал в «дурачки»...
...Под распарившимся Парижем
Ленин
режется
в городки!

Раз! — распахнута рубашка,
раз! — прищуривался глаз,
раз! — и чурки вверх тормашками
(жалко, что не видит Саша!) —
Раз!

Рас-печатывались «письма»,
раз-летясь до облаков,—
только вздрагивали бисмарки
от подобных городков!

Раз! — по тюрьмам, по двуглавым —
ого-го! —
Революция играла
озорно и широко!

Раз! — врезалась бита белая,
как авроровский фугас —
так что вдребезги империи,
церкви, будущие берии —
раз!

Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов»! Так играл,
что шарахались рейхстаги
в 45-м наповал!
Раз!..

...А где-то в начале века
человек, сощуривши веки:
«Не играл давно», — говорит.
И лицо у него горит.

В этой кухоньке скромны тумбочки,
и, как крылышки у стрекоз,

брезжит воздух над узкой улочкой
Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
и совсем из других миров
слышн колокол доминиканский,
Мари-Роз,

прислоняюсь к прохладной раме,
будто голову мне нажгло,
жизнь вечернюю озираю
через ленинское стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
меж торговок, машин, корзин,
на прозрачном велосипеде
проскользил,

или в том кабачке хохочет,
аплодируя шансонье!
или вспомнил в метро грохочущем
ослепительный свист саней?

или, может, жару и жаворонка?
или в лифте сквозном парит,
и под башней ажурно-ржавой
запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжат,
точно в воду погружены,
как у крабов на побережье,
у соборов горят клешни,

над серебряной панорамой
он склонялся, как часовщик,
над закатами, над рекламами,
он читал превращенья их,

он любил вас, фасады стальные,
точно ракушки в грустном стиле,
и еще он любил Бастилию —
за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
баррикадами взвив кольцо,
проступало ему Революции
окровавленное
лицо,

и, глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
всё в скворечниках и маевках,

а за ними — фронты, юденичи,
Русь ревет со звездой на лбу,
и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду,

вот зачем, мой Париж прощальный,
не пожар твоих маляров —
славлю стартовую площадку
узкой улочки Мари-Роз!

Он отсюда
мыслил
ракетно.
Мысль его, описав дугу,
разворачивала
парапеты
возле Зимнего на снегу!

(Но об этом шла речь в строках
главки 3-й, о городках.)

В доме позднего рококо
 спит, уткнувшись щекой в конспекты,
 спит, живой еще, невоспетый,
 Серго,

спи, Серго, еще раным-рано,
 зайчик солнечный через раму
 шевелится в устах легко,
 спи, Серго,

спи, Серго, в васильковой рубашечке,
 ты чему во сне улыбаешься?
 Где-то Куйбышев и Менжинский
 так же детски глаза смежили.

Что вам снится? Плотины Чирчика!
 Первый трактор и кран с серьгой!
 Почему вы во сне кричите,
 Серго?!

Жизнь хитра. Не учесть всего.
 Спит Серго, коммунист кремневый.
 Под широкой стеной Кремлевской
 спит Серго.

Ленин прост —
 как материя,
 как материя —
 сложен.
 Наш народ — не тетеря,
 чтоб кормить его с ложечки!

Не какие-то «винтики»,
а мыслители,
он любил ваши митинги,
Глебы, Вани и Митьки.

Заряжая ораторски
философией вас,
сам,
как аккумулятор,
заряжался от масс.

Вызревавшие мысли
превращались потом
в «Философские письма»,
в 18-й том.

Его скульптор лепил.
Вернее,
умолял попозировать он,
перед этим, сваяв Верлена,
их похожестью потрясен,

бормотал он оцепенело:
«Символическая черта!
У поэтов и революционеров
одинаковые черепа!»

Поэтично кроить вселенную!
И за то, что он был поэт,
как когда-то в Пушкина —
в Ленина
бил отравленный пистолет!

Однажды, став зрелей, из спешной повседневности
мы входим в Мавзолей,

как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.

Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин:
«Скажите, Ленин, мы — каких вы ждали, Ленин?!

Скажите, Ленин, где победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели?..»

Нам часто тяжело. Но солнечно и страстно
прозрачное чело горит лампообразно.

«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»
И Ленин

отвечает.

*На все вопросы отвечает
Ленин.*

1962—1963

Гусейн Гусейн-заде

БЕССМЕРТИЕ

На путях Финляндского вокзала
Встал навечно старый паровоз...
Вьюга белокрылая плясала,
Тротуары сковывал мороз.

Не тянулись длинные вагоны,
Семафор не взмахивал рукой...
Там я понял, что свои законы
У нетленной памяти людской.

Помню: горожане и сельчане
Шли, чтобы взглянуть на паровоз.
Если медлил кто, они серчали,
А потом не сдерживали слез.

Приходили русские и финны,
Съехавшись сюда со всех концов...
Нам расскажут повести и фильмы
О нелегкой юности отцов.

«Временным» правительство зовется.
И опять на пыльных мостовых
Петрограда кровь рабочих льется
И свистят нагайки верховых.

И опять хозяевам в угоду,
Шашками зловеще грохоча,
Проклиная темень и погоду,
Ищут по заставам Ильича.

Юнкера хватают по наветам,
Топчутся у ставен и ворот.
Где Ульянов? Адрес им неведом,—
И не выдаст Ленина народ.

В городах, и деревеньках пасмурных,
И на полустанках небольших
Роятся они в печатях паспортных —
В чьих-то фотографиях чужих.

А в Разливе — Ленину не спится.
(Посветлело... Близится к пяти...)
Чтобы революции не сбиться,
Не сойти с великого пути,

Должен планы четкие составить,
Все обдумать, записать в тетрадь.
Должен, наконец, себя заставить
Ни минуты зря не потерять.

И опять охране не до смеха,—
Неповинных тянут на допрос.
И тогда в страну озер и снега
Ленина увозит паровоз.

А потом на паровозе этом
Ленин возвратится в Петроград,
И Россия отзовется эхом,
И слова, как залпы, прогремят.

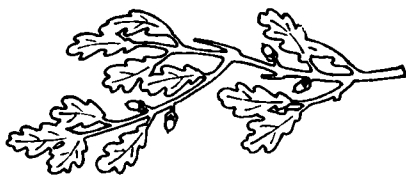
На путях Финляндского вокзала
Встал навечно старый паровоз...

Да, сама эпоха приказала,
Чтобы он бесменно вахту нес!

Знаю: неказистый и не новый,
Знаю: не клокочет пар внутри...
Но, волнуясь, повторяю номер —
Двести девяносто три.

Выручал в тяжелые минуты
Ильича... Не струсил, не устал.
И теперь, забвение минуя,
В Ленинграде встал на пьедестал.

1963

Олжас Сулейменов

В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И В СКВЕРЕ

В каждом приличном городе,
в каждом глухом селении
есть парки культуры Горького,
площади имени Ленина.
...Я побывал в артели —
передовой по плану,
в системе легкой промышленности—
передовой по валу,
завскладом готовой продукции
показывал за фанерой
бетонные репродукции
шахтеров и пионеров.
На длинных дубовых полках,
прибитых рядами, как нары,
прошедшие сквозь опоки,
остывшие, все как надо,
бронзовые и гипсовые,
гранитные, будто скифские,
мраморные, железные,
бетонные бюсты Ленина...
Чтоб помнило население,
что жив он, что он бессмертен,—
стандартные бюсты Ленина
по совнархозовской смете.

Я говорю о величии
насмешливого, живого.
Не заслонят количества
надгробий его, живого,—
его глуховатый голос,
звнящий в дворцовом топоте,
его рыжеватый волос,
лицо в петроградской копоти.
Живой, он бежит по ступеням,
по мраморным, по бетонным,
не в ритме траурных пений
подошвы стучат,— он топчет
полов чугунные плиты,
набережной граниты,
он топчет, он весело топчет
железные перекрытья.
Живет он не хуже живых,
живет он и нам завещает
жить светом и словом — в живых
над бронзовыми вещами.

1963

Роберт Рождественский

ПИСЬМО В XXX ВЕК

Отрывок из поэмы

Я —
по собственному велению,—
сердцу
 в верности
 покаяясь,
говоря
о ВЛАДИМИРЕ ЛЕНИНЕ
и о том,
 что главное
 в нас.
Вот уже,
 разгибаясь под ношей,
вырывается мир
из тьмы!
Начинаются
 горы
 с подножий.
Начинаемся
с ЛЕНИНА
мы!
Мы
 немало столетий
 ждали

и вместили в себя
потому
силу
 всех прошедших
восстаний!
Думы
 всех Парижских
коммун!..
Неуступчивы.
 Вечно заняты.

Мы идем
почти без дорог...
На истории
 нет указателей:

«Осторожно!
Крутой
 поворот!..»

Повороты встречались
 жадные,
пробирающие как озноб.
Даже самых сильных
 пошатывало.

Слабых —
вовсе
 валило с ног!

Жгли
 сомнения.

Шли
 опасности,
с четырех
надвигались
сторон...

Но
была на планете
партия —

та,
 которую создал
он!
Мир
 готов за нее
 поручиться
перед будущим
наверняка!

И лежит
 на пульсе Отчизны —
вечно! —
ЛЕНИНСКАЯ
 РУКА.

Он —
ровесник всех поколений,
житель Праг,
Берлинов,
Гаван.
По широким
 ступеням
 столетий
поднимается ЛЕНИН
к вам!
Представляю
 яснее ясности,
как смыкают
 ваши
 ряды
люди
ЛЕНИНСКОЙ гениальности,
люди
ЛЕНИНСКОЙ чистоты.
Не один,
 не двое,
а множество!
Вырастающие,
 как леса,

и по всей Вселенной
разносятся
их спокойные голоса...

Что ж,
для этого

мы и трудимся.

Терпим холод.
Шагаем в зной...

Ведь еще только начал

раскручиваться

и раскачиваться
шар земной!

Прозвучи,

сигнал наступления!

Солнце

яростное,

свети!..

Все еще

впереди!

**И ЛЕНИН,
БУДТО МОЛОДОСТЬ,
ВПЕРЕДИ!**

1963

Андрей Пассар

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

Фрагмент

Эние¹, эние, я хочу тебя в песне прославить,
Твое щедрое сердце простыми словами воспеть.
Я хочу твою старость от всякой невзгоды избавить,
Всю свою благодарность отдать тебе в жизни успеть.

Поклонюсь тебе низко, по древним обычаям предков,
Как Мэрген-великан, я слетаю в подзвездную высь,
Я возьму в межпланетный корабль тальниковую ветку,
Чтобы Космос с Землею в рукопожатье слились.

Я вернусь к тебе, мама, из дальних заоблачных далей,
Млечный Путь — лыжный след повидав наяву,
Там Мэргены летали, этот след легендарный видали.
Эние, эние, я такой же мечтою живу.

Незакатное солнце над вольным Амуром восходит,
И за солнцем вослед мы слетаем с тобою в Москву,
Ильичу поклонимся, что вечно бессмертен в народе,
Эние, эние, я такую мечтою живу.

Мы, твои сыновья — рыбаки, следопыты, солдаты, —
Жизнь свою отдадим, чтобы землю не кутала мгла,
Эние, эние, я хочу, чтоб гордиться могла ты
Жизнью всех сыновей. Чтобы мною гордиться могла.

¹ Эние — мать.

Мирно катит Амур в океан свои полные воды,
Поднимаются чайки, призывно и нежно крича.
...Как награда за трудные долгие, долгие годы,
На груди твоей орден сияет лицом Ильича.

* * *

Я — нанай.
Это значит — житель Земли,
Человек, рожденный Землей.
Где травы росли,
Где цветы цвели —
Там очаг родительский мой.
Я — гольд.
Это значит — золото. Мне
Надо стойким бывать всегда,
Не ржаветь в воде,
Не сгорать в огне,
Не бояться ни гроз, ни льда.
Быть всегда в пути, быть всегда в бою —
В шуме дня и в ночной тиши.
Я сегодня песню тайги пою,
Золотую песню души.
Лишь сумел я первый букварь постичь —
В жизни сделать свой первый шаг,
Стало ясно мне с той поры: Ильич —
Наше солнце и наш очаг.
Утром птицы славят лесной уют,
Поднимают песню в зенит.
Я о Ленине песню свою пою,
Пусть она над тайгой звенит!
Мама, дай мне нынче уменье свое
Зори видеть и травы слышать,
Чтоб я золотом смог на халате твоём
Имя «Ленин» у сердца вышить.

1964

Борис Укачин

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты! Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья, мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.
...Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру капель роняла ветка.
Русь плыла, как тяжкая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день через тебя легла
Трещина, чуть зримая до срока?
Пролегла средь уличных торцов,
Потянулась к тюрьмам и кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по колоннам...
Дед мой, спину гнувший до земли,
О работу в кровь стиравший руки,—
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье народившиеся внуки?

Будоража старое житье,
Паводком врываясь на просторы,
Шла весна — и первый гром ее
Грянул с борта крейсера «Аврора»...
В сторону анкеты! Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:
Все, друзья, мы родились весной,
В том бессмертном ленинском апреле!

1964

Семен Данилов

СЧАСТЬЕ ЯКУТОВ

И здесь, где солнце ласковей и чаще,
Здесь, где приволжский солнечный простор,
Я по-якутски думаю о счастье
Моих якутских братьев и сестер.

О том далеком думаю апреле,
Как лед на русской тронулся реке,
Как русский мальчик плакал в колыбели
В далеком среднерусском городке.

И было детство розовым, как утро,
И всё ему казалось нипочем.
Глазами он напоминал якута,
А по отцу был мальчик Ильичем.

О, как якутский край тогда знобило,
Морозом пробирало до кости.
И низенькому солнцу не под силу
От векового холода спасти.

То льдом сковав, то инеем окутав,
Зима царила вечно, как беда.
Но царские указы для якутов
Чернее ночи, ледянее льда.

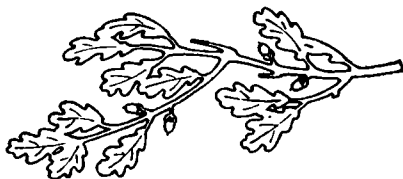
Что видели якуты — лишь метели,
Был белый снег, как белая стена.
Лишь бог да черт их душами владели,
А ум не мог очнуться ото сна.

Казалось — счастье так невероятно,
И был у времени особый счет:
Оно не шло, а пятилось обратно,
Покуда вымирал за родом род.

Откуда было знать тогда якутам,
Блуждающим в потемках и тоске,
Что родилось их счастье как-то утром
В далеком среднерусском городке.

И здесь, где солнце ласковей и чаще,
Здесь, где приволжский солнечный простор,
Я по-якутски думаю о счастье
Моих якутских братьев и сестер.

1964

Владимир Абитов

СЛОВО О ЛЕНИНЕ

Когда по зимним вечерам
В окно стучалась вьюга к нам,
Гоня снежинки мимо,
О нартах заводила речь
Прабабушка Фатима.

Шипела вьюга, как змея,
И долго молча слушал я,
Ручонки сжав в карманах,
О невозвратной старине
И нартах-великанах.

Прижав булатный меч к груди,
Летел я с ветром на шагди¹,
Стрелял в мишень из лука,
Жан шарх² закинул на Эльбрус,
Как молодой Сосруко!

Я не забыл и посейчас
Моей прабабушки рассказ:

¹ Шагди — особая порода коней.

² Жан шарх — колесо с острыми спицами, которое, подкинув на гору, должен был поймать молодой герой народного эпоса Сосруко.

Обманутый врагами,
Живым законам богатырь —
Он лег под тяжкий камень!

И нарт шептал: — На девять дней
Страхнуть бы тяжесть мне камней,
Дохнуть бы полной грудью,
Тогда я победил бы зло,
Вернул бы счастье людям!

С приходом ярких дней весны
Преданья древней старины
В глазах моих тускнели,
И я узнал весенним днем,
Что на земле есть Ленин.

Ильич нам солнце возвратил!
Суровой правде научил,
Дал землю и свободу
И революции огонь
Зажег в сердцах народа.

Легенда в памяти жива,
Но ярче всех легенд слова
Фронтовика-солдата:
У Ленина он был в Кремле,
Что слышал, помнит свято.

Сказал он дома: — Не шучу,
Пожал я руку Ильичу
С другими ходоками.
Великий этот человек
С души моей снял камень.

Он горцам передал привет,
Сказал: «Несите правды свет,
Землей своей владейте,

Постройте жизнь без богачей
И что хотите сейте!»

Дней детства больше не вернуть!
Страна прошла огромный путь,
Но я еще мальчишкой
В ауле был счастливей всех,
Шагая всюду с книжкой.

И сердце билось горячо
При каждой встрече с Ильичем
В той книжке на портрете:
Его просили показать
И взрослые и дети.

Сияет солнце с вышины,
Лучами ленинской весны
Озарена планета,
И с вымпелом достиг Луны
Луч ленинского света!

1964

Евгений Евтушенко

БРАТСКАЯ ГЭС

Отрывок из поэмы

ИДУТ ХОДОКИ К ЛЕНИНУ

Проселками
и селеньями
с горестями,
боленьями
идут
ходоки
к Ленину,
идут
ходоки
к Ленину.
Метели вокруг
свищут.
Голодные волки рыщут.
Но правду крестьяне ищут.
Столетиями
правду ищут.
Столькие их поколения,
емелек и стенок видевшие,
шли,
как они,
к Ленину,

но не дошли,
не выдюжили.
Идут ходоки,
зальделье,
все, что наказано, шепчут.
Шаг
за себя делают.
Шаг —
за всех недошедших.
А где-то в Москве
Ленин,
пришедший с разинской Волги,
на телеграфной ленте
их видит
сквозь все сводки.
Он видит:
лица опухли.
Он слышит хрипучий кашель.
Он знает:
просят обувки
несуществующей каши.
Воет метель,
завывает.
Мороз ходоков
корезит,
и Ленин
себя забывает —
о них
он забыть
не может.
Он знает,
что все идеи —
только пустые «измы»,
если забыты на деле
русские слезные избы.
...Кони по ленте скачут.
Дети и женщины плачут.

Хлеб
 кулаки
 прячут.
Тиф и холера маячат.
И, ветром ревушим
 накрениваемые,
по снегу,
 строги и суровы,
идут ходоки
 к Ленину,
похожие на сугробы.
Идут
 ходоки
 полями,
идут
 ходоки
 лесами.
Ленин —
 он и Ульянов,
и Ленин —
 они
 сами.
И сквозь огни,
 созвездья,
выстрелы,
 крики,
 моленья,
невидимый,
 с ними вместе
идет к Ленину
 Ленин...
А ночью ему не спится
под штопаным одеялом.
Метель ворожит:
 «Не сбыться
великим твоим идеалам!»

Как заговор,
 вьется поземка.
В небе
 за облака
месяц,
 как беспризорник,
прячется
 от ЧК.
«Не сбыться! — скрежещет разруха.—
Я все проглочу бесследно!»
«Не сбыться! —
 как старая шлюха,
неправда гнусит.—
 Я бессмертна!»
«В грязь!» —
 оскалился голод.
«В грязь!» —
 визжат спекулянты.
«В грязь!» —
 деникинцев гогот.
«В грязь!» —
 шепоток Антанты.
Липкие,
 подлые,
 хитрые,
всякая разная мразь
ржут,
 верещат,
 хихикают:
«В грязь!
 В грязь!
 В грязь!»
Метель панихиду выводит,
но вновь — над матерью Волгой
идет он
 просто Володей
и дышит простором,
 волей.

С болью невыразимой
волны взметаются,
брызжут.

В них,
как в душе России,
Стенькины струги брезжат.

Волга дышит смолисто.
Волга ему протяжно:

«Что,
гимназист из Симбирска,
тяжко быть Лениным,
тяжко?!»

Не спится ему,
не спится,
но сквозь разруху, метели
он видит живые лица,
словно лицо идеи.

И за советом к селеньям,
к горестям

и болям

идет

ходоком

Ленин,

идет

ходоком

Ленин...

1963—1965

Леонид Мартынов

ЛЕНИН

Где Ленин?

Ленин в Мавзолее.
И на медали. И в звезде.

Где Ленин?

Даты, юбилеи...
Но где же Ленин? Ленин где?

Где Ленин?

Он на полках книжных.
Но не стоять же целый век
На постаментах неподвижных
Ему во мгле библиотек!

Где Ленин?

Поздний вечер манит
Спокойно погрузиться в сны,
Но Ленин вдруг в окно заглянет:
— А все вопросы решены?

Где Ленин?

Вот его квартира,
Вот кабинет его в Кремле.

Где Ленин?

Там, где судьбы мира
Вершат народы на земле!

1965

Максим Танк

В ШУШЕНСКОМ

Все в Шушенском так близко и знакомо,
как будто я бывал здесь много раз!
Вот только Ленина мы не застали дома —
наверное, в дороге он сейчас.
Деревья во дворе усадьбы в охре,
а старый дом почти не постарел.
И я смотрю с волнением на окна:
сквозь них Ильич в грядущее смотрел.
А в кабинете — книги, и портреты,
диван, и стол, и лампа над столом
неяркий свет бросала на газеты
и озаряла Ленина чело.

Но почему здесь только ссылки даты?
Возможно, занят массой важных дел,
на славный и суровый век двадцатый
календаря купить он не успел.
И сам куда-то на день, на неделю
уехал или ушел, придет вот-вот.
О, если б эту слабую надежду
в нас укрепить бы мог экскурсовод!
И у меня в душе такое чувство
(хоть не бывает на земле чудес),
что если подождать — свершится чудо:
вернется Ленин. Ленин — рядом, здесь.

1966

Давид Кугультинов

ЛЕНИН

Он думал, что работал в меру сил,
Как все,
на общей стройке многотрудной.
Как все,
домой зарплату приносил
И получал паек такой же скудный.

Себя не звал вождем народным он
И стал вождем народов и времен.

Не в том ли смысл высокого пути —
Чтоб быть во всех поступках человеком,
Но всех других делами превзойти,
Но разумом возвыситься над веком

И постигать — в чем связь веков живая,
Быть человеком, не переставая?..

1966

ЗАПИСКИ ЛЕНИНА

Записки Ленина!.. Запечатлен
Взлет мысли — по следам ее горячим,
В бурлящих недрах микрокосма схвачен,

Заснят на пленку
вспыхнувший нейтрон...
Кипение потока временного,
Где мир творится небывало ново.
Строка!.. И ею человек спасен.
Еще строка!.. Истории движенье...
Я чувствую руки его скольженье...
За мыслью мысль
векам бросает он,
Та вольным государством станет.
Эта —
Летит к Луне стремительной
ракетой.

1966

* * *

Когда ключом кипели вокруг события,
Когда недоедала вся страна,
Грядущие он видел времена
Не с помощью фантазий и наитья.
Нет, глядя в светлые глаза людские,
Он убеждался:
вспыхнет свет в России!

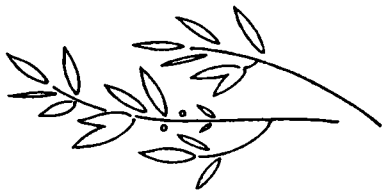
Шли ходоки с Урала, из Тамбова,
Брели из Азии средневековой,
Заботы и мечты к нему несли...
Со старым Ленин толковал и с малым,
Все мысли, все декреты проверял он
Желаньями людей родной земли.

* * *

Почетным отдыхом пенсионера
«Аврора» отдыхает на просторах...
Да неужели этих пушек порох,
Один, открыл пути для новой эры?!
На Ленинград, задумавшись невольно,
Гляжу я —
на Сенатскую, на Смольный...

Неужто порох?.. Не на этом месте ль
Умы России набирали силу?..
Радищев, светоносный Пушкин, Пестель...
И Ленин...

Мысль его в себе сгустила
Все то, к чему рвались веками люди...
И рухнул старый мир
под гром орудий.

Илья Сельвинский

ЛЕНИН

Политик не тот, кто зычно командует ротой,
Не тот, кто усвоил маневренное мастерство,—
Ленин, как врач,
Слушал сердце народа
И, как поэт,
Слышал дыханье его.

1966

Пимен Панченко

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

На просторе, меж огромных городов
и над неприметными поселками,
иней осыпается с косматых проводов
линий напряжения высокого.
Их опорам, как гиревикам,
груз держать, а отдыхать им — некогда.
Им доверено нести через века
Ленина высокую энергию.
С виду — провода как провода,
а дотронься — и сгоришь без дыма.
Их огнем высоким навсегда
спаяны мы воедино.
Ощущаем мы себя всегда
моряками, даже космонавтами.
Кораблем плывет земля, и провода
провисают корабельными канатами.
Все светлей, светлей наш каждый год,
новые плотины над потоками.
И от сердца к сердцу ток идет
линий напряжения высокого.

1967

Виталий Коротич

ЛЕНИН, ТОМ 54-й

Фрагмент из поэмы

В пятьдесят четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят письма, записки и телеграммы, написанные в ноябре 1921 — марте 1923 года...

Берегите их...

Пара, железа и угля пора

Понесла и рожает зачатого ею ребенка.

Это трудные роды — рождение мира добра,

Что приходит на землю в кровавых, как знамя, пеленках.

Он, занесший с рождения руку

на вечное зло,

Положив на колени винтовку,

усталый от боя,

Ожидает тепла,—

Лишь вобрав из хаоса тепло,

Новосозданный мир сможет стать

наконец-то собою.

Неустройству навстречу, неполадкам,

что ждут впереди,

Он, как первый весенний листок,

ищет ощупью лета.

...Баррикадные пули носят в теле бойцы и вожди,

В неосевших могилах герои еще не воспеты,

Возникает,

Растет из холодных рассветных росин,

Огненосным копьём продирается в мареве сонном,
По ступеням клинков поднимается в самую синь
Стосиянно, стократ повторенное

в отблесках солнце.

Я внимаю легенде...

Жива та октябрьская кровь,

Хоть иная реальность, иные заботы тревожат.

...На коленях достичь невозможно лучистых миров,

Быть неправедный гнев утверждением

правды не может.

Берегите их!

Спины людей распрямляет дыханье весны.

И покорность они удивленно

и медленно душат.

Прорастают сквозь будни.

Сквозь книги.

Сквозь митинги,

Сны.

Революция главная та,

что свершается в душах.

Берегите их!

Жизнь — не коллекция горьких гримас.

Пусть встает человек, оставляя всю боль за собою,

Входит в трезвость, рожденную самозабвенностью масс.

Тем экстазом, что нес обновленье стране после боя.

Берегите

От тронов,

Сатрапов,

Интриг и свинца,

От холуйского духа,

Зазнайства и спеси.

Впервые

Началось сотворение мира,

Как будто сердца

На отростках сосудов побеги дают молодые.

Поднимаются тысячи,

взгляд оторвав от земли,

Смотрят в дальние дали —
взволнованно, молча, столико.
Нет ничтожных и малых людей,
души есть на мели,
Нет ничтожных и малых забот,
если дело велико.
Есть высокое в буднях,
в тревоге обыденных дней:
Мир взрослеет,
Одежда становится тесной и старой,
И грядущее видно конкретней,
Поскольку ясней
Различаются лица в огне мирового
пожара.

1967

Василий Федоров

СЕДЬМОЕ НЕБО

Отрывок из поэмы

Я буду помнить
Весь свой век
Игру снегов
И холод чертовый.
Мороз и снег,
Мороз и снег,
Как в январе
Двадцать четвертого.

Плечом к плечу,
Плечом к плечу
Мы шли безмолвно,
Снег, не вейся!
Придем из вьюги
К Ильичу,
Войдем с мороза
И согреемся.

Снег и мороз.
Поток людей
Был смутен
Смутностью былинною.
Противник всех очередей,
Я был доволен
Самой длинною.

Старушка —
Из-за трех одеж, —
Нарушив строгость
Ненамеренно,
Как будто шла
К живому Ленину,
Спросила тихо:
— С чем идешь?

Припомнив
Быль и небылицы,
Я шел к нему,
Продрогший весь,
Что был он, —
Лично убедиться,
И в том увериться,
Что есть.

Снег,
Снег...
Сквозь снег
И ветер адовый,
Что мне в лицо
Шрапнелью бил,
Я шел к нему
С судьбою братовой,
Который так его любил.

Снег...
Снег...
И только башни — вехами,
И только выучка — терпи.
Я с трудовыми шел успехами
И с неудачами в любви.

Снег...
Снег...

Но часовых видать.
Все ближе блеск
Штыка почетного.
В буденовках бы им стоять,
Как в январе
Двадцать четвертого.

Пусть форма та
Века пройдет,
Пусть, вызывая
Чувство странности,
В ней Революция живет
В своей суровой
Первозданности.

Вниз...
Вниз...
Тепло.
Там Ленин спал,
Не потревоженный шагами.
Там темный камень
Прозревал
Голубоватыми цветами.

Вниз...
Вниз...
В печальном полукруге
Судеб, как бы обнявших гроб,
Лежали трудовые руки,
Светился думающий лоб.

Вниз...
Вниз...
Лицо его сурово,
Широк,
Высок бровей размах.
И недосказанное слово
Еще теплело на губах...

Я думал,
Душу облегда,
Счастливо выйду
С легкой ношею,
А выходил от Ильича
С нагрузкою,
Намного большею.

Я старше,
Я мудрее стал,
Как будто он
За все мучения
На всю большую жизнь
Мне дал
Ответственное поручение.

Не знаю,
Сколько буду жить,
Но, отработав
В цехе огненном,
Приду однажды доложить,
Что сделано
И что исполнено...

1959—1967

Мирдза Кемпе

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Сквозь снег уходил ты от нас, Ленин,
И глядели мы вслед в горькой печали.
Шаг твой не был усталым, ты не был согбенным,
Рассекая, как молния, дали,
Ты поднялся звездой в центре вселенной!
Чтоб в глубинах сердец всегда отражаться,
Чтоб весну человечеству вечно пророчить!
Жарко нас обнимаешь сквозь метели и стужу.
Проникаешь в сердца нам все глубже, все глубже.
И ни холоду смерти, и ни мраку забвенья
Не подвластен ты, Ленин!

1967

Улуру Адо

ЛЕТО ЮКАГИРАМ ЛЕНИН ПОДАРИЛ

Мне отец недаром
в детстве говорил:
— Лето
юкагирам
Ленин подарил.

И рассвет забрезжил,
солнце вышло в путь, —
и надежда
людям
отогрела грудь.

Стало небо тундры
темным, словно дым,
словно голубика
стало голубым...

Мне отец недаром
в детстве говорил:
— Лето
юкагирам
Ленин подарил.

1967

Любовь Забашта

ЛЕНИН В ПАРИЖЕ

Он жил в Париже — Мари-Роз, 4,—
Приветливый и скромный россиянин,
Любивший Францию уже за то,
Что клич «Свобода, Равенство и Братство»
Она сумела начертать когда-то
На праведных знаменах, на фронтонах
Дворцов и школ...

Да, он любил Париж
За штурм Бастилии, за Робеспьера,
За пламя революции Великой,
Так именуемой и поныне,
Однако давшей мало — очень мало! —
Простым французам...

Здесь, в небольшом кафе,
Играл он в шахматы, спешил, бывало,
В Национальную библиотеку,
В бесчисленные книги погружался,—
Работал, спорил, говорил с народом...

И его,
Подвижного «мосье в фуражке серой»,
На этой улице любили люди
За светлую лучистую улыбку,
За нрав общительный, за мягкий говор,

За всю неисчерпаемую мудрость
Его простых речей...

О Мари-Роз!

Когда он проходил тут ранним утром,
Наверно, ощущали эти камни
К грядущему какую-то причастность,
И ты о жителе своем бессмертном
Навеки память в сердце бережешь.

1967

Николай Тихонов

БРОНЕВИК

Эта ночь была непроста,—
В ней родился победы клич!
Броневи́к у вокзала встал,
И с него говорил Ильич.

И казалось ему самому:
Броневи́к лишь сигнала ждет —
Будто сам подставил ему
Броневое плечо народ.

Черной ночью, от искр рябой,
Изменялся города лик,
Человеческий шел прибой,
Унося с собой броневи́к.

В алых блесках факельных пен
Человечеству нес привет,
Бурю нес больших перемен,
Всей земле — неведомый свет.

В море лет тот прибой не стих,
До сих пор он в сердцах звучит,
Жив и отблеск волн огневых,
Броневи́к в апрельской ночи.

А теперь он стоит суров,
Как исполнивший долг боец,
И не нужно высоких слов,
И не нужен красок багрец.

Пусть на нем играет заря
Молчаливо и горячо,
Только шапку сними, смотря
На его седое плечо!

1967

Всеволод Рождественский

* * *

Раздольный, словно песня, дух народа
Лепил его скуластые черты;
В его лице вся русская природа
Отражена в величье простоты.

Могучей Волги плавные просторы,
Не знающая края ширь степей,
Леса, поля, долины, реки, горы —
Весь светлый облик Родины моей.

В слегка раскосом глаз его прищуре,
В крутом надлобье, в крепкой лепке лба,
Во всей его стремительной фигуре
Отражена народная судьба.

Он — и порыв, и грозный пламень воли,
И зоркий ум, пронзающий века.
За все, что он принес народной доле,
Земной поклон, великая река!

1967

Александр Решетов

ПРЕКРАСНАЯ БЫЛЬ

Он спал на солдатской кровати,
Жил в комнате уютной, когда
Заставил вельмож в Петрограде
Покинуть дворцы навсегда;

Когда с его именем веским,
Как с пропуском в жизнь, бедняки
Въезжали в квартиры на Невском,
Вселялись в особняки.

Хотел тогда Питер рабочий,
Чтоб Ленин, как первый борец,
Дом занял, какой лишь захочет,
Хоть в Зимний вселился дворец...

Что Ленин смеялся над этим —
Прошла по народу молва,
Что если б решил он ответить,
Сказал бы такие слова:

Мол, с новыми давние песни
Поются в народе, как встарь;
Не стало бы Ленина, если
Он жить пожелал бы как царь.

Мол, и рассердиться он может,
Услышав такое опять;
Коль будут цари и вельможи,
Не стоило прежних свергать...

Молву эту слышал впервые
Я в юности от работяг,
Еще из них живы иные,
Еще умирать не хотят.

Молву, что от них я запомнил,
Никто из нас не позабыл,
И новым расскажем знакомым
Ее — как прекрасную быль.

1967

Ярослав Смеляков

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я был, понятно, счастлив тоже,
когда влюблялся и любил
или у шумной молодежи
свое признание находил.

Ты, счастье, мне еще являлось,
когда не сразу, неспроста
перед мальчишкой открывалась
лесов и пашен красота.

Я также счастлив был довольно
не каждый день, но каждый год,
когда на празднествах застольных,
как колокол на колокольне,
гудел торжественно народ.

Но это только лишь вступленье,
вернее, присказка одна.

Вот был ли счастлив в жизни Ленин,
без оговорок и сполна?

Конечно, был. И не отчасти,
а грозной волей гаваря,

когда вокруг кипело счастье
штыков и флагов Октября.

Да, был, хотя и без идиллий,
когда, опять примкнув штыки,
на фронт без песен уходили
Москвы и Питера полки.

Он счастлив был, смеясь по-детски,
когда, знамена пронося,
впервые праздник свой советский
Россия праздновала вся.

Он, кстати, счастлив был и дома,
в лесу, когда еще темно...
Но это счастье всем знакомо,
а то — не каждому дано.

1968

Сергей Орлов

ИЗ ЦИКЛА «ОДА РЕВОЛЮЦИИ»

Мы — загадка, враги которую
Собирались не раз разгадать.
Сколько их на свалке истории
Дотлевают — не сосчитать.

Нас хулили они за терпение
И хвалили за доброту.
Не понять Россию без Ленина,
Сложность всю и всю простоту.

Ленин был настоящим русским,
Он был всюду собой самим.
Был, когда за Саяны услан
И когда возглавлял Совмин.

Хлеб всегда остается хлебом,
Небо всюду на свете — небо.
Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был.

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Ленин — правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
И без нас его не осмыслить!

1968

Юстинас Марцинкявичюс

СЕГОДНЯШНИЙ ЛЕНИН

1

ЛЕНИН РАБОТАЕТ

Сравненья наши — словно пьедесталы,
чтоб вознести, воспеть велеречиво...
А он в пальто распахнутом, усталый,
из зала в ночь идет неторопливо.

Закрылась дверь. И вовсе не в былое —
в грядущее шаги его уходят...
Он в мыслях весь. И чуточку смешною
он нашу страсть к парадности находит.

Кто надвое переломил эпоху
и создавал — неистов, как Бетховен,
тот выправляет сделанное плохо
и с будущим вставить умеет вровень.

И некогда стоять на пьедестале,
не время отдыхать на книжной полке, —
он должен спорить: яростнее стали
дебаты о рутине и о долге.

Он борется. Порою разбивает
и тех, что сотни раз его читали...
Попытки подменить его — бывают,
но временно. И лишь на пьедестале.

Велит поправить, если ошибется...
Он весь в работе, дышит полной грудью.
Он с нами строит, думает. Он бьется,
и ныне прав — не буквою, а сутью.

2

ЛЕНИН ГОВОРИТ

Сжал он мысль, как сжал в ладони шапку —
кажется, сейчас с трибуны бросит...
Сердцу в этот век сомнений зябко —
и оно такой вот правды просит.

Ленину в себе, в одежде — тесно,
с шара говорить ему земного:
взвешено, нацелено чудесно
в наши души брошенное слово.

А в груди, как лава, неослабно
страсть клокочет — строя, сокрушая...
И сейчас огромно и масштабно
мыслит голова его большая!

Все в нем ныне стало говорящим:
обувь и глаза, лицо и кепка...
Смело управляет настоящим,
руки держат будущее крепко.

Мысль свою он делает собою —
в облике и жесте воплощая...
В смерть, как в жизнь, войдешь крутой тропюю,
ленинское слово ощущая.

Словно шапку, новый тезис речи
сжали руки, ум его и слово.
Объясняет век противоречий...
Это мы — трибуна Ильичева.

3

У ПАМЯТНИКА

За всю-то жизнь не разберут иные,
куда влекла их времени река.
А он — смотрите — впереди и ныне,
в грядущее протянута рука.

И сам я понимаю: штампом стала
рука вождя, простертая вперед...
Но ведь такую тяжесть поднимала!
По ней твой ток, столетие, идет.

Нам путь она бесстрашно открывала,
и слышал
голос Ленина народ:
Я — только старт.
Я — новых дней начало, —
а вам веками двигаться вперед!

Он видит все, что лживо и двулично,
он фальшь полой вовек не прикрывал.
Готов он отмахнуться энергично
от всяческих пройдох и прилипал.

Поэтому и в памятнике даже
не догма он. Он хочет быть тобой,
когда, у современности на страже,
души он жаждет —
ленинской, живой.

АППАССИОНАТА

Звуки кипят, клокочут,
как под мостами реки...
В строй становясь, рокочут,
падают вниз — навеки...

Каждый могуч тут — всеми,
все тут — одним могучи.
Кровью из вены — время,
неумолимей, круче.

Гимн ли победный это,
гроб ли в открытой яме?
Зов ли к добру и свету,
истины нашей знамя?

Смысл обретают вещи,
сердце слова находит,
звуки взлетают резче,
падают вновь, уходят...

Свет замирает бледный,
вскрыта земли утроба...
Вот и аккорд последний —
комья о крышку гроба.

СЕГОДНЯ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Сегодня,
в ленинский день рождения,
буду о нем я думать:
читая утреннюю газету,
буду о нем я думать;

хлеба ломоть отрезая утром,
буду о нем я думать;
дочку свою провожая в школу,
буду о нем я думать;
и на работу идя неспешно,
буду о нем я думать...

Видя:

как новое строят здание —
буду о нем я думать;
как самолет реактивный мчится —
буду о нем я думать;
как новоселы переезжают
и на машине
женщина держит фикус рукою —
колышет ветер
листья большие, словно знамена, —
буду о нем я думать;
глядя, как в двери универмага
входят люди
и как выходят —
буду о нем я думать.

Слыша

простое «Доброе утро!»,
«Как хороша сегодня погода!» —
буду о нем я думать.

Слыша:

звучит «Аппассионата», —
буду о нем я думать.
Ночью, склонясь над страницей белой,
буду о нем я думать;
в завтрашний день раскрывая окна,
буду о нем я думать.

1968

Марк Лисянский

* * *

Он понимал,
 что жить осталось
Не годы — считанные дни.
Не увядание, не старость
Пришли к нему...
 Нет, не они!

Неимоверная работа
И каждодневная борьба.
Жена стирает капли пота
С его пылающего лба.

Она ему рассказ читает
О том, как через лед и снег
Ползет и зверя побеждает
Изнеможенный человек.

А Ленин, в Горках умирая
Среди товарищей и книг,
Хотел для всех земного рая,
Жил для людей и ради них.

Еще две ночи он сражался,
Встречая свой последний час.
«Любовью к жизни»

 назывался
Тот — Джека Лондона —
 рассказ.

1969

Алексей Сурков

В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Семнадцатый год.

Октябрь.

Перекресток эпох.

Начало конца.

Невиданной эры начало.

Мы мира хотели,

но мир от сражений

оглох.

И залпами

прошлое нас из потемок

встречало.

Хозяйская ярость

хлестала в борта корабля,

в кровавую бездну

бессильных и робких

смывала.

Но, видя,

что Ленин бессменно

стоит у руля,

мы смело встречали

кипенье девятого вала.

И мы победили.

И, ленинский помня

завет,

на стройку пошли,
не ломая рабочего строя.
Нам выпало мало
спокойных, безоблачных
лет.

Мы песню труда
проносили сквозь музыку
боя.

Вокруг погляди —
молодые растут города,
плотины и домны,
разливы пшеницы и жита.
Все это народ наш взрастил
на века, навсегда.
Все это
от недругов
верностью нашей
прикрыто.

Друзьям нашим
счета среди человечества
нет.

Да здравствует братство!
Да сгинут страданья
и войны!

Наш путь освещает
немеркнувший ленинский
свет.

В свой завтрашний день
мы,
сильные,
смотрим спокойно.

Евгений Евтушенко

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отрывок из поэмы

15

ШПИК

Если царь был первый сыщик в государстве, то каждый желавший сделать карьеру становился сыщиком, — и канцелярии Российских университетов фактически превратились в отделения жандармских управлений.

*Из воспоминаний
профессора Н. Н. Фирсова*

Пока крамольничали лодыри —
эх, на язык бы им типун! —
топтал у окон снег до одури
Его Величества топтун.

С глазами песьими, скулежными,
с продрогшим в варежке свистком,
в казенных чесанках с галошами,
он сам крамольничал тайком.

И, с бульбой носа помидорного,
припоминал, страдая, страж

валяж Матрены Дормидонтовны,
не умещавшийся в трельяж.

Припоминал стерлядку жирную,
и самовитого сига,
и политической жертвою
охранник чувствовал себя.

Ну а зубровочка, рябиновка,
ну а груздочки — каково!
И клял правительство родимое
личарда преданный его.

Он рассуждал, соплю прикусывая,
как будто свисший сталактит:
«Пусть лучше будет революция,
но лишь бы не радикулит».

И сыпанул бы рысью с искрами,
когда б не схвачен был уздой,
шпик — самовластия российского
так неустойчивый устой.

Но с орденами, словно с цацками,
за ним самим следить должны,
топтали Русь министры царские —
в хорьковых шубах топтуны.

И величаво, как приличествует,
в почтенном облаке седин
топтал страну Его Величество —
топтун под номером один.

Они следили за смутьянами,
давя зеленые ростки,
и за Володею Ульяновым,
как за врагом всяя Руси.

О вы, топтавшие отечество!
Вас нет, а он сегодня встал
в тужурке бронзовой студенческой,
«смутьян», взойдя на пьедестал.

Так, предвкушая с маком бублички
и то селянку, то блины,
места для памятников будущего
вытапывали топтуны...

16

СХОДКА

Собрало нас сюда не что иное, как
сознание невозможности всех условий,
в которые поставлена русская жизнь
вообще и студенческая в частности...

*Из петиции казанских студентов
4 декабря 1887 года*

В Москве или Казани,
нафабривши усы,
преподают казаки
историю Руси.

Студентов кони давят,
и, сжата в пятерне,
нагайка смачно ставит
отметки на спине.

И что призыв к прогрессу,
и что наивный бунт,
когда в нагайке весу,
пожалуй, целый фунт.

Нагаечка, нагайка
казаческая честь.

В России власть — хозяйка,
пока нагайка есть.

И против нагаек,

штыков,

государственной страшной

махи́нищи

студенты,

мальчишечки.

Но если боится чего-то

такая махина,

то, значит, лишь сверху тверда,

а внутри — как мякина.

От страха —

в ручищах лабазников ломы и гири,

от страха — цензура,

от страха — остроги Сибири.

Боятся суков,

на которых сидят,

своих же шпиков

и своих же солдат.

И Зимний дворец —

как штыками утыканный торт,

где морды сидят за оградой из морд.

Гитара поет,

притишая струну,

в студенческой тесной каморке:

«О, если б все морды сложились в одну
и дать бы по морде той морде!»

И кто-то кричит в молодом озорстве,
заусенцы кусая:

«Пощечину славно влепили в Москве,
а что мы, безруки в Казани?!

На сходку!

Еще не загнул народ,

пока среди рабства и скотства
в нем дочь новгородского веча живет —
студенчества русского сходка!»

«Хотят кнутовище нагайки

засунуть нам в глотку?»

«На сходку!

На сходку!»

«Россию навек уподобить хотят околотку?»

«На сходку!

На сходку!»

«Политзаключенных по тюрьмам вгоняют в чахотку?»

«На сходку!

На сходку!»

«Забрали и право и власть,

а народу оставили водку?»

«На сходку!

На сходку!»

И юная лава,

кипящая неудержимо,

и слева и справа

летит на Помпею режима.

И гневно,

упрямо

в котле мятежа, в клокотанье

Володя Ульянов

со вскинутыми кулаками.

И в актовом зале,

как будто бы в зале конвента,

за выкриком выкрик

взлетают несметно,

кометно.

«Клянитесь спасти наш народ,

историческим рабством

клейменный!»

«Клянемся!

Клянемся!»

«Клянитесь, что в этой борьбе не допустит никто
вероломства!»

«Клянемся!

Клянемся!»

Инспектор Потапов,

примите награду почетную —

пощечину!

И выстрел «Авроры»

над питерскими проспектами,

как эхо пощечины,

влепленной в морду инспектору!

Студенчество мира,

лети по-казански вулканно

на морды и мифы

со вскинутыми кулаками!

Уже не нагайку —

дубинку суют полицейские в глотку,

но ты продолжаешь

казанскую вечную сходку.

И юно и яро,

отчаянно прыгнувший с полки,

Володя Ульянов

бушует в Мадриде и Бёркли.

В ответ на несущие смерть

самолеты, эсминцы, подлодки:

от сходки студентов —

до всечеловеческой сходки!

Все морды планеты

сложились в глобальную сальную морду.

К черту!

Тряситесь от страха, все морды планеты.

Вы душите правду,

но вам вопреки

мой Ленин — бессмертно семнадцатилетний,

поднявший тогда и на вас кулаки!

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Для спасения благомыслящих не щадите негодяя.

*Телеграмма министра просвещения
И. Д. Делянова в Казань
после студенческой сходки*

Как георгиевскому кавалеру
самый памятный —
первый крест,
так и революционеру
самый памятный —
первый арест.
Арестованный —
это званье.
Круг почета —
тюремный круг.
Арестованным быть —
признание
государством твоих заслуг.
Где один человек настоящий
не под слезкой —
ну хоть бы один?!
В подозрительных не состоящий
подозрителен
как гражданин.
В государстве рабов и хозяев
поднят лозунг незримый на щит:
«Для спасения негодяев
благомыслящих не щадить».

Косит глазом конь буланый
и копытами частит.
Арестованный Ульянов
не особенно грустит.

Почему должно быть грустно,
если рот хотят зажать?
Пусть грустят в России трусы,
кого не за что сажать.

Рот пророческий, зажатый
полицейским кулаком,—
самый слышимый глашатай
на России испокон.

Страшно, брат, забыть о чести,
душу вывалить в дерьме,
а в тюрьме не страшно, если
цвет отечества в тюрьме.

В дни духовно крепостные,
в дни, когда просветов нет,
тюрьмы — совести России
главный университет.

И спасибочко, доносчик,
что властям, подлец, донес,
и спасибочко, извозчик,
что в тюрьму, отец, довез.

Вот уже ее ворота.
Конь куражится, взыграв.
Улыбается Володя.
Арестован — значит, прав.

Благодушный рыхлый пристав
с ним на «вы», а не на «ты».
У него сегодня приступ
бескорыстной доброты.

Мальчик мягкий, симпатичный
чем-то схож с его детьми.

Сразу видно — из приличной,
из начитанной семьи.

Замечает пристав здраво:
«Тюрем — много, жизнь — одна.
Что бунтуете вы, право?
Перед вами же стена...»

Но улыбка озорная
у Володи:
 «Да, стена,
только, знаете,— гнилая.
Ткни — развалится она...»

Обмирает пристав, ежась:
«Это слышу я стрезва?
Неужели есть возможность,
что она того... разва...»

Для него непредставимо,
что развалится режим,
как давным-давно для Рима,
что падет прогнивший Рим,

как сегодня на Гаити
для тонтонов Дювалье,
и в Мадриде на корриде,
и на греческой земле.

Топтуны недальнозорки.
Заглянуть боясь вперед,
верят глупые подпорки,
что стена не упадет.

А смеющийся Ульянов
ловит варежкой снег,
и летит буланый, прынув,
прямо в следующий век.

Там о смерти Че Гевары,
как ацтеки о богах,
мексиканские гитары
плачут, струны оборвав.

Но за ржавую решеткой
нацарапано гвоздем
по-Володиному четко:
«Мы пойдем другим путем».

Может, слышится в Китае:
«Перед вами же стена...»,
а в ответ звучит: «Гнилая...
Ткни — развалится она».

И в отчаянном полете
карусельного коня
продолжается, Володя,
вечно молодость твоя.

Бедный пристав — дело скверно.
Не потей — напрасный труд.
Что ломает стены? Вера
в то, что стены упадут!

ЭПИЛОГ

Спасибо, стены города Казани,
за то, что вы мне столько рассказали.

Мне вновь планида оказала милость,
и, вновь даря свой выстраданный свет,
как в Братской ГЭС,
Россия мне раскрылась
в тебе, Казанский университет.

Фантазия моя весьма слаба.
Я верю только фактам. Я не мистик.
История России есть борьба
свободной мысли с удушением мысли.

История — не в тезоименитствах,
а в скрытых соках матери-земли,
и сколько ни рождалось бы магницких,
в России Лобачевские росли.

...Апрель в Казани. Ледоход на Волге.
Жизнь продолжает вечную игру,
и девочка с лицом народovolки
прощается со мною на углу.

Чистейшая, как выдох твой, природа,
она летит по воздуху легко.
Два голубых осколка ледохода
заполнили все ее лицо.

Она — как веткой по небу рисунок,
а с крыш гремит серебряный каскад:
блистательная временность сосуллек
кончается раздрызгом об асфальт.

Ах, молодость, лети, хрусти по льдинкам,
живи и властвуй в мире молодом
и будь всегда прекрасным поединком
души с бездушьем и огня со льдом.

Но нарастает на душе короста,
и постаренья ход неуследим.
Быть молодым, когда ты молод, — просто,
и подвиг — быть бессмертно молодым.

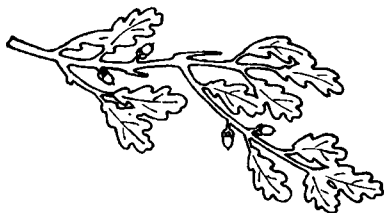
Прошло сто ледоходов, сто цветений
с тех пор, когда над грохотом реки

родился тот апрельский русский гений
и вскинул над планетой кулаки.

Склонимся же у входа в Мавзолей.
Склонимся у незримых пьедесталов
тех дочерей страны и сыновей,
кто в зрелости не предал идеалов
вольнлюбивой юности своей.

Люблю тебя, Отечество мое,
не только за частушки и природу —
за пушкинскую тайную свободу,
за сокровенных рыцарей ее,
за вечный пугачевский дух в народе,
за доблестный гражданский русский стих,
за твоего Ульянова Володю,
за будущих Ульяновых твоих.

Казань — Москва
1970

Платон Воронько

НЕ ЗНАЮ ВЫСШЕЙ ЧЕСТИ

Неумирающее вижу поколение,
В чьей поступи —
Октябрьский вешний гром.
Тем людям
Ни забвенья нет, ни тленья!
Земли коснется алый стяг крылом
И снова к небу,
В грозы революций,
В прибой немолкнущий шеренг передовых —
И тех, что сеют хлеб,
И тех, что с тьмою бьются
И гибнут ради света для живых.

Идут от Смольного
На штурм
Во мгле осенней
И в эру новую берут те люди старт.
На трассах звездных,
В пламени сражений
Они — наш неизменный авангард.

Ведет их Ленин.
Может, бронза, камень
Связуют его образ с нашим днем?

Нет! Это жизнь его
Вступила в сплав с веками
Бессмертным Прометеевым огнем.
С ним —
Гвардия народных комиссаров,
Рабочих, командармов, запевал.
В глазах не гаснут отсветы пожаров,
А ветер
От знамен
Рассветно ал.

Одним полком идут они, все вместе,
Дорога их прямая нелегка...
Я с детства для себя
Не знаю высшей чести:
Быть верным сыном
Этого полка.

Константин Ваншенкин

ИМЯ — ЛЕНИН

Навсегда это светится имя!
А ведь многие имена
Стерлись сами иль стерты другими
Именами — в свои времена.

Ежедневно, а то ежечасно
Быть ему в нашей жизни дано.
Хоть оно повторяется часто,
Все равно не померкнет оно.

Николай Лайне

СУДЬБА

Из поэмы «Коммунисты»

Нет, не уходит прошлое в отставку,
Оно во мне невидимо живет.
Отчетливей, чем хлебную прибавку,
Я помню этих книжек переплет.
Мне на забыть страницы той заглавной,
С которой как-то, сумрак прочь гоня,
Родной Ильич с улыбкой доброй глянул,
Так по-отцовски глянул на меня.
«Я знал карел — упорны эти люди»,—
Сказал Ильич про наших земляков.
Он знал, он верил, что счастливым будет
Народ в краю нетронутых лесов.
Он видел там, вдали, как высь окутал
Дым новостроек. И за далью дней
Он слышал гул на водопадах Куйтто,
Вбегал на скалы Лиэксы моей.
Он различал черты Большой Сегежи,
И пенье волн он слушал в тишине.
И эти песни, вместе с ветром свежим
Ворвавшись в сердце, властвуют во мне.
Огни минувших строек в отдаленье —
Ведь это жизни нынешний рассвет.
И верю я, что сам великий Ленин
В те дни вручил нам красный партбилет.
Став ленинцами, как мы повзрослели!
Как будто сразу крылья обрели,
Как будто мы действительно взлетели
Над горными вершинами земли.

Геннадий Буравкин

ЧЕТЫРЕ ДУМЫ О БЕЛОРУССИИ

Отрывок из поэмы

День уходил.

Густел морозный вечер.
На стыхлых стеклах наледь наросла.
И от бессонниц пригибались плечи.
Наваливались тяжкие дела.

Ильич, зажмурясь, быстро встал со стула.
И замер возле серого окна.
Вечерний сумрак резко подчеркнула
Зубчатая Кремлевская стена.

Молчание бескрайности неясной...
Безлюдный двор поземка подмела.
И только от зеленой башни Спасской
Январская повеселела мгла.

Кончается январь. Страна в остуде.
Помалу приближается весна.
Измучились, изголодались люди.
А все еще не кончилась война.

На побережьях всюду оккупанты.
Кругом бандитов приютила глушь.

На горле пальцы барские Антанты.
Но, взявши гуж, не говори — не дуж.

Он думал. Да.

И ждал.

Не удивился.

И опытом, как хлебом из печи,
Еще горячим, на ходу делился.
Тревожно... Трудно... Только не молчи!

На карту глянул,

словно канонаду

Услышал вдруг — опять гудят виски.
Как саранча, кругом обсели карту
Фронтов тревожных черные флажки.

Подумал: «Пересилим. Перетерпим.

Подарим жизни волю и размах.

Per aspera-ad astra!

И сквозь тернии

Прорвемся к нашим звездам в небесах».

И весело воскликнул:

— Будет, будет

И воля,

и достаток,

и покой.

И отовсюду к нам приедут люди

Потрогать революцию рукой...

И лик его усталый прояснился.

Такую даль увидел, что еще

Всем не видна...

И вдруг остановился.

Кольнуло остро в левое плечо.

Боль переждал.

Вдруг зашатались своды.

Подумалось тревожно: «Ну с чего б?
Усталость?»

Резкий перелом погоды?»

Вновь охватил рукой широкий лоб.

И спохватился —

секретарь топтался

В дверном проеме с папками в руках.

— Прошу,— сказал Ильич...

Не отоспался.

Вошедший видел бледность на щеках.

Уж слишком долго тянется заминка.

Махнул рукой.

— Ну что вы там, смелей.

— Тут телеграмма срочная. Из Минска.

— Пожалуйста, оставьте на столе.

Схватил углы стола — углы работы!

И вмиг забыл свои недуги он.

Вернулась память в год девятисотый.

Июльский Минск.

И духота... Перрон...

Сергей Михалков

ЛЕНИНСКАЯ «ПРАВДА»

Во имя Правды рождена,
В огне боев закалена
Была она!
Ее душили,
 рвали,
 жгли,
Но уничтожить не могли —
Так духом ленинским сильна
Была она.
Она сзывала, как набат,
Крестьян,
 рабочих
 и солдат
На штурм дворцов,
В окопах,
 в избах
 и в цехах
 была в мозолистых руках —
Своих бойцов...
В нее писал,
Над ней мечтал
И каждый день ее читал
Великий коммунист.

Центральный Комитет верстал
Ее газетный лист.
И день за днем,
За годом год
Уже десятки лет —
Она живет,
 зовет,
 ведет
И слово Партии в народ
Несет,
 как яркий свет!

1978

ПАРТИЯ — НАШ РУЛЕВОЙ!

Слава борцам, что за правду вставали,
Знамя свободы высоко несли,
Партию нашу они создавали,
К цели заветной веди.

Долгие, тяжкие годы царизма
Жил наш народ в кабале.
Ленинской правдой заря коммунизма
Нам засияла во мгле.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

Партия наша народы сплотила
В братский, единый союз трудовой.
Партия — наша надежда и сила,
Партия — наш рулевой!

Думы народные в жизнь воплощая,
В бурях крепка, как скала,
В грозных сраженьях врагов сокрушая,
Партия наша росла.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

Нас не страшат ни борьба, ни сраженья —
Ярко горит путеводный маяк!
И помешать нам в победном движении
Пусть не пытается враг.

С нами сегодня идут миллионы,
Наше единство растет.
Мудростью партии путь озаренный
Нас к коммунизму ведет.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года,
Мы беззаветно делу Ленина верны.
Зовет на подвиги советские народы
Коммунистическая партия страны!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ.	
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. Поэма	11
ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ. Стихи, баллады, поэмы	101

I

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Владимир Ильич!	103
ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. <i>Идея. Перевод с грузинского И. Поступальского</i>	106
НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ. «Портретов Ленина не видно...»	108
АКОП АКОПЯН. В. И. Ленин. <i>Перевод с армянского А. Тарковского</i>	109
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Петербург. <i>Перевод с грузинского Б. Пастернака</i>	110
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Сами	111
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Мы не верим!	115
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ. Партбилет № 224332	117
ВЕРА ИНБЕР. Пять ночей и дней	118
НИКОЛАЙ АСЕЕВ. Реквием	119
РЮРИК ИВНЕВ. У гроба	121
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. Ленин	122
НИКОЛАЙ УШАКОВ. 16 часов, 27 января 1924 года	123
ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ. Ленин. <i>Перевод с армянского В. Баласана</i>	125

ПАОЛО ЯШВИЛИ. На смерть Ленина. <i>Перевод с грузинского Б. Пастернака</i>	128
СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ. Ленин. <i>Перевод с лезгинского Э. Капиева</i>	130
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Ленин. <i>Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»</i>	131
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ. Докладная записка. <i>Деревенская быль</i>	135
ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ. Ленин	140
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ. 1924	141
ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ. Баллада о Владимире Ильиче, мужике и паре сапог. <i>Перевод с армянского В. Баласана</i>	143
ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Ленин. <i>Перевод с грузинского П. Антокельского</i>	148
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Комсомольская	150

II

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Капитан земли	157
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Снежинки	160
НИКОЛАЙ АСЕЕВ. Годовщина смерти вождя. <i>Отрывок</i>	161
ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ. Ленин и Али. <i>Перевод с армянского С. Ботвинника</i>	164
АЛЕКСАНДР ЖАРОВ. Ленин на III съезде РКСМ	171
НИКОЛАЙ АСЕЕВ. Русская сказка	174
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. 15-е марта 18-го года. <i>Вступление к поэме «Выра»</i>	178
БОРИС КОРНИЛОВ. Памятник Ленину	180
БОРИС ПАСТЕРНАК. Из поэмы «Высокая болезнь»	182
ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ. «Ленин! Ленин — но не митинговый...» <i>Перевод с армянского М. Павловой</i>	184
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Разговор с товарищем Лениным	185
МУСА ДЖАЛИЛЬ. Ленинцы. <i>Перевод с татарского В. Торопыгина</i>	189
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ. Песня о Ленине. <i>Из цикла «Песни киргиз-казахов»</i>	190
САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ. Ленин в Смольном. <i>Перевод с украинского Б. Иринуца</i>	193
АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ. «Когда мы в огнеметной лаве...»	196
Три поколения	197
ВАСИЛИЙ КАЗИН. Снимок	198
МИРЗА ГЕЛОВАНИ. Ленину. <i>Перевод с грузинского Ю. Ряшенцева</i>	200

КАДЫР ДАЯН. Скорбь и любовь. <i>Перевод с башкирского В. Тушиновой</i>	201
ФЕДОР ТЫНЭТЭГЫН. Раньше и теперь. <i>Перевод с чукотского В. Намовой</i>	202
ЙОХАННЕС БАРБАРУС. Ленин. <i>Перевод с эстонского Г. Ярославцева</i>	203
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ. Ленин и печник	205
АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ. «Чем больше лет ложится мне на плечи...»	211
ВИКТОР ГУСЕВ. 19 октября 1923 года	212

III

ЛАДО АСАТИАНИ. Книга Ленина. <i>Перевод с грузинского Г. Цагарели</i>	217
ВИТАУТАС МОНТВИЛА. Ленину. <i>Перевод с литовского Л. Озерова</i>	219
Дайна о Ленине. <i>Перевод с литовского Л. Озерова</i>	220
ИЛО МОСАШВИЛИ. Ленин на броневике. <i>Перевод с грузинского Д. Бродского</i>	222
ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ. Первый день	224
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ. Ленин	225
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ. Баллада о ленинизме	226
МИХАИЛ ДУДИН. Стихи о шалаше	230
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ. Сказка вьюги	232
САЛОМЕЯ НЕРИС. Ленина лицо — лицо родное. <i>Перевод с литовского В. Державина</i>	235
СЕМЕН ГУДЗЕНКО. Баллада о знамени	236
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ. Портрет Ленина. <i>Перевод с украинского автора</i>	241
ЯКУБ КОЛАС. Живет средь нас гений. <i>Перевод с белорусского П. Карабана</i>	242
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Ленин	244
АЛЕКСЕЙ СУРКОВ. Ленин	246
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ. Домик в Шушенском	248
СЫРБАЙ МАУЛЕНОВ. Ленин в своем кабинете. <i>Перевод с казахского А. Гагова</i>	254
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ. День рождения Ленина	255

САМУИЛ МАРШАК. Баллада о памятнике	256
ВИНЦАС МИКОЛАЙТИС-ПУТИНАС. Октябрь. Перевод с литовского И. Сельвинского	258
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ. Комната Ленина в Праге. Перевод с украинского А. Прокофьева	260
АГНИЯ БАРТО. Утро перед парадом	261
САЙФИ КУДАШ. Домик в Уфе. Перевод с татарского В. Потоповой	262
СИМОН ЧИКОВАНИ. У памятника Ленину. Перевод с грузинского А. Межирова	265
СЕМЕН КИРСАНОВ. Читая Ленина	267
НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ. Баллада о портрете	269
ПЕРЕЦ МАРКИШ. Барельеф Ленина. Перевод с еврейского М. Петровых	271
АНАТОЛЬ ИМЕРМАНИС. Ленин в Риге. Перевод с латышского Н. Панова	272
АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ. Памяти Ленина	274
ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС. Огонек. Перевод с литовского И. Сельвинского	282
НАЗАР НАДЖМИ. Первый урок. Перевод с башкирского Е. Аксельрод	283
АРКАДИЙ КУЛЕШОВ. Живой Ленин. Перевод с белорусского Я. Хелемского	285
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Ток включен. Перевод с грузинского Л. Мартынова	287
ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ. У Мавзолея. Перевод с чувашского М. Светлова	291
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Ленин в Грузии. Перевод с грузинского Л. Мартынова	292
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ. Ленин	294
КОНСТАНТИН СИМОНОВ. Ночь перед бессмертием	296
ГАМЗАТ ЦАДАСА. Ленин. Перевод с аварского Я. Хелемского	299

IV

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Лучи ленинского света. Перевод с грузинского А. Межирова	301
РАСУЛ РЗА. Ленин. Перевод с азербайджанского А. Тарковского	303
МИХАИЛ ЛУКОНИН. Ленин	308

САМЕД ВУРГУН. Читая Ленина. Поэма. Перевод с азербайджанского П. Антокольского	313
ШАРАФ МЮДАРРИС. Наш земляк. Перевод с татарского Е. Винокурова	321
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Ленин в Самгори. Перевод с грузинского А. Межирова	323
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ. Кремль. 1918. Отрывки из поэмы	325
ЦЫРЕН-БАЗАР БАДМАЕВ. Кремлевские часы. Перевод с бурятского В. Киселева	330
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ. Дума о Ленине	331
ХУТА БЕРУЛАВА. Ленину. Перевод с грузинского А. Межирова	334
СИМОН ЧИКОВАНИ. Дом Ленина в Поронино. Перевод с грузинского А. Межирова	335
ДЕБОРА ВААРАНДИ. В Сибири. Перевод с эстонского Л. Тоома	338
МАРГАРИТА АЛИГЕР. Первое стихотворение	341
ДМИТРИЙ ГУЛИА. О Ленине. Перевод с абхазского М. Соболя	345
СЕРГЕЙ СМИРНОВ. Ленину	347
НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ. Ходоки	348
ВАСИЛИЙ КАЗИН. Великий почин. Отрывок из поэмы	351
ГЕВОРГ ЭМИН. «Двадцать четвертый год. Январь. Зима...» Перевод с армянского М. Львова	357
ВАДИМ ШЕФНЕР. «Когда мне было девять лет...»	358
АЛЬГИМАНТАС БАЛТАКИС. Ленин в Вильнюсе. Перевод с литовского Л. Озерова	360
ЮРИЙ ГОЙДА. Ленинская правда. Перевод с украинского М. Максимова	361
РАСУЛ ГАМЗАТОВ. День рожденья Ильича. Перевод с аварского Н. Гребнева	363
АЛЕКСАНДР ЯШИН. У кабинета Ильича	365
ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ. Москва. Отрывки из поэмы	367
АНДРЕЙ МАЛЫШКО. «Не одного он принял ходока...» Перевод с украинского В. Рождественского	372
САВВА ГОЛОВАНОВСКИЙ. Братья. Отрывки из поэмы. Перевод с украинского Н. Брауна	373
ПЕТРУСЬ БРОВКА. Декрет Ленина. Перевод с белорусского Я. Хелемского	376
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Наш Ленин. Перевод с грузинского А. Межирова	378
ВИКТОР БОКОВ. Ленин	379
ВЕРА ИНБЕР. Ленин и время	381

ВИССАРИОН САЯНОВ. Встреча	383
РАСУЛ ГАМЗАТОВ. Горцы у Ленина. <i>Перевод с аварского Н. Гребнева</i>	385
ДАВИД САМОЙЛОВ. Его слово	388
НУРАТДИН ЮСУПОВ. Ильич входит в Кремль. <i>Перевод с лакского В. Берестова</i>	390
ГЕОРГИЙ ЕФИМОВ. Весенние строки. <i>Перевод с чувашского М. Шехтера</i>	392
ПЕТРУ ЗАДНИПРУ. Односельчанин. <i>Перевод с молдавского С. Ботвинника</i>	393
АЙН КААЛЕП. Я читаю его сочинения. <i>Перевод с эстонского Ю. Гордиенко</i>	395
СУЛЕЙМАН РАБАДАНОВ. Ленин. <i>Перевод с даргинского М. Лаптева</i>	396
МИХАИЛ ЛУКОНИН. Его любовь. <i>Из поэмы «Признание в любви»</i>	397
КАЙСЫН КУЛИЕВ. Горская поэма о Ленине. <i>Отрывок из поэмы. Перевод с балкарского М. Дудина</i>	401

V

СЕМЕН КИРСАНОВ. Ты, город	409
АНДРЕЙ МАЛЫШКО. «Там, в Париже, в сумрачном квартале...» <i>Перевод с украинского В. Рождественского</i>	413
ГРИГОРИЙ САННИКОВ. Ленин и Уэллс	414
ГАФУР ГУЛЯМ. Памятник Ленину на Востоке. <i>Перевод с узбекского Ю. Левитанского</i>	415
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН. Ленинский портрет	416
АНТОН БЕЛЕВИЧ. «...Будто солнце в добрый час...» <i>Фрагмент. Перевод с белорусского Н. Брауна</i>	417
ХАКИМ ГИЛЯЖЕВ. Рисунок, выжженный огнем. <i>Перевод с башкирского Е. Николаевской</i>	421
АЛЕКСАНДР ЯШИН. Ленинский проспект	423
АЛЕКСЕЙ СУРКОВ. Есть такая партия!	424
АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ. Не Ленин ли готовил этот час...	426
АРКАДИЙ КЛАБУКОВ. У Ленина. <i>Перевод с удмуртского С. Ботвинника</i>	427
СИБГАТ ХАКИМ. Письмо Ленину от крестьян деревни Кокушкино. <i>Перевод с татарского Я. Смелякова</i>	431

СИЛЬВА КАПУТИКЯН. Твой памятник. <i>Перевод с армянского Д. Голубкова</i>	435
ВИКТОР АЛДАНСКИЙ. Резьба. <i>Перевод с якутского Н. Глазкова</i>	437
ХАЗРЕТ АШИНОВ. У карты. <i>Перевод с адыгейского В. Луговского</i>	438
ПЕТРУСЬ БРОВКА. «Правду» читает Ленин. <i>Перевод с белорусского Я. Хележского</i>	439
ИВАН ДРАЧ. Прометеева баллада. <i>Перевод с украинского М. Максимова</i>	441
АРСАЛАН ЖАМБАЛОН. Ленинский субботник. <i>Перевод с бурятского В. Автономова</i>	443
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Лонжюмо. Поэма	445
ГУСЕИН ГУСЕИН-ЗАДЕ. Бессмертие. <i>Перевод с азербайджанского А. Халдеева</i>	456
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ. В парке культуры и в сквере	459
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Письмо в ХХХ век. <i>Отрывок из поэмы</i>	461
АНДРЕЙ ПАСАР. Песнь о матери. Фрагмент. <i>Перевод с нанайско-ко С. Смолякова</i>	465
БОРИС УКАЧИН. Рожденные весной. <i>Перевод с алтайского И. Фонякова</i>	467
СЕМЕН ДАНИЛОВ. Счастье якутов. <i>Перевод с якутского Г. Гампер</i>	469
ВЛАДИМИР АБИТОВ. Слово о Ленине. <i>Перевод с черкесского А. Яльмарова</i>	471
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Братская ГЭС. <i>Отрывок из поэмы</i>	474
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ. Ленин	479
МАКСИМ ТАНК. В Шушенском. <i>Перевод с белорусского Г. Куренева</i>	481
ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ. Ленин. <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	482
Записки Ленина. <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	—
«Когда ключом кипели вокруг события...» <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	483
«Почетным отдыхом пенсионера...» <i>Перевод с калмыцкого Ю. Нейман</i>	484
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ. Ленин	485
ПИМЕН ПАНЧЕНКО. Высокое напряжение. <i>Перевод с белорусского Г. Куренева</i>	486
ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ. Ленин, том 54-й. Фрагмент из поэмы. <i>Перевод с украинского Дм. Седых</i>	487
ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ. Седьмое небо. <i>Отрывок из поэмы</i>	490
МИРДЗА КЕМПЕ. Дума о Ленине. <i>Перевод с латышского Л. Романенко</i>	494

УЛУРО АДО. Лето юкагирам Ленин подарил. <i>Перевод с юкагирского Н. Слепаковой</i>	495
ЛЮБОВЬ ЗАБАШТА. Ленин в Париже. <i>Перевод с украинского В. Корчагина</i>	496
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Броневи́к	498
ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «Раздольный, словно песня, дух народа...»	500
АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ. Прекрасная быль	501
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ. Счастливый человек	503
СЕРГЕЙ ОРЛОВ. Из цикла «Ода революции»	505
ЮСТИНАС МАРЦИНКЯВИЧЮС. Сегодняшний Ленин. <i>Перевод с литовского С. Ботвинника</i>	506
МАРК ЛИСЯНСКИЙ. «Он понимал, что жить осталось...»	511
АЛЕКСЕЙ СУРКОВ. В завтрашний день	512
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО. Казанский университет. <i>Отрывок из поэмы</i>	514
ПЛАТОН ВОРОНЬКО. Не знаю высшей чести. <i>Перевод с украинского В. Корчагина</i>	526
КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН. Имя — Ленин	528
НИКОЛАЙ ЛАЙНЕ. Судьба. Из поэмы «Коммунисты». <i>Перевод с финского М. Тарасова</i>	529
ГЕННАДИЙ БУРАВКИН. Четыре думы о Белоруссии. <i>Отрывок из поэмы. Перевод с белорусского И. Шкляревского</i>	530
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ. Ленинская «Правда»	533
«Партия — наш рулевой!»	534

Библиотека школьника

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

том 4

ИБ № 5815

Ответственный редактор
Ю. Н. СПАССКАЯ

Художественный редактор
Г. Ф. ОРДЫНСКИЙ

Технический редактор
В. К. ЕГОРОВА

Корректоры

Э. Н. СИЗОВА и Н. Г. ХУДЯКОВА

Сдано в набор 12.04.82. Подписано к печати 13.12.82. Формат 70×90¹/₁₆. А03834. Бум. офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,78. Усл. кр.-отт. 41,54. Уч.-изд. л. 20,52. Тираж 250 000 (1—100 000) экз. Заказ № 1470. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 Жизнь Ленина: Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах/Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева.— М.: Дет. лит., 1980.— (Библиотека школьника).— Т. 4. Владимир Маяковский «Владимир Ильич Ленин», «Живее всех живых». Стихи, баллады, поэмы. 1982.— 543 с., ил.

В пер.: 1 р. 50 к.

В этот том входит поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»; в разделе «Живее всех живых» представлены стихи, баллады, поэмы, посвященные В. И. Ленину, написанные поэтами народов Советского Союза.

Ж 4803010102—560 Подп. над.
М101(03)82

ББК 13.5
3К26